

БЕЛИНСКИЙ В НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННОКОВ (1834—1848)

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ В. С., И. С., К. С., О. С. и С. Т. АКСАКОВЫХ, В. П. АНДРОСОВА, П. В. АННЕНКОВА, А. А., Ал. А. и П. А. БАКУНИНЫХ, С. М. БАРАНОВСКОГО, К. П. БАРСОВА, Н. А. БЕЕР, Н. Г. БЕЛИНСКОГО, В. П. БОТКИНА, И. И. ВВЕДЕНСКОГО, А. Д. и И. П. ГАЛАХОВЫХ, А. И. ГЕРЦЕНА, Д. П. ГОЛОХВАСТОВА, Т. Н. ГРАНОВСКОГО, В. В. ГРИГОРЬЕВА, Г. А. ГУРЦОВА, М. А. ДМИТРИЕВА, А. П. ЕФРЕМОВА, К. Д. КАВЕЛИНА, А. Г. КАРТАШЕВСКОГО, М. Н. КАТКОВА, К. И. КЕСТНЕРА, Н. Х. КЕТЧЕРА, И. П. КЛЮШНИКОВА, П. А. КОРСАКОВА, М. Ф. КОРШ, А. А. КРАВВСКОГО, П. Н. КУДРЯВЦЕВА, И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА, А. ЛЫСЦОВА, П. И. МЕЛЬНИКОВА (ПЕЧЕРСКОГО), М. Л. МИХАЙЛОВА, Н. П. ОГАРЕВА, И. И. ПАНАЕВА, П. А. ПЛЕТНЕВА, М. П. ПОГОДИНА, Н. А. ПОЛЕВОГО, Н. М. САТИНА, А. В., И. В. и Н. В. СТАНКЕВИЧЕЙ, А. П. ТЮТЧЕВОЙ, Н. Г. ФРОЛОВА, Е. Д., М. С. и П. М. ЩЕПКИНЫХ, М. А. и Н. М. ЯЗЫКОВЫХ

Публикация и комментарии М. Барановской, Н. Бродского,
Ю. Красовского, Л. Ланского, Н. Розенблюма,
Н. Соколова, В. Спиридонова, Я. Черняка
и Натальи Эфрос

Предисловие и редакция А. Осокина

Политическая и литературная биография Белинского строится не только на его статьях и письмах, не только на материалах журнальной, книжной и газетной полемики, не только на документах классовой борьбы его времени, не только на воспоминаниях его друзей и врагов. К первоисточникам биографии великого критика относятся и свидетельства о его жизни и деятельности, рассеянные в переписке его современников, особенно тех из них, которые в силу разных причин (иногда совершенно случайных) оказывались в общении с самим Белинским или с людьми из его ближайшего окружения.

Первый опыт использования материалов этой категории осуществлен был в известном био-библиографическом справочнике «Летопись жизни Белинского», опубликованном к 75-летию со дня смерти великого критика (М., 1924). Эта книга ввела в широкий научный оборот десятки не известных ранее документов о Белинском, критически учла и систематизировала важнейшие печатные свидетельства о нем, отменила немало ошибочных положений дореволюционной литературы о Белинском и существенно уточнила проблематику дальнейшего его изучения. Как одна из первоочередных задач для построения научной биографии Белинского сразу же определилась и необходимость расширения того узкого круга первоисточников, на который опирались все досоветские биографы великого критика — от А. Н. Пыпина до С. А. Венгерова, С. Ашевского, А. А. Корнилова, Е. А. Ляцкого и др.

Великая Октябрьская социалистическая революция сделала национальным достоянием целый ряд важнейших литературных архивов, доступ в которые был или вовсе невозможен, или крайне затруднен. Но и те архивные фонды, которые давно уже были в распоряжении исследователей, требовали новой, более углубленной проработки, ибо идеалистические позиции и примитивная техника источниковедческой работы дореволюционных биографов Белинского никак не могли обеспечить их публикации от вольных и невольных ошибок, пробелов, искажений.

Систематический просмотр материалов литературных архивов СССР с целью выявления в них свидетельств о Белинском организован был редакцией «Литературного наследства» в 1947—1950 гг. В семи основных архивохранилищах и музеях Советского Союза* обследовано было около 100 личных фондов, в том числе Аксаковых, Анненковых, Бакуниных, В. П. Боткина, А. И. Герцена, К. А. Горбунова, М. Н. Каткова, Н. Х. Кетчера, А. А. Краевского, Я. М. Неверова, В. Ф. Одоевского, М. П. Погодина, А. В. и Н. В. Станкевичей, С. П. Шевырева, Щепкиных и других.

В результате предпринятых поисков было выявлено около 200 писем, содержащих не известные ранее свидетельства о Белинском.

Хронологические рамки, охватывающие весь этот новый материал о Белинском, очень широки. Самое раннее из печатаемых нами свидетельств относится к 17 сентября 1834 г. (письмо В. П. Андросова к А. А. Краевскому о кризисе в журналах Надеждина, писанное за несколько дней до появления в «Молве» «Литературных мечтаний»), а последнее — к 11 июля 1848 г. (отклик на смерть Белинского поэта-революционера М. Л. Михайлова, товарища Чернышевского по С.-Петербургскому университету и будущего соратника его по литературной и революционной работе).

В пределах этих четырнадцати лет публикуемый ниже материал размещается далеко не равномерно и в качественном и в количественном отношении. Среди вновь выявленных свидетельств современников Белинского вовсе не оказалось данных, которые характеризовали бы идеологическую эволюцию великого критика от 1834 к 1837 г., историю его общественно-политических и литературных отношений за пределами кружка Станкевича (братья Н. А. и К. А. Полевые, кружок Н. С. Селивановского, М. С. Щепкин, Н. Х. Кетчер, Н. М. Сагин и молодой В. П. Боткин), последний период работы в «Телескопе» и др. Зато очень богато и разнообразно, на основании таких авторитетных источников как письма С. Т. и К. С. Аксаковых, В. П. Боткина, братьев Станкевичей, И. П. Ключникова документируется в публикации период 1838—1839 гг., особенно в частях, освещающих работу Белинского в «Московском наблюдателе» и его общественно-литературные отношения этой поры (письма №№ 14, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 33, 34, 36, 39, 40, 41). Так, например, письмо В. П. Боткина к Т. Н. Грановскому от 13 декабря 1838 г. позволяет окончательно установить, что разрыв Белинского с Бакуниным, вызвавший отказ последнего от участия в «Московском наблюдателе», был обусловлен не столько случайными мотивами личного порядка (см. «Письма», I, 185—192), сколько претензиями Бакунина на диктатуру в журнале и неприятием Белинским той платформы идеологической капитуляции перед абсолютизмом и крепостническим государством, которая была выдвинута Бакуниным в его программной статье о «Гимназических речах» Гегеля. Как свидетельствует боткинская трактовка этого эпизода, Бакунин «хотел услужить „Наблюдателю“ и написал для 1 № прошл<ого> года введение к „Гимназическим“ речам“ Гегеля. Да и удружил, как медведь пустынноку. Нет, такие вводители в философию Гегеля хуже врагов его!» (см. в настоящей публикации письмо № 34). Строки эти перекликаются с признанием Белинского в письме к Бакунину от 12 октября 1838 г.: «Глубоко уважаю Гегеля и его философию, но это мне не мешает думать, что еще не все приговоры во имя ее неприкосновенно святы и непреложны», — и с его же позднейшим заявлением о том, что именно статья Бакунина по поводу «Гимназических речей» Гегеля «дала дурное направление

* 1. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград); 2. Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва); 3. Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград); 4. Центральный государственный литературный архив (Москва); 5. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва); 6. Центральный государственный исторический архив (Ленинград); 7. Государственный театральный музей им. А. А. Бахрушина (Москва).

За содействие в работе по изысканию материалов для публикации редакция выражает благодарность зав. Отделом рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина проф. П. А. Зайчиковскому, сотруднице того же отдела А. А. Ромодановской и работникам Отдела письменных источников Государственного исторического музея — ст. научн. сотр. С. И. Саковичи научн. сотр. Е. А. Серединой.

БЕЛИНСКИЙ

Рисунок Е. А. Языковой, 1848 г.
Третьяковская галерея, Москва

журналу и на первых порах оттолкнула от него публику и погубила его безвозвратно» («Письма», I, 266 и 346). Если Белинский и Боткин, объясняя причины неуспеха «Московского наблюдателя», самокритически учитывали несогласие демократической аудитории с идеологическими предпосылками Бакунина, то свидетельства С. Т. и К. С. Аксаковых не оставляют никаких сомнений в существовании и других, более действенных факторов, вызвавших провал нового журнала. «Ему дали другого цензора — Совестра, — писал С. Т. Аксаков о «Московском наблюдателе», повидимому со слов самого Белинского, — вероятно с приказанием давить медленностью и всякими прижимками. От того книжки выходят медленно и подписка почти не прибавилась. Метода графа несправедлива и убийственна» (письмо № 27). «Нельзя нападать на „Наблюдатель“, — писал К. С. Аксаков, — за то, что он выходит медленно и что статьи его могли бы быть лучше. Цензура делает это невозможным» (письмо № 36). И в другом письме: «Что делает сейчас цензура — просто невыносимо. В статьях нет недостатка, но в срок выходить книжки не могут...» (письмо № 41).

Таким образом, журнал Белинского с самого начала находился на особом учете у властей как издание, явно не отвечающее «видам правительства». Это особое положение «Московского наблюдателя» определялось не только недоверием к Белинскому как к редактору журнала и автору основных статей, но и специальными мероприятиями гр. Строганова, попечителя Московского учебного округа и председателя Московского цензурного комитета, направленными на разрушение материальной базы журнала.

Задержка книжек в цензуре, вызывавшая замедление выхода их в свет, искусственно создавала впечатление ненадежности издания и сокращала число подписчиков, что обрекало журнал на гибель.

Новые материалы характеризуют и борьбу Белинского за реорганизацию «Московского наблюдателя» путем превращения его с 1839 г. в ежемесячник с широкой общественно-литературной программой. Однако неверный политический курс на развитие и де й «примирения» с действительностью, усвоенный «Московским наблюдателем» в самом начале, отвлеченно-созерцательный характер большинства статей, перегруженность их специальной философской терминологией, сознательное уклонение от литературной и журнальной полемики и недостаток внимания со стороны редакции к беллетристическому отделу обусловили падение журнала Белинского. К весне 1834 г. «Московский наблюдатель» оказался не только без подписчиков, но и без сотрудников.

Вновь выявленные документы проливают свет и на личную драму Белинского этой поры — его роман с А. М. Щепкиной. Подробности этого эпизода, вскрывающиеся в письмах Боткина к Н. В. Станкевичу, Бакунину и Каткову (письма №№ 38 и 48), представляют, однако, не только узко-биографический интерес. Они позволяют сделать совершенно неоспоримый вывод о глубоких интимно-бытовых корнях пьесы Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или странная болезнь», о прямом отражении в этой драме тех острых жизненных коллизий, которые определились в результате увлечения Белинского младшей дочерью великого актера.

А. М. Щепкина, пережив перед тем неудачный роман с Катковым, была польщена вниманием старого друга ее семьи и рассчитывала найти душевное успокоение в «разумном браке», а Белинский, несмотря на значительную разницу их лет и несходство характеров и интересов, надеялся сделать молодую девушку счастливой, не требуя от нее «настоящей любви». Однако, в процессе уяснения всех этих сложных отношений, Катков (он кончал в это время Московский университет) возобновил свои притязания на чувство девушки. Белинский же, убедившись в том, что А. М. Щепкина любит не его, а Каткова, скрывая тяжелую душевную травму, становится конфидендом и покровителем влюбленных.

Развитие отношений всех участников этой трагикомической «истории», как определял ее впоследствии сам Белинский, получило ближайшее отражение в проблематике и в фабуле драмы «Пятидесятилетний дядюшка». Монологи старого холостяка Горского, трагически переживающего свое чувство к двадцатилетней Лизаньке Думской, явственно перекликаются с отдельными высказываниями Белинского в его письмах; своеобразное положение А. М. Щепкиной рельефно выявлено в роли Лизаньки; в

образе Мальского отражены черты почти портретно зарисованного М. Н. Каткова. Пьеса писалась в процессе развертывания самой «гистории», материал которой до конца объясняет теперь причину вторжения в критические и литературно-теоретические работы Белинского произведения совсем иного творческого плана, мотивирует и замысел драмы и исключительно быстрый срок ее создания. Пьеса написана была в «две-три недели» и предназначалась для бенефиса М. С. Щепкина (письмо № 31). В роли Лизаньки Думской на сцене Московского театра 27 января 1839 г. выступала дочь бенефицианта — живой прототип героини драмы Белинского.

Не меньший интерес представляют и новые материалы о сложной эволюции, которую претерпели взаимоотношения Белинского и К. С. Аксакова. По-новому освещается своеобразие положения К. С. Аксакова в кружке Станкевича в 1835—1837 гг. (см. письмо № 8), его близость с Белинским в 1838—1839 гг. (в пору разрыва критика с Бакуниным и резкого охлаждения отношений с Боткиным и Катковым), его разногласия с критиком в 1840—1841 гг. (письма №№ 32, 41, 51, 106), его одинаково враждебные оценки и «Отечественных записок» и «Москвитянина» еще в январе 1841 г. и, наконец, переход в лагерь яростных противников Белинского — Погодина и Шевырева в 1842 г.

Особенно интересны письма К. С. и С. Т. Аксаковых, как материал для уяснения сложной обстановки идеологического размежевания в рядах московской оппозиционной общественности конца 1830-х годов. В процессе этого размежевания было немало ошибок и самых неожиданных срывов, обусловленных противоречиями недостаточно дифференцированных общественно-политических отношений после разгрома первого поколения дворянских революционеров в 1825 г. Медленно определялась в этих условиях и политическая линия революционной демократии. Еще в 1839—1840 гг. Белинский и Герцен оставались идеологическими противниками, а К. С. Аксаков, как свидетельствуют некоторые из вновь найденных документов, претендовал даже на приоритет в выдвижении мотивировок примирения с русской «действительностью», которые получили свое выражение в известных статьях Белинского о «Бородинской годовщине» Жуковского и «Очерках Бородинского сражения» С. Н. Глинки. Вероятно, К. С. Аксаков имел в виду свое понимание своеобразия русского исторического процесса, которое конкретизировало, дополняло и корректировало бакунинско-гегелианские лозунги отказа от борьбы с крепостническим государством. Характерно, однако, что даже в пору максимального сближения идеологических позиций Белинского и К. С. Аксакова, последний ни на минуту не доверял своему союзнику и отлично понимал случайность и недолговечность их контакта. В этом отношении весьма показательны отрицательные высказывания К. С. Аксакова о Белинском зимою 1839—1840 г. (письмо № 51).

Встречи и споры Белинского с Герценом в Москве осенью 1839 г. до сих пор документировались только страницами «Былого и дум» и полемикой с «непрощенными преобразователями рода человеческого» в статье Белинского «Менцель — критик Гете». Поэтому особенно большой интерес представляет ранее не известное письмо Герцена к Огареву от 14 ноября 1839 г. с меткой характеристикой Белинского этой поры, как теоретика «до односторонности многостороннего» (письмо № 53). Заявляя, что «годы учения и годы искуса» уже прошли в тюрьме и ссылке, Герцен звал Огарева в этом же письме к «действию практическому», т. е. к выходу на арену открытой общественно-политической и литературной борьбы. На путях к этому «действию» и произошло в 1840—1841 гг. сближение с Белинским сначала самого Герцена, а затем и всех его друзей и единомышленников (Н. П. Огарева, Н. М. Сатина, Н. Х. Кетчера, М. П. Насакина, И. П. Галахова, А. А. Тучкова). При крайней скудости материалов, которые могли бы заполнить эту страницу биографии великого критика, приобретают специальный интерес даже некоторые случайные свидетельства о Белинском в переписке Н. М. Сатина с Н. Х. Кетчером (письма №№ 26, 91 и 94), И. П. Галахова с М. Л. Огаревой и Кетчером (письма №№ 95 и 108), Боткина с Герценом (письмо № 104), так как нередко одна новая дата, уточняющая встречу Белинского с тем или иным из его друзей, какая-нибудь случайная информация о том или ином эпизоде может помочь исследователю в разрешении самых сложных био-библиографических задач. В этом

отношении очень показательно привлечение не известных ранее данных о Белинском и Неверове (письма №№ 81, 97 и 99) к расшифровке намеренно затемненных свидетельств о великом критике в «Былом и думах» Герцена. Новый материал, сам по себе не имеющий большого значения, при сопоставлении его с другими фактами, давно уже известными, но не привлекавшими к себе внимания исследователей, получает значение ключа для правильного понимания, во-первых, и точной датировки, во-вторых, одного из самых интересных рассказов о Белинском в нашей мемуарной литературе. Мы имеем в виду известные страницы двадцать пятой главы «Былого и дум», характеризующие Белинского, как участника политических и философских дискуссий на «литературных вечеринках одного романиста» (Герцен не мог здесь прямо назвать И. И. Панаева, который был еще жив).

Вспоминая, как Белинский расправлялся со своими идеологическими противниками, Герцен сослался на спор о Чаадаеве, затеянный неким «магистром нашего университета», расстроившим «свои способности философией и филологией», «добрым человеком в синих очках, чопорным и приличным», «недавно приехавшим из Берлина» и проповедывавшим в петербургских салонах «какую-то чужь *honnête et modérée*».

«К концу вечера, — рассказывал Герцен, — магистр в синих очках, побранивши Кольцова за то, что он оставил народный костюм вдруг стал говорить о знаменитом „Письме“ Чаадаева и заключил пошлую речь, сказанную тем докторальным тоном, который сам по себе вызывает на насмешку, следующими словами: „Как бы то ни было я считаю его поступок презрительным, гнусным, я не уважаю такого человека“ <...>

На этом завязался неприятный разговор; я ему доказывал, что эпитеты „гнусный“, „презрительный“ — г н у с н ы и п р е з р и т е л ь н ы, относясь к человеку, смело высказавшему свое мнение и пострадавшему за него. Он мне толковал о целостности народа, о единстве отечества, о преступлении разрушать это единство, о святых, до которых нельзя касаться.

Вдруг мою речь подхватил Белинский. Он вскочил с своего дивана, подошел ко мне, уже бледный, как полотно, и, ударив меня по плечу, сказал: „Вот они высказались — инквизиторы, цензора — на веревочке мысль водить...“ и пошел, и пошел.

С грозным вдохновением говорил он, приправляя серьезные слова убийственными колкостями.

— Что за обидчивость такая?! Палками бьют — не обижаемся, в Сибирь посылают — не обижаемся, а тут Чаадаев, видите, зацепил народную честь, — не смей говорить; речь — дерзость, ланей никогда не должен говорить! Отчего же в странах, больше образованных, где, кажется, чувствительность тоже должна быть развитее, чем в Костроме да в Калуге, не обижаются словами?

— В образованных странах, — сказал с неподражаемым самодовольством магистр, — есть тюрьмы, в которые запирают безумных, оскорбляющих то, что целый народ чтит... И прекрасно делают.

Белинский вырос. Он был страшен, велик в эту минуту. Скрестив на большой груди руки и глядя прямо на магистра, он ответил глухим голосом:

— А в еще более образованных странах бывает гильотина, которой казнят тех, которые находят это прекрасным.

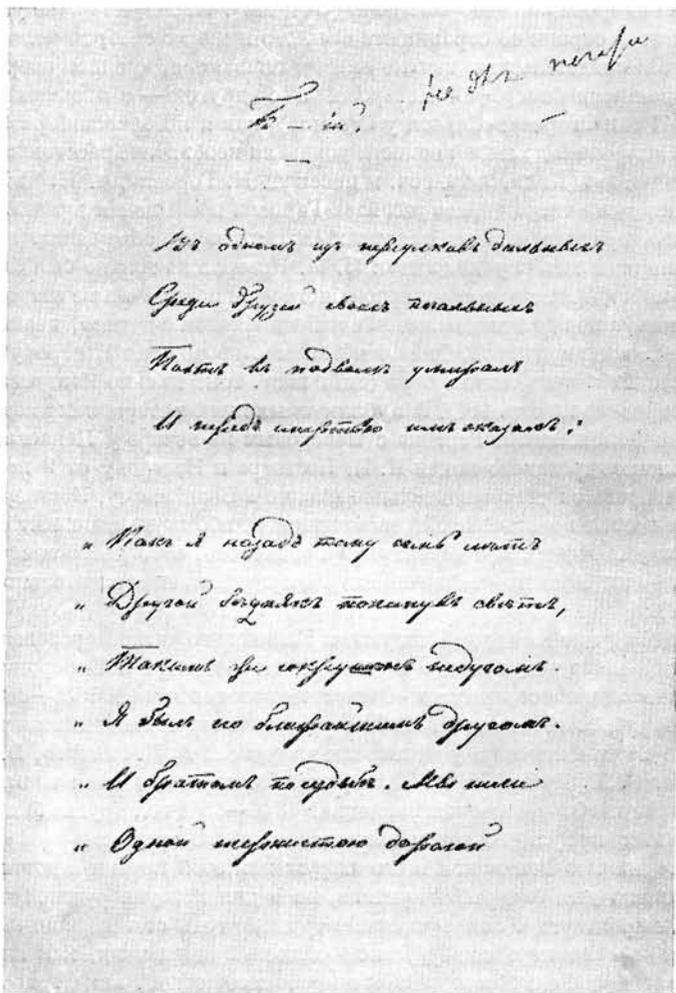
Сказавши это, он бросился на кресло, изнеможенный, и замолчал. При слове „гильотина“ хозяин побледнел, гости обеспокоились, сделалась пауза. Магистр был уничтожен...».

Кто же был этот «магистр», входивший, несмотря на столь ироническое отношение к нему Белинского и Герцена, в круг их близких знакомых, и к какому времени следует отнести их встречу на вечеру у Панаева?

Второй вопрос разрешается легче, чем первый, ибо в Петербурге Белинский и Герцен могли дружески общаться только в 1840 и 1841 гг. — все прочие их встречи происходили в Москве, Новгороде и Париже.

В пределах 1840—1841 гг. из-за границы возвратилось в Петербург несколько магистров, но ни один из них не занимался «филологией и философией» и в круг Белинского и Герцена в эту пору не входил. Некоторые из внешних признаков «магистра»,

увековеченного в «Былом и думах», имели соответствия в политическом и научном формуляре М. Н. Каткова, но последний возвратился из-за границы только в 1843 г. Еще менее оснований видеть в «магистре» П. Г. Редкина, Ф. И. Буслаева, О. М. Бодянского, В. В. Григорьева, М. С. Куторгу, так как одни из них не бывали в эту пору за границей, а другие никогда не посещали Панаева и нигде не встречались с Герценом.

РУКОПИСЬ СТИХОТВОРЕНИЯ Н. А. НЕКРАСОВА
«БЕЛИНСКИЙ», 1855 г.

Написано рукою А. Я. Панаевой. Сверху помета Некрасова:
«Не для печати»

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

Нити, которые привели нас к установлению фамилии педанта и доктринера, описанного Герценом, оказались, однако, не в документах магистров того или иного университета, а в одном из публикующихся ниже писем А. А. Краевского: «Теперь здесь Неверов, инспектор Рижской гимназии, — писал редактор „Отечественных записок“ Каткову 9 января 1841 г. — Он берется доставлять аккуратно экземпляры „Отечественных записок“ Варнгагену, с которым знаком, и к вам» (письмо № 81).

Обращение Краевского к помощи Я. М. Неверова, немецкие связи которого в Берлине и Риге могли обеспечить скорейшую и беспошлинную транспортировку «Отеч. записок» за границу, определяет, кто именно из молодых русских ученых и литераторов, недавно приехавших из Берлина, мог оказаться на вечере у Панаева зимой 1840/41 г. На возвращение Неверова из Берлина, где он изучал филологию и гегелианскую философию (это была его вторая поездка за границу, во второй половине 1840 г.), Белинский откликнулся в письме к Боткину от 22 января 1841 г. Иронический смысл его аттестации Неверова как «доброй души» («Письма», II, 214) до конца уясняется при сопоставлении этой строки со страницами «Былого и дум» о «добром человеке в синих очках», а оба эти свидетельства, взятые вместе, сливаясь, с одной стороны, с документальными данными биографии Неверова, а с другой — с письмом Герцена от 11 февраля 1841 г. к Огареву: «Спроси у С<атина>, как я и Белинский разбивали Струговщикова и Неверова и до какой ясности доказали необъятное расстояние между Москвой и Петербургом» (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, 1915, стр. 415). Характерно, что даже такая деталь рассказа Герцена в «Былом и думах», как сентенция о Кольцове, предшествовавшая в устах «магистра» его обращению к Чаадаеву, ни в какой мере не являлась случайностью: Я. М. Неверов не только был близко знаком с Кольцовым, но и являлся автором первой биографии поэта в «Сыне отечества», 1836 г.

Не случайна и такая деталь рассказа Герцена в «Былом и думах», дважды повторенная, как «синие очки» магистра. Тяжелая болезнь, грозившая Неверову потерей зрения, заставляла его носить темные очки (см. в наст. томе письмо Неверова к Де-Пуле, стр. 296 и портрет его на стр. 291). В публикуемых ниже материалах имеется еще один след дискуссии Белинского и Герцена с Неверовым на вечере у Панаева. Это письмо профессора Александровского лицея К. И. Кестнера к Неверову от 9 ноября 1841 г. Благодаря Неверова за рекомендательное письмо к Белинскому, Кестнер признается, что не спешит воспользоваться этой рекомендацией, ибо хорошо помнит о резком расхождении взглядов Неверова с «мнениями» Белинского. «Это разногласие, — резюмирует Кестнер, — внушает мне неблагоприятное предубеждение касательно Белинского» (письмо № 97).

Резкое расхождение взглядов Неверова и Белинского четко определено и в другом опубликованном ниже документе — письме К. И. Кестнера к Неверову (№ 99).

В числе ближайших сотрудников «Отечественных записок» в 1839—1840 гг. был не только правоверный гегелианец Я. М. Неверов, но и его единомышленник М. Н. Катков. Вместе с ними деятельно участвовали в журнале А. Д. Галахов, В. С. Межевич, Н. Ф. Павлов, Э. И. Губер, Н. А. Мельгунов. Не случайно одни из этих имен вовсе исчезли со страниц «Отечественных записок» в 1840—1841 гг., другие быстро превратились в скромных популяризаторов взглядов великого критика.

Новые материалы о Белинском и его окружении этой поры представляют большой интерес не только для биографии критика, но и для истории русской журналистики 1840-х годов, характеризуя изнутри самые трудные годы становления «Отечественных записок» как органа передовой русской общественной мысли, как главного штаба идеологической борьбы с абсолютизмом и крепостничеством, как форпоста «натуральной школы» в русской литературе. Выводя журнал на большую дорогу, Белинский должен был перестраивать его, так сказать, на ходу, все шире и шире развертывая свою программу и все последовательнее и резче ее аргументируя. В процессе борьбы за новый общественно-политический курс «Отечественных записок» Белинский привлек к участию в журнале своих новых единомышленников (А. И. Герцена и Н. П. Огарева) и своих московских и петербургских друзей и знакомых (В. П. Боткина, Т. Н. Грановского, Н. Х. Кетчера, К. Д. Кавелина, В. И. Красова, П. Н. Кудрявцева, Н. М. Сатина, П. В. Анненкова, А. Я. Кульчицкого, А. И. Кронеберга) и, опираясь на них, преодолевал сопротивление самого Краевского, тысячами нитей связанного с политическими и литературными врагами Белинского, начиная с Н. Ф. Павлова и кончая Погодиным и Шевыревым.

В течение довольно долгого времени журнал не имел определенной материальной базы. Как свидетельствует переписка Краевского, до 1842 г. издание не окупалось, подписка росла медленно, кредиторы налагали арест на подписанные суммы, задер-

живали номера журнала в типографии; отсутствие операционных денежных средств не позволяло оплачивать даже постоянных сотрудников (письма №№ 65, 81, 85). Белинский жил впроголодь и находился в столь тяжелых условиях, что даже сам мало чувствительный Краевский, по вине которого и создались эти условия, писал о нем Каткову 11 марта 1841 г.: «Белинский работает попрежнему. Плохо ему, бедному, приходится от моего безденежья; глаза у меня на него не смотрят» (письмо № 85).

О степени нужды великого критика в эту пору свидетельствует и такой не известный ранее факт, как его напряженная работа (буквально за гроши) над «редактированием» какого-то учебного пособия, написанного Г. Гурцовым, педагогом для глухонемых.

Даже после того, как «Отечественные записки», завоевав, наконец, общее признание, превратились при решающем содействии Белинского в самый распространенный и наиболее авторитетный из русских журналов, А. А. Краевский, получая с издания стотысячные доходы, продолжал по-нищенски платить главному критику журнала.

«Не могу не удивляться силе и энергии, которую до сих пор сохраняет Белинский, несмотря на все обстоятельства, — писал 21 февраля 1845 г. А. В. Станкевич. — Положение его скверное. Можно утвердительно сказать: „Отечественные“ поднял Белинский. Краевский получает теперь чистого барыша в год сто тысяч. Белинскому дает только ш е с т ь. Кроме того, без разбора присылает ему для рецензии глупейшие книжонки и утомляет его глупою работою» (письмо № 117).

Как выход из этого тупика намечается с 1845 г. сотрудничество Белинского в новом прогрессивном журнале, организованном Ф. К. Дершау под названием «Финский вестник» (письмо № 115). Однако по не известным нам причинам, несмотря на появление имени великого критика в объявлениях о подписке на «Финский вестник», ни одна его статья в этом журнале напечатана не была.

Краевский не только грубо эксплуатировал и унижал Белинского как рабочую силу. Он, как свидетельствуют некоторые из вновь найденных документов, сознательно посягал на присвоение себе и его авторских прав. В этом отношении особенно показательно письмо П. И. Мельникова (Печерского), позволяющее установить, что Краевский еще в 1841 г., спекулируя на том, что все рецензии в разделе критики и библиографии «Отечественных записок», по его категорическому требованию, печатались анонимно, выдавал себя за их автора. В кругах, не связанных с литературным миром 1840-х годов, эта легенда о Краевском — литературном критике и теоретике держалась довольно прочно, о чем свидетельствуют и сибирские записи Кюхельбенера, и дневник молодого Чернышевского, и позднейшие признания Добролюбова (см. письмо № 96 и примечания к нему).

Выше уже был отмечен нами материал, проливающий свет на историю создания драмы Белинского «Пятидесятилетний дядюшка». Архив семьи Щепкиных не обеспечивает нас новыми данными ни о Белинском конца 1830-х — начала 1840-х годов, ни о встрече критика и актера в пору гастролей М. С. Щепкина в Петербурге зимой 1844 г. Зато имя великого критика не сходит с листов семейной переписки Щепкиных в период совместной поездки Белинского и Щепкина на Украину и в Крым летом 1846 г. (письма №№ 127, 128 и 129).

К марту этого же года относится ранее не известное письмо Герцена, свидетельствующее о ближайшем участии М. С. Щепкина в затянном друзьями Белинского литературном альманахе «Левиафан», прибыль с которого должна была обеспечить материальную базу Белинского после ухода его из «Отечественных записок». Именно для этого сборника Щепкин передал Герцену отрывок из своих воспоминаний, опубликованный впоследствии в «Современнике» 1847 г. под названием «Из записок актера» (письмо № 120).

Историк русской журналистики высоко оценит значение и таких не известных ранее документов, как письмо Краевского к Каткову, содержащее характеристику расстановки сил на журнальном фронте в 1841 г. (письмо № 81), или красочный отчет С. И. Барановского о его впечатлениях от встреч в Петербурге с вдохновителями и сотрудниками «Библиотеки для чтения», «Русского вестника», «Современника», «Звездочки», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Финского вестника» (письмо № 115).

К этой же категории новых материалов относится письменное обращение Н. А. Полевого в редакцию «Отечественных записок» от 9 декабря 1844 г., подготовившее возвращение его в ряды прогрессивных деятелей (письмо № 116).

Личное общение с Белинским оказалось чрезвычайно благотворным для великого русского актера М. С. Щепкина. Новые материалы, печатающиеся в настоящей публикации, позволяют установить такой необычный для нравов императорских театров эпизод, как демонстративный отказ М. С. Щепкина от исполнения на московской сцене в ноябре 1840 г. куплетов, направленных против Белинского в водевиле П. А. Каратыгина «Авось, или сцены в книжной лавке», несмотря на то, что в Петербурге эти памфлетные стихи о критических разборах «Крапивина» («И субъективно-объективным всем абсолютно надоел») имели некоторый успех в реакционных литературных кругах и среди обывательской массы (письмо № 75).

Такой значительный для политической и литературной биографии Белинского эпизод, как переход плетневского «Современника» в руки Некрасова и Панаева, представлен в публикации чрезвычайно важными документами: письмами И. И. Панаева к Н. Х. Кетчеру, А. И. Герцену и Т. Н. Грановскому (№№ 134 и 136), письмами А. Д. Галахова и К. Д. Кавелина к А. А. Краевскому (№№ 133 и 135) и письмом П. М. Щепкина к брату (№ 137). Материалы эти очень отчетливо характеризуют политическое расслоение в рядах передовой московской литературной общественности, демократически-социалистическое крыло которой (Герцен, Огарев) объединяется вокруг Белинского в «Современнике», а либерально-буржуазное (Кавелин, Боткин, Корш, Грановский) фактически предаёт Белинского своим отказом от разрыва с «Отечественными записками» и демонстративным участием в обоих журналах. Весьма характерен и отклик реакционно-помещичьих и высших бюрократических кругов на превращение «Современника» в трибуну Белинского, Герцена и Некрасова: «Издание этого (возобновленного) журнала, — утверждал один из московских реакционеров в письме к Д. П. Голохвастову, попечителю Московского учебного округа и председателю Цензурного комитета, — будет последним соур de grâse* нашей нравственности и нашему монархизму. Увидят это: иные к своей адской радости, другие к скорби неутешной. Не так ли французская литература переходила в руки Бомарше и Мирабо?» (письмо № 132).

Письма К. П. Барсова к Н. М. Щепкину от 15 февраля 1847 г. и Н. П. Огарева к Герцену от 13 марта 1847 г. существенно дополняют традиционное представление о положении дел в редакции «Современника» в связи с неожиданным обострением болезни Белинского и поисками средств для отправления его на воды за границу (письма №№ 138 и 141).

Одним из досаднейших пробелов настоящей публикации является отсутствие новых материалов о пребывании Белинского в Зальцбрунне и Париже. Несмотря на то, что это был период огромного обогащения политического опыта великого критика, период написания знаменитого письма к Гоголю и широко развернувшихся дискуссий с Анненковым и Герценом, Бакуниным и Сазоновым об особенностях предреволюционной ситуации в России и Западной Европе, ни в одном из архивов не удалось обнаружить новых данных о Белинском именно этой поры. В этом отношении очень бедны оказались даже многочисленные письма из-за границы П. В. Анненкова, в которых Белинский, правда, упоминается, но вне каких бы то ни было общественно-политических и литературных ассоциаций. В своей переписке 1847—1848 гг. Анненков, как мы полагаем, обеспокоен был не столько точностью и полнотой своей информации, сколько желанием максимально гарантировать и себя и своих адресатов от всяких случайностей перлюстрации. Боязнь хотя бы невольно скомпрометировать Белинского после возвращения его в Россию объясняет молчание о встречах и спорах с ним этой же поры в переписке Герцена, Бакунина, Сазонова и Тургенева. Даже Н. Г. Фролов, свидание которого с Белинским в Зальцбрунне до сих пор известно не было, в своем письме об этом к Грановскому ограничился лишь констатацией самого факта своего знаком-

* Смертельным ударом (фр.).

ства с Белинским (письмо № 148). Это знакомство было закреплено встречами Фролова с великим критиком в Петербурге. Старательно осведомляя Грановского обо всем виденном и слышанном им в столичных литературных кругах, Фролов раньше других информировал москвичей о последнем обострении смертельной болезни Белинского: «Здесь совершается (если не на глазах моих, то слышу об этом), печальная драма с больным Белинским, — писал Фролов 29 января 1848 г. — Человек обессилен, изнурен, бьется еще; хочет еще делать что-нибудь, а сил физических более нет, и начинает уже жить иллюзиями, самообольщением, откладываниями». Но самым страшным в этом письме была деловая приписка Фролова о том, что В. П. Боткин, не дожидаясь смерти Белинского, спешил связать Фролова с «Отеч. записками»: «Василий Петрович (дипломат) зовет меня знакомиться с Краевским» (письмо № 154). Так реагировали на агонию Белинского некоторые из его бывших друзей, которым претил демократизм «Современника» и с которыми давно великому критику было уже не по пути.

Богатство и разнообразие новых свидетельств о Белинском и его окружении, извлеченных из неизданной переписки его современников, так велико, что без самого внимательного их учета уже сейчас не сможет обойтись ни один биограф Белинского, ни один исследователь русской журналистики 1830—1840-х годов. Разумеется, не весь этот материал имеет одинаково большой историко-литературный или общественно-бытовой интерес. Значение некоторых из вновь установленных фактов биографии критика исчерпывается уточнением тех или иных второстепенных эпизодов. Некоторые новые документы повторяют ранее известные, дополняя или варьируя их лишь в деталях; некоторые другие ценны не сами по себе, а лишь в сопоставлении с тем, что опубликовано было раньше; иные требуют для своего уяснения дополнительных разысканий.

Целесообразность подобных разысканий подтверждается не только такими примерами, как расшифровка на основании некоторых не известных ранее дат и справок

ДОМ № 12 ПО БОЛЬШОМУ АФАНАСЬЕВСКОМУ ПЕРЕУЛКУ В МОСКВЕ (БЫВШИЙ ДОМ СЛЕПЦОВА), В КОТОРОМ В 1832—1833 гг. ЖИЛИ АКСАКОВЫ ЗДЕСЬ У НИХ БЫВАЛИ БЕЛИНСКИЙ, ГОГОЛЬ И МНОГИЕ ДРУГИЕ ПИСАТЕЛИ

Фотография А. А. Сергеева, 1949 г.

одной из страниц «Былого и дум» или генезиса «Пятидесятилетнего дядюшки». Публикуемые материалы позволяют по-новому документировать и историю поездки Белинского из Петербурга в Москву зимой 1841/42 г. (письма №№ 99 и 102), его остановки в пути у Герцена в Новгороде и в Премухине у Бакуниных, дату тайного свидания критика (у Боткина или у Щепкиных) с Гоголем, передавшим ему рукопись «Мертвых душ». Одно из писем П. В. Анненкова позволяет установить, что Белинский еще в 1847 г. принял ближайшее участие в обсуждении плана нового издания сочинений Пушкина. Таким образом, материалы архива великого поэта, переданные П. П. Ланским, вторым мужем Н. Н. Пушкиной, в распоряжение братьев П. В. Анненкова, в какой-то части стали известны Белинскому задолго до того, как они были опубликованы (письмо № 145). Весьма знаменателен, наконец, и раскрываемый на основании новых материалов факт давнего знакомства Белинского с И. И. Введенским, в кружке которого, идеологически очень близком кружку Петрашевского, получил свое начальное политическое воспитание молодой Чернышевский (письмо № 64).

* * *

Публикуемые выдержки из неизданных писем современников о Белинском приводятся в хронологическом порядке и сопровождаются исследовательским комментарием непосредственно за каждым письмом.

Публикаторами и авторами комментариев являются:

М. Ю. Барановская — к письмам К. П. Барсова (№ 138); К. И. Кестнера (№№ 97, 99); А. В. Станкевича (№№ 86, 117, 155).

Н. Л. Бродский — к письму А. В. Станкевича (№ 9).

Ю. А. Красовский — к письму П. А. Корсакова (№ 43).

Л. Р. Ланский — к письмам И. С. Аксакова (№№ 37, 66); К. С. Аксакова (№№ 8, 17, 32, 36, 41, 67, 122); С. Т. Аксакова (№№ 20, 21, 22, 24, 25, 27, 28); В. С. Аксаковой (№№ 40, 56, 61, 107, 110); О. С. Аксаковой (№№ 23, 29, 39, 46); Н. А. Беер (№ 143); Н. Г. Белинского (№ 102); В. П. Боткина (№№ 34, 38, 104); И. И. Введенского (№ 64); И. П. Галахова (№ 108); Г. А. Гурцова (№ 93); М. А. Дмитриева (№№ 90, 103); А. Г. Карташевского (№ 42); И. П. Ключникова (№№ 33, 35); М. Ф. Корш (№ 111); А. А. Краевского (№№ 65, 81, 85); И. И. Панаева (№№ 60, 134, 136, 152); Н. М. Сатина (№№ 26, 91, 94); А. В. Станкевич (№ 123); А. В. Станкевича (№№ 125, 131, 149); И. В. Станкевича (№№ 31, 124); Н. В. Станкевича (№№ 4, 44); Н. Г. Фролова (№№ 109, 148, 151, 154); М. С. Щепкина (№№ 114, 157); П. М. Щепкина (№№ 128, 137); Е. Д. Щепкиной (№№ 127, 129, 140); М. А. Языкова (№ 87); Н. М. Языкова (№ 89).

Н. Г. Розенблюм — к письмам К. С. Аксакова (№№ 14, 16, 47, 50, 51, 74, 77, 82, 106); С. Т. Аксакова (№№ 49, 55, 57, 59, 69, 71, 73, 75, 76); В. С. Аксаковой (№№ 52, 58); О. С. Аксаковой (№ 45); А. А. Бакунина (№№ 5, 139); Ал. А. Бакунина (№ 12); П. А. Бакунина (№ 13); Н. А. Беер (№ 7); В. П. Боткина (№№ 15, 18, 19, 30, 48, 63); А. П. Ефремова (№ 10); А. А. Краевского (№ 68); П. А. Плетнева (№ 126).

Н. А. Соколов — к письмам В. П. Андросова (№№ 1, 2, 3, 6); А. Д. Галахова (№№ 70, 92, 101, 113, 118, 133); К. Д. Кавелина (№ 135); М. Н. Каткова (№№ 83, 105); П. Н. Кудрявцева (№№ 62, 98); И. И. Лажечникова (№№ 79, 100); А. Лыцова (№ 119); П. И. Мельникова (Печерского) (№ 96); М. П. Погодина (№№ 72, 80); Н. А. Полевого (№ 116).

В. С. Спиридонов — к письму А. П. Тютчевой (№ 158).

Я. З. Черняк — к письмам А. И. Герцена (№ 53); Н. Х. Кетчера (№ 112); Н. П. Огарева (№№ 105, 141).

Наталья Эфрос — к письмам С. И. Барановского (№ 115); В. П. Боткина (№№ 78, 84, 88); И. П. Галахова (№ 95); А. И. Герцена (№ 120); Д. П. Голохвастова (№ 121); Т. Н. Грановского (№ 54); В. В. Григорьева (№ 11); неизвестного (№ 132).

Комментарии к остальным письмам (№№ 130, 142, 144, 145, 146, 147, 150, 153, 156, 159, 160) принадлежат редакции «Литературного наследства».

1. В. П. АНДРОСОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

Москва, 17 сентября 1834

...Мне следует еще поговорить с Вами и о нашей московской литературе... Что у нас?— Засуха конечная. «Телескоп» заржавел, кажется, невозвратно. Издатель нисколько не заботится, и журнал наполняется бог весть как и чем. Пишущая молодежь с досадою почесывает руки и кусает перья: некуда деться, если бы кто и написал что-нибудь¹ <...>

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «А», лл. 242 об. — 243).

Василий Петрович Андросов (1803—1841) — московский литератор и общественный деятель либерального лагеря, экономист, автор книг «Хозяйственная статистика России» (1827) и «Статистическая записка о Москве» (1832), организатор и издатель «Московского наблюдателя» (1835—1837), с 1838 г. редактировавшего Белинским.

¹ Письмо В. П. Андросова, написанное за несколько дней до опубликования в «Молве» (газете, издававшейся при «Телескопе») первой главки «Литературных мечтаний», свидетельствует о глубоком кризисе, переживавшемся редакцией «Телескопа» накануне литературного дебюта Белинского.

Блестящее выступление Белинского как критика и теоретика, явившееся полной неожиданностью для московских литературных кругов, спасло журнал Надеждина от полного упадка.

2. В. П. АНДРОСОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

Москва, 19 февраля <1835 г.>

...Николай Иванович <Надеждин> вельми сетует на начало «Наблюдателя». Его все оставили, и в этом он должен упрекать только себя: не было ни приветливости, ни рачительности журнальной¹ <...> «Молву» у него снял Межевич. Вы читали в последних №№ прошлогодней «Молвы» «Литературные мечтания»?— статья не без замашек. Автор (выгнанный студент) не без дарований. Вот его <Надеждина> два сотрудника, не включая Морощкина, который подвизается за египетское дворянство. Читали? Вещь преутешная².

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «А», лл. 273—275).

¹ Письмо характеризует начальную стадию взаимоотношений Н. И. Надеждина как редактора «Телескопа» с группой организаторов «Московского наблюдателя». Первая книжка «Московского наблюдателя» с программной статьей Шевырева «Словесность и торговля» вышла в свет 15 марта 1835 г. («Московские ведомости» от 16 марта 1835 г., № 22).

В. П. Андросов сильно ошибался, полагая, что «Телескоп» в начале 1835 г. «все оставили». Эти «все», т. е. группа Погодина, Шевырева и Мельгунова, получившая вскоре разрешение на издание собственного органа — журнала «Московский наблюдатель», были легко заменены в «Телескопе» молодыми литераторами — Белинским и др.

Сведения Андросова о переходе «Молвы» под редакцию В. С. Межевича (см. о нем ниже, в письме № 70) не оправдались, но самый слух этот очень характерен и свидетельствует о том, что Надеждин за несколько месяцев до соглашения с Белинским вел переговоры с Межевичем о передаче последнему «Молвы».

В отзыве В. П. Андросова о молодом Белинском явственно выразилось отношение ведущих литературных кругов Москвы к автору «Литературных мечтаний». Непосредственных откликов на «Литературные мечтания» в печати 1834—1835 гг. было очень немного.

² В. П. Андросов, называя в числе сотрудников «Телескопа» Ф. Л. Морощкина (1804—1857), профессора истории права в Московском университете, имел в виду его статьи «Исторические розыскания о дворянском сословии» («Телескоп», 1835, кн. I и II). Белинский в письме к Д. П. Иванову от 31 августа 1834 г. писал: «Судьба столкнула меня немножко с Морощкиным, и я теперь нахожусь с ним в некоторых сношениях по „Телескопу“» (см. «Лит. наследство», т. 57, стр. 166).

3. В. П. АНДРОСОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

Москва, 16 марта (1835 г.)

...Надеждин поехал к вам: он выходит в отставку и едет за границу. «Телескоп» до времени поступает в распоряжение Аксакова ¹ <...>

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «А», л. 253).

¹ Была ли в действительности осуществлена намечавшаяся передача функций редактора «Телескопа» на время пребывания Н. И. Надеждина весной 1835 г. в Петербурге С. Т. Аксакову — неизвестно. Принадлежит к числу ближайших друзей Надеждина, С. Т. Аксаков всячески уклонялся, однако, от участия в «Телескопе» (см. книгу Н. К. Ковмина «Н. И. Надеждин», СПб., 1912, стр. 467—495). Возможно, что благодаря именно его инициативе был положительно разрешен вопрос о передаче «Телескопа» на время пребывания Надеждина за границей членам кружка Станкевича с Белинским во главе.

22 апреля 1835 г. Станкевич писал Неверову: «Надеждин, отъезжая за границу, отдает и а м „Телескоп“; постараемся из него сделать полезный журнал, хотя для иностранцев. По крайней мере будет отпор „Библиотеке“ и странным критикам Шевырева!» («Переписка Н. В. Станкевича», М., 1914, стр. 319). В письме к Бакунину от 22 апреля Станкевич упоминал и о Белинском как об основном работнике реорганизуемого «Телескопа»: «Мы намерены сделать его чисто переводным, за исключением библиографии, которая требует у нас прямого человека, с образованием и добрыми намерениями: таков Белинский, которого Вы, кажется, у меня видели — он его заведует» («Переписка Н. В. Станкевича», цит. изд., стр. 572).

4. Н. В. СТАНКЕВИЧ — М. А. БАКУНИНУ

7 июня 1835, Москва

...В «Телескопе» я принимаю более душевное, нежели действительное участие. Отношения мои с Белинским такого рода, что я все его труды, какие бы они ни были, стану разделять больше или меньше ¹. Я не способен к журнальному мастерству и имею много своих занятий: мне нужно еще приобрести такие сведения, каких стыдно не иметь, и поэтому я охотно отлагаю мою поездку за границу, где я в езде потратил бы 2, 3 драгоценные года, одни, в которые можно еще узнать что-нибудь. Там начинается деятельность, там начинается знание другого рода. Папинька предлагает мне путешествие по России, и я охотно принимаю его предложение. Думаю, что зиму я проживу в Москве. А на весну отправлюсь в Крым. Надеюсь, почтеннейший Михаил Александрович, что Вы хоть изредка будете сообщать мне известия о себе: Вы этим меня одолжите <...>

Красов уезжает сегодня и свидетельствует Вам почтение, Ефремов будет верно у Вас в начале июля; Белинский, он тоже свидетельствует Вам почтение — тоже он рад, что статьи его внушили Вам доброе об нем мнение² <...>

Автограф, ГИМ, Фонд Станкевичей (№ 351, ед. хр. 55, лл. 82—83).

¹ Характеризуя свое участие в «Телескопе» как «более душевное, нежели действительное», Н. В. Станкевич очень точно определял свою роль в журнале, реорганизованном Белинским. Как вспоминал последний, Станкевич «готов был всегда и написать и перевести статью для журнала, но не терпел, чтобы его и в шутку называли л и т е - р а т о р о м» («Письма», I, 241. Ср. «Переписка Н. В. Станкевича», цит. изд., стр. 321 и 325).

К истории знакомства Белинского со Станкевичем относятся неизданные мемуарные заметки Я. М. Неверова, вызванные появлением в 1857 г. книги П. В. Анненкова «Николай Владимирович Станкевич, его жизнь и переписка». В одной из них он писал: «Белинский, будучи студентом, написал драму, сюжетом которой было злоупотребление [крепостного пра] владетельного права над крестьянами. [Драм] Этот труд, плод юношеской восторженности, он [имел необду] представил в цензуру и за это лишен был права посещать Университет. Станкевич, услышавши об этой истории от общего нашего товарища Ключ(нико)ва, пожелал прочесть драму и ознакомиться с автором» <...> (ГИМ. Ф. 372, ед. хр. 22, л. 30).

² Белинский не был еще, в эту пору, знаком с Бакуниным. Помимо двух крупных статей Белинского, опубликованных к середине 1835 г. — «Литературные мечтания» и «И мое мнение об игре г. Каратыгина», Бакунину могли быть известны многочисленные рецензии Белинского в «Телескопе» и «Молве».

5. А. А. БАКУНИН — М. А. БАКУНИНУ

⟨Тверь. Сентябрь — октябрь 1836 г.⟩¹

Милый брат Миша, сейчас лишь прочитали статью Белинского о стихотворениях Бенедиктова, помещенную в «Телескопе», она мне очень понравилась. В ней так много прекрасных мыслей и в ней тотчас можно видеть

С. Т. АКСАКОВ

Анварель неизвестного художника, 1835 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Белинского ². Как бы мне хотелось слышать, как он читает, сестры так много нам говорили о его новой статье ³, что мне бы непременно хотелось ее прочитать, но мы скоро будем в Премухине, и там мы ее прочитаем вместе ⟨...⟩ Миша, напиши нам, пожалуйста, отвык ли Илья совершенно от прежних его глупостей, — нам сестры говорили, что ты с Ефремовым ⁴ и Белинским согласились мешать ему делать их ⁵, я же решил отстать от всего ребяческого, в чем, как кажется, я уже и успел ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 4, ед. хр. 103, лл. 1—2).

Александр Александрович Бакунин (1821—1908) — младший брат М. А. Бакунина, в это время тверской гимназист. С Белинским он познакомился во время пребывания критика в Премухине (в конце августа 1836 г.).

¹ Датировка определяется содержанием письма.

² Статья Белинского «Стихотворения Владимира Бенедиктова», опубликованная в конце ноября 1835 г. («Телескоп», 1835, XI), в это время уже не являлась

литературной новинкой. К. С. Аксаков еще в марте 1836 г. писал брату в Петербург: «С Павловым (написавшим хорошую повесть) спорить я продолжаю, только не о Бенедиктове; кажется, этот спор уже всем надоел. „Наблюдатели“ его не превозносят, и поэту противная партия молчит» (ЛБ. Фонд Аксаковых, ГАИС, II/III, 150-в, л. 3).

³ «Новая статья» Белинского — о книге А. В. Дроздова «Опыт системы нравственной философии». Т. А. Бакунина подробно писала об этой рецензии братьям в Тверь 26 сентября 1836 г. (А. А. К о р н и л о в. Молодые годы Михаила Бакунина, М., 1915, стр. 245, где письмо датировано «от сентября»).

⁴ Александр Павлович Ефремов — см. о нем прим. к письму № 9.

⁵ Илья Александрович Бакунин (1819 — 1901), перевоспитанием которого предполагали заняться в Премухине Белинский и Ефремов, в это время самовольно покинул Тверскую гимназию и хотел поступить в полк.

6. В. П. АНДРОСОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

Москва, 3 февраля 1837 г.

...К вам поступил, как дошли до меня слухи, наш Б е л и н с к и й. Человек он с способностями, но не давайте ему заговариваться: этого человека надули, и он вообразает себя п р о в и д е н и е м журналов à la Balzac. Не испортьте его, а скорее обуздавайте благоразумно; таким образом из него можно выделатъ что-нибудь¹ <...>

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «А», л. 293 об.).

¹ Предполагавшийся весной 1837 г. переезд Белинского в Петербург для работы в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“», издававшихся Краевским, не состоялся, так как Краевский отказался обеспечить критику свободу общественно-литературных суждений, на которой твердо настаивал Белинский. Ср. письма А. А. Краевского к Белинскому от 19 января и 10 февраля 1837 г. в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 91—95. Об Андросове см. выше в письмах №№ 1, 2, 3.

7. Н. А. БЕЕР — А. А., Л. А. и Т. А. БАКУНИНЫМ

Le 5 février 1837. Moscou

...Что ни говори Бел<инский> — мы с ним вчера очень долго, очень серьезно говорили, — а я чувствую, что женщина, это существо отдельное — условия ее жизни совсем другие, чем их! — Братства ч е л о в е ч е с т в а, как гов<орит> он — его развитие, его жизнь — они доступны ей только через одного из братьев — она сестра ему только по тому брату, с которым жизнь ее, душа слились в одно <...>

Да, мои ангелы, быть может, это эгоизм, как доказывал мне вчера Бел<инский>, но я тогда только дышу свободно — меня тогда только ничто не тяготит, когда я чувствую себя необходимой <...>

Я не могу жить в себе одной — себе, б ы т ь с а м о й себе целью, как гов<орит> Бел<инский>, мне кажется холодно убивственно: моя жизнь необходимо должна перелиться в другую, чтоб я могла жить полной пламенной жизнью любви! <...>

Я чувствую себя слишком далеко от холодности бездушного эгоизма, как гов<орит> Б<елинский>, моя душа слишком полна любви и огня, быть может и бесполезного, но не я же сделала это! Но я буду одна против всего мира, а никогда не соглашусь — что эти с т р а д а н и я, что это благородное стремление стать в ы ш е людей, чтоб дать им то, чего не могли мы дать, быв между ними, — что эта пламенная любовь к ним — не з а в и с и м а я несколько от н а с — что все, что чувствую я так м у ч и т е л ь н о и так глубоко — чтоб это все было х о л о д н ы й э г о и з м <...> Да, я жестоко упрекаю себя, что могла так увлечься против воли — это в последний раз — о! уже верно будет в последний¹.

Вы знаете красноречие Бел<инского> — у меня так было что-то тяжело на сердце — тут была Л ю б <инька Станкевич?> с вечной невинной своей

веселостью. — Ефр(емов) с любезностями неистощимыми. Вас. Ст. (!) Крас(ов), Саша Ста(нkevич) и Мишель, которые уехали скоро².

Я играла почти целый вечер с Бел(инским) в свои козыри — это его новая страсть. — Наконец бросила карты и села усмирить несколько душу за фор(тепиано). Он в ту же минуту поставил себе стул возле — и как будто по какой-то симпатии начал говорить о том, что точило так сильно, волновало душу. Вы знаете, с каким жаром говорит он всегда. Я невольно увлеклась — и не могла сказать всего или лучше одним словом всего, что на душе — я тем больше горячилась. Он доказывал мне толь ясно, так логически то, в чем одно с е р д ц е мне противоречит, но рассудок соглашается. — Я говорила, что, удалясь вовсе от людей, можно любить их и делать им добро — он уверял — что кто любит людей, тот не может от них удалиться и удалясь делается один. Саша³ дала мне почувствовать, что он, догадываясь, быть может, о причине и следствиях этих мыслей, оспаривает их не от того, что они ложны, но что они могут быть вредны только для нас. Он еще больше разгорячился. Я видела, как от души он говорил и сама против себя высказывала все, что было на душе — у меня так разболелась голова — что я всю ночь не могла спать покойно — я так уважаю Бел(инского), так уверена, что он способен понять и никогда не оскорбит никакой мысли или чувства — но к чему эти разговоры! — Может ли он и хоч у ли я особливо, чтоб он понял все, что в душе у меня! <...>

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 8, ед. хр. 90, лл. 140—142).

Наталья Андреевна Бее р (р. 1809) — приятельница Бакунина и Белинского. См. о ней и ее сестре в книге А. Корнилова «Молодые годы М. Бакунина», цит. изд., а также ниже ее письмо к Е. Б. Грановской (№ 143).

Значительно позднее, 5 августа 1838 г., Н. А. Бее р записала в своем дневнике: «Белин(ский) твердил мне вчера, что любить — значит понимать...» (ИРЛИ. Фонд Бакуниных, № 16, оп. 10, ед. хр. 6, л. 7 об.). Ср. эту запись с высказыванием Белинского в письме к М. А. Бакунину от 20 июня 1838 г. («Письма», I, 190).

¹ Письмо Н. А. Бее р, в котором излагаются ее беседы с Белинским, полно намеков на ее сложные отношения с М. А. Бакуниным.

² О вечере у Бее ров Н. В. Станкевич писал 6 февраля 1837 г. Л. А. Бакуниной: «Сестра Любинька осталась здесь пировать. Мы с нею очень часто бываем у Бее ровых, где она целые вечера проводит в игре в свои козыри с Белинским и Ефремовым» («Переписка Н. В. Станкевича», цит. изд., стр. 511).

³ Александра Андреевна Бее р, сестра Н. А. Бее р.

8. К. С. АКСАКОВ — Г. С. АКСАКОВУ

<Москва. Около 15 марта 1837 г.>

...Ты знал мои отношения с Станкевичем и его кругом, милый брат¹, ты знал, что я держал себя далеко от них, говорил всем: вы; я не любил и с к а т ь дружбы или приязни. Но теперь дело переменялось: они сами сблизилась со мною, просили меня говорить им т ы, говорили, что ошибались прежде. Первый сблизился Бакунин; такой славный малой! Я теперь говорю т ы ему, Станкевичу, Белинскому. Мне, разумеется, было это приятно. С Бакуниным я часто выдаюсь. Я помогаю ему теперь в одном деле; он переводит, или, лучше, перевел Историю Шмита; на этом основывает он свои денежные надежды, а на денежных надеждах поездку за границу². Теперь он поправляет свой перевод и отдает переписывать. Мы вместе хлопочем с ним за этим делом. Но теперь недавно был диспут Шевырева, который всех нас занял и на котором, между тем, никому из наших не удалось поспорить; но на него явятся брошюрки. Держись, Степан Петрович...³

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, II/III, 150-в).

¹ Письмо это характеризует своеобразное положение К. С. Аксакова в кружке Станкевича. Как свидетельствуют его воспоминания, он, «еще многого не передумавший, еще

со многим не уравнившийся», был «поражен» неприятием официальной крепостнической России некоторыми главными членами кружка (см. К. С. Аксаков. Воспоминание студентства 1832—1835 годов, СПб., 1911, стр. 18. См. также №№ 32 и 41 наст. публикации). Внутренняя отчужденность прорывалась, видимо, и в столкновениях девятнадцатилетнего К. С. Аксакова с окружающими; это вставляло Н. В. Станкевича предупреждать Белинского (11 августа 1836 г.), что с К. С. Аксаковым «надобно быть поделикатнее...» («Переписка Н. В. Станкевича», цит. изд., стр. 414). Не лишена интереса следующая строка в неизд. письме К. С. Аксакова к брату Григорию (от конца апреля 1836 г.): «Павлов Н. Ф. хочет всё, чтоб я поссорился с кругом Станкевича...» (ЛВ. ГАИС III/II/150-6).

² Перевод «Всеобщей истории» Шмита, над которым работал М. А. Бакунин, закончен им, повидимому, не был. Именно об этом переводе, заказанном ему попечителем Московского учебного округа гр. С. Г. Строгановым, Белинский писал Бакунину 6 августа 1837 г.: «Ты знал, что такого рода труды не твое дело — и взялся за них. Взялся же ты из расчета, хотя и очень благородного. Потом ты роздал эту книгу своим друзьям, сестрам, братьям, из чего должен был выйти перевод самый разнохарактерный, и потому самый бесхарактерный: благородно ли это?» («Письма», I, 117). В письме от 14 января 1838 г. Белинский извещал Бакунина о получении им от Лангера одной «тетрадки Шмита», сообщая, однако, что не знает, где взять ему «другую»: «У Аксакова целая книга, которую он отдал переплесту» («Письма», I, 181—182).

³ Защита Шевыревым докторской диссертации на тему «Теория поэзии в историческом ее развитии у древних и новых народов» состоялась 9 марта 1837 г. Этот диспут имел в виду М. А. Бакунин, сообщая в письме к В. А. Дьяковой от 26 марта 1837 г.: «Я написал небольшую брошюрку против глупостей г. Шевырева» (Соч. и письма М. А. Бакунина, т. I, стр. 418). Сам же Белинский, предполагавший составить обзор «всех литературных произведений за 1837 г.», в письме к Бакунину от 1 ноября 1837 г. радовался поводу «поговорить... о диссертации Шевырева» («Письма», I, 138). Намерение это критиком не было осуществлено.

9. А. В. СТАНКЕВИЧ — А. П. ЕФРЕМОВУ

⟨Москва. 20-е числа июня 1837 г.⟩¹

Негг von Александр Павлович!

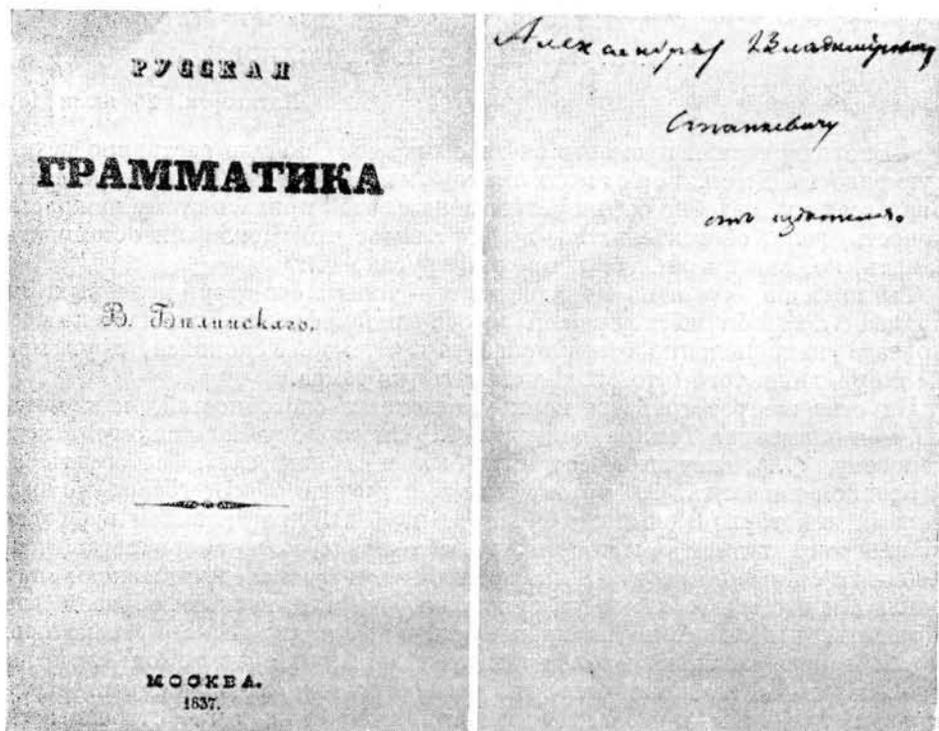
Вчера я был в Останкине у Келлера ², который сказал мне, что вы уже давно прибыли на Кавказ и писали к нему, а посему я взял на себя смелость письменно вести с вами матерью, или иначе — говорить. Каково вы поживаете на Кавказе? Когда я был там, мне казался он очень скучным, а теперь я с большим бы удовольствием побывал еще раз там. Скажите, пожалуйста, нравится ли Кавказ нашему почтеннейшему Виссариону Григорьевичу? Здесь пронесся странный слух, будто бы во время вашего путешествия Виссарион Григорьевич три раза сваливался с вашей колесницы; если это правда, то изъясните Виссариону Григорьевичу, что я всем сердцем жалел и скорбел о том. Келлер мне говорил, что вы покушались взойти на Машуку, но не вошли; с нами было то же самое, когда мы были в Пятигорске, и шли на гору прямо, но там есть вход на нее разными извилинами, по которому мы и достигли вершины <...>

В Москве стало теперь очень скучно. Николинька уехал в деревню и, до сих пор не получая еще отпуска, живет там, Ваня также там, и они охотятся вместе ³. Мишеля с Лангером и Подем, вот уже три дня, как я проводил в Премухино ⁴. Беэровы также несколько дней тому назад, как уехали в Шашкино. Красов отправился в Чернигов служить. Остались в Москве только я да Иван Петрович <Ключников> <...>

Вчера принесли ко мне письмо, адресованное на имя Ваночки для передачи Мишелю; это письмо было с Кавказа, вероятно от Виссариона Григорьевича ⁵, а так как Мишеля здесь нет, то я переслал оное в Премухино. Впрочем, пускай Белинский и вперед адресует письма к Мишелю на мое имя, потому что Мишель не знает, долго ли ему будет до меня и о пробыть там <...>

Если полковник Быков в Пятигорске и вы знакомы с ним, то скажите ему от меня мое глубочайшее почтение; он в прошедшем году стоял вместе

с нами и со мной был большой приятель. Каково на вас действуют воды? В чем доме и где вы остановились? Большой ли съезд в Пятигорске? Много ли дам вообще, много ли красавиц и много ли красавиц из красавиц, и какие именно слынут за таковых? Отвечайте мне на все это, Александр Павлович. Да напишите, пожалуйста, трусили ли вы во время своего вояжа? Я думаю, что вы нет, а Белинский, чай, зуб на зуб не попадал и не раз молил бога спасти его от опасности и читал Отче наш...

ОБЛОЖКА КНИГИ БЕЛИНСКОГО «ОСНОВАНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ» С ЕГО ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ А. В. СТАНКЕВИЧУ

Литературный музей, Москва

Засвидетельствуйте мой поклон Виссариону Григорьевичу и поблагодарите его от меня и от всех за его грамматики, которые мы все получили. Славные грамматики! Рассуждения все такие, видно, что наукам учился!⁶

Автограф. Частное собрание (Москва).

Александр Владимирович Станкевич (1821—1912), несмотря на свой юный возраст, был хорошо знаком со всеми членами кружка, возглавлявшегося его братом — Николаем. См. о нем подробнее в настоящем томе, стр. 282—290.

Александр Павлович Ефремов (1815—1876) — один из старейших членов кружка Станкевича, приятель Белинского, «добрый и веселый мальчик», впоследствии преподаватель географии в Московском университете. Летом 1837 г. он жил и лечился вместе с Белинским в Пятигорске. См. ниже письмо его к К. С. Аксакову, а также ряд писем его к Белинскому в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 48—53.

¹ Дата письма определяется его содержанием — временем отъезда М. А. Бакунина в Премухино.

² Келлер — приятель Белинского, А. П. Ефремова, И. П. Ключникова, В. И. Красова, С. М. Строева, Я. И. Почека и др. См. о нем упоминание в записке Белинского к Ефремову («Письма», I, 378).

³ Н. В. Станкевич 7 мая 1837 г. уехал в свое имение Удеревка (Воронежской губернии); Ваня — его младший брат.

⁴ М. А. Бакунин выехал в Премухино около 24 июня 1837 г. вместе с пианистом и композитором Л. Ф. Лангером (см. прим. к письму № 21) и пианистом Полем, о котором см. Соч. и письма М. А. Бакунина, т. II, М., 1934, стр. 32.

⁵ Белинский послал Бакунину из Пятигорска два письма: от 26 июня и 28 июля 1837 г. Первое из них не сохранилось, и о его содержании можно судить лишь по письму Бакунина к Константину Андреевичу Бееру от 19 июля 1837 г. (Соч. и письма М. А. Бакунина, т. II, М., 1934, стр. 42). Второе — см. «Письма», I, 77—80.

⁶ Книга Белинского «Основания русской грамматики для первоначального обучения», ч. 1. Грамматика аналитическая (этимология) вышла в свет в начале июня 1837 г. См. о ней далее в письмах №№ 11, 12 и 13.

10. А. П. ЕФРЕМОВ — К. С. АКСАКОВУ

Пятигорск. 26 июля 1837

...Благодарю тебя премного за твое письмо. Оно мне доставило истинную радость. До сих пор от моих знакомых я не получил ни одного письма. Зная всех их, надобно быть пустым малым, чтоб придать этому важность; леность, дела, обстоятельства, ну чорт знает что, могли их остановить, занять, но, знаешь ли, все немножко грустно <...>

Ты пишешь, что я на Кавказе гора — только без струй целебных. Это правда <...> Ты боишься перемены в моей важной физиономии и что по моем приезде увидишь дрянь, стыдно сказать что такое. Успокойся, друг мой, ты не увидишь того, что стыдно сказать что такое.

На счет же расстройств моих умственных способностей, как могла ты, моя пламенная Темира, поверить <...> Виссариону Белинскому, такому человеку <...>, который рад бы был в грязь меня затоптать да и бревном навалить. Но чорт с ним и с друзьями его, господами офицерами, с которыми он живет душа в душу <...>, рассказывая им содержание разных книг, — которые он читал (запас очень скоро истощится), и толкуя с ними о превосходстве военной службы перед штатскою, прибавляя к этому все такие рассуждения, где деликатным образом дает заметить, что он все науки произошел. — Я смотрю на него с некоторою ироническою улыбкою, и когда фактами докажу ему, что он глуп как твой мерин, он начинает отделяться остротами, бесконечными вариациями: ты с а м ду р а к, или с привычною гордостью отвечает: так что ж, что я такой, а ты сам каков? ты в бога не веруешь, в церковь никогда не ходишь. — Одним словом, Виссарион стал самым жалким и пустым малым <...> Если есть что съесть или выпить, Белинский наверно найдет и ни крошечки не оставит. Таков уж у него обычай. Он ест по четыре и по шести раз в день, так что во все разы съедает не меньше твоего за обедом, приписывает это действию вод и говорит, что если этот аппетит продолжится, то это одно наслаждение уж слишком достаточно вознаграждает его за поездку на Кавказ¹ <...>

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 19, лл. 46—47).

¹ Претензии Ефремова на остроумие были объектом постоянных шуток со стороны Белинского в письмах к их общим друзьям. Ефремов, конечно, знал об этом — и, как свидетельствует настоящее письмо, не прочь был даже переадресовать Белинскому строки, в которых речь шла о нем самом. «Он тебе кланяется, — писал, например, Белинский о Ефремове К. С. Аксакову. — Ты не поверишь, как он успел в такое короткое время поглупеть» («Письма», I, 74). «Ефремов поправляется в здоровье видимо, но только жаль, что это на счет ума: его узнать нельзя — дурак дураком, — в том же тоне сообщал Белинский М. А. Бакунину. — Страсть к остроумию у него та же, но силы острить решительно нет. С господами офицерами он вошел в самые тесные отношения, но и между ними считается последним остряком» («Письма», I, 78—79). Защищаясь от шуток Белинского и обращая против него самого обвинения в близости с «господами офицерами», А. П. Ефремов, к сожалению, не назвал в своем письме фамилий тех военных и штатских представителей «водяного общества», с которыми Белинский и он поддерживали общение в Пятигорске. Известно, однако, что среди них были Лермонтов, Н. М. Сатин, Н. В. Майер и некоторые декабристы (см. «Лит. наследство», т. 45—46, стр. 730—740).

11. В. В. ГРИГОРЬЕВ — Я. М. НЕВЕРОВУ

С. Петербург, 13 декабря 1837 г.

...Новости литературные. Погодину и Шевыреву позволено издавать новый журнал «Москвич»¹. «Северную пчелу» и «Сын отечества» будет делать Н(иколай) Полевой. На помощь к нему едет в Питер Белинский². Русская грамматика Белинского очень умна³. Владиславлев издает красивенький альманах⁴.— Прочее можете узнать из «Б(иблиотеки) д(ля) ч(тения)» <...>

М. А. БАКУНИН

Акварель неизвестного художника, 1838 г.

Местонахождение оригинала неизвестно

Автограф. ГИМ. Фонд Я. М. Неверова (№ 372, ед. хр. 3, л. 185 об.).

Василий Васильевич Григорьев (1816—1881) — близкий друг Я. М. Неверова и Т. Н. Грановского, с которыми вместе учился в Петербургском университете, впоследствии известный ориенталист. В 1870-х годах — начальник Главного управления по делам печати, проводивший крайне реакционную политику. Приехав 18 июня 1837 г. на некоторое время в Москву, Григорьев сообщал Неверову: «Очень хотелось бы повидаться с Белинским, но не знаю, где его найти. Думаю, что общество его облегчило бы хотя несколько тяжесть, которая свинцом лежит у меня на душе» (Н. И. Веселовский. В. В. Григорьев по его письмам и трудам, СПб., 1887, стр. 25). По свидетельству Веселовского, это был первый приезд Григорьева в Москву; вероятно, личное знакомство В. В. Григорьева с Белинским не состоялось. По возвращении в Петербург Григорьев в неизданном письме к Неверову от 23 июля 1837 г., отмечая свое знакомство в Москве с В. К. Ржевским, И. П. Ключниковым, М. Н. Лихонинным

и А. В. Станкевичем, сообщал: «Белинский уехал на Кавказ лечиться. Первая часть его русской грамматики вышла из печати...» (ГИМ. Ф. № 372, ед. хр. 3, л. 202).

¹ «Москвич» — одно из предполагавшихся названий «Москвитянина». По крайней мере так называет этот журнал и П. С. Савельев, постоянно информировавший своих друзей о событиях в русском ученом и литературном мире. В неизданном письме его к Т. Н. Грановскому от 25 февраля 1839 г. имеются следующие строки: «Вы спрашиваете о судьбе „Москвича“. Вам известно, вероятно, что позволение издавать журнал этого имени выхлопотано было Погодиным и Шевыревым еще в 1837 году через московского генерал-губернатора. Уваров не посмел бы доложить о том государю. Но, к сожалению, оба редактора или не имели средств на издание, или не сошлись, — только журнал не состоялся. Они оба теперь в Германии» (ГИМ. Фонд Грановского, № 345, д. 5, л. 1). Судя по письмам Белинского к К. С. Аксакову и М. А. Бакунину от 16—21 ноября 1837 г., Погодин предполагал и его привлечь к участию в новом журнале («Письма», I, 64 и 178).

² В октябре 1837 г. Н. А. Полевой, получивший приглашение редактировать «Северную пчелу» и «Сын отечества», переехал в Петербург. Он намерен был привлечь Белинского к деятельному участию в обоих изданиях (см. «Письма», I, 131). Белинский в течение трех месяцев с нетерпением ждал вызова в Петербург. Однако Полевой счел неудобным «даже по политическим отношениям» использование такого сотрудника, как Белинский (см. «Записки» Кс. Полевого, СПб., 1888, стр. 404). Поместив в № 4 «Северной пчелы» за 1838 г. начало известной статьи Белинского «„Гамлет“, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета», Полевой наотрез отказался от дальнейшего ее печатания. См. подробнее об этом эпизоде в книге В. Н. Орлова «Николай Полевой. Материалы для истории русской журналистики», М., 1934, стр. 492—496.

³ См. прим. к письмам №№ 9, 17, 21, 22, 60.

⁴ «Альманах на 1838 год», изданный В. А. Владиславлевым, встречен был благожелательной рецензией Белинского в «Московском наблюдателе» 1838 г.

12. Ал. А. БАКУНИН — М. А. БАКУНИНУ

⟨Тверь.⟩ 22 января ⟨1838 г.⟩¹

У нас важный вчера был в гимназии разговор между Кир⟨иллом⟩ В⟨асильевичем⟩² и еще двумя учителями, насчет грамматики Белинского. Право смешно, этикие человечки хотят судить об такой грамматике, которая основана на чистой логике, и особливо Кир⟨илл⟩ В⟨асильевич⟩, который говорит, что начало этой грамматики очень свысока; ему, верно, не понравилось то, что Белинский употребил слово акт разума, которое для него вовсе непонятно. Федор Иванович³ понял там в половину, что-то такое про составление понятий, которые К⟨ирилл⟩ В⟨асильевич⟩ весьма осуждает, и начал говорить про грам⟨матику⟩ Бел⟨инского⟩ весьма непочтительно. Мы и вступились и показали ему, что не Кириле Васильевичу рассуждать об этой грамматике; мне в Федоре Ивановиче то не нравиться, что он обо всем говорит как-то выпрэнно, называет русский язык самым худым, из которого ничего порядочного сделать нельзя, хоть совсем об нем понятия не имеет⁴. Скажи Белинскому, чтоб он приготовился возражать трем страшным его критикам; что он, если они в самом деле вздумают написать критику? Ведь тогда Белинский уж пропал, у нас учителя все такие умные, что от них не скоро отделается. Ну, да уж как-нибудь справится ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 4, ед. хр. 161, лл. 1—2).

¹ Письмо Алексея Александровича Бакунина (1823—1882), в это время ученика Тверской губернской гимназии, интересно как свидетельство враждебного отношения преподавателей гимназии, скованных рутинными традициями казенной школы, к незадолго до того вышедшей грамматике Белинского. Именно это отношение к новому учебнику и определило, в значительной мере, его материальный неуспех. См. ниже письмо № 13.

² Кирилл Васильевич Смирнов — преподаватель российской словесности и логики в Тверской гимназии.

³ Федор Иванович Шиллинг — немец, преподаватель греческого языка в той же гимназии.

⁴ Тупое высокомерие, с которым Ф. Шиллинг смотрел на русский язык, вполне объясняет и его отношение к грамматике Белинского.

13. П. А. БАКУНИН — М. А. БАКУНИНУ

⟨Тверь.⟩ 23 января ⟨1838 г.⟩¹

...Вот недавно еще, инспектор² взял у меня грамм⟨атику⟩ Бел⟨инского⟩ и вздумал он, Кир⟨илл⟩ В⟨асильевич⟩, да еще другой маленький учителенок³ находить в ней недостатки — я знаю, что Грамм⟨атика⟩ эта еще не совершенна — и еще знаю — что то, что им не понравилось — именно и есть хорошо — им, верно, не понравилось, что Белинск⟨ий⟩ вводит новое слово: вместо — одушевленный — обусловленный (эва!) — и потом Кир⟨иллу⟩ В⟨асильевичу⟩ там не нравилось, где Бел⟨инский⟩ говорил о Разуме — знаешь, так хотелось быть с ними, когда они критиковали эту Грамм⟨атику⟩.

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 4, ед. хр. 306, л. 1—1 об.).

¹ Письмо Павла Александровича Бакунина (1820—1900), в это время ученика Тверской гимназии, существенно дополняет рассказ его брата об откликах учителей гимназии на грамматику Белинского. См. предыдущее письмо.

² Яков Сергеевич Флоренсов — инспектор Тверской гимназии.

³ Ф. И. Шиллинг — см. предыдущее письмо.

14. К. С. АКСАКОВ — С. Т. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ Вторник ⟨26 апреля 1838 г.⟩¹

...Вот вам маленький отчет о происшествиях, случившихся без вас. — В продолжении этого времени, я виделся, разумеется, с своими знакомыми, с Бел⟨инским⟩, Бот⟨киным⟩ и Ключн⟨иковым⟩. Дела журнала идут прекрасно в отношении к статьям и к цензору, но худо в отношении к типографии. Первый номер еще не вышел; [хотя] второго уже сложено листов 5, если не больше <...>

Автограф. ЦИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 17, л. 57—57 об.).

¹ Дата определяется содержанием письма — сведениями о печатании первых номеров «Московского наблюдателя»: «Первый № „Наблюдателя“ позамедлился от разных обстоятельств <...>, — писал Белинский 26 апреля 1838 г. И. И. Панаеву, — но он выйдет в Москве, когда вы будете читать мое письмо; второй уже печатается, третий начнется печатанием завтра» («Письма», I, 184). В этот же день (вторник) приходился на 26 апреля) отправлено было и публикуемое нами письмо К. С. Аксакова,

15. В. П. БОТКИН — М. А. БАКУНИНУ

Москва, 9 мая 1838

Напрасно ты просишь прощения. Это так глупо, что из рук вон. Когда Белинский получил твое письмо, в котором ты жестоко ругался надо мною, я дня два спустя написал было к тебе письмо. Но мне отсоветовали¹ <...>

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, ед. хр. 23, л. 60 об.).

¹ Письмо характеризует кризис личных отношений внутри редакции «Московского наблюдателя», сперва приведший к уходу Бакунина из журнала, а затем к разрыву Бакунина не только с Белинским и К. С. Аксаковым, но и с Боткиным, его недолгим союзником и единомышленником. Письма Бакунина к Боткину и Белинскому, о которых упоминает Боткин, не сохранились, но в письме к Бакунину от середины 1838 г. Белинский следующим образом подытожил результаты этого конфликта: «Наша ссора для всех нас имела благодетельные последствия: мы теперь можем жить вместе, не мешая друг другу, мы оглянулись на себя, много с себя свергли дрянного, лучше поняли и себя и жизнь» («Письма», I, 186).

16. К. С. АКСАКОВ — С. Т. АКСАКОВУ

⟨Москва. Конец апреля 1838 г.⟩¹

...В воскресенье маменька поехала в Кунцово; но у меня так болели зубы, что я остался дома и обедал один с Белин⟨ским⟩, Ключн⟨иковым⟩ и Алек⟨сандром⟩ Станкевичем. Вечером Боткин и Бел⟨инский⟩ отправились за город ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 3, л. 36).

¹ Датировка определяется на основании содержания опущенной части письма.

17. К. С. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

⟨Москва. Май 1838 г.⟩¹

...Я написал статью в «Моск⟨овский⟩ наблюдатель»: «Отрывок из семейственной хроники» и подписался Варанг (Варан по иностранному произношению)². Еще пишу довольно большую статью на грамматику Белинского³. Эта статья очень важна для меня: сколько новых мыслей пришло мне в голову, сколько еще законов увидел я в жизни слова человеческого ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 154-р).

¹ Письмо написано незадолго до отъезда К. С. Аксакова за границу, чем и устанавливается приблизительная датировка.

² В а р а н — крупная ящерица-хищник.

³ «Отрывок из семейственной хроники» в «Московском наблюдателе» помещен не был. Статья К. С. Аксакова — «О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского)», прерванная отъездом Аксакова за границу, была напечатана лишь в 1-й части журнала за 1839 г. См. о ней ниже, письма №№ 21, 22 и 60.

18. В. П. БОТКИН — М. А. БАКУНИНУ

⟨Москва. 20 июня 1838 г.⟩¹

...Что бы ни было, Мишель, а мое состояние прекрасно. Ты спрашиваешь, чтоб я тебе сказал, что бывает внутри меня. Я не могу теперь этого сказать. Право, мне необходимо надо быть одному, — а часто Виссарион бывает мне в тягость ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, ед. хр. 23, л. 44).

¹ Дата письма устанавливается дальнейшими строками: «Сегодня Т. А., А. А. и Варвара Александровна осматривали Кремль. Я не пошел с ними» Осмотр Кремля, о котором упоминает Боткин, происходил утром 20 июня 1838 г. («Письма», I, 190). Намек Боткина на особое состояние его духа был вызван началом его романа с А. А. Бакуниной, в которую был влюблен и Белинский. См. следующее письмо.

19. В. П. БОТКИН — М. А. БАКУНИНУ

⟨Москва.⟩ 21 июня ⟨1838 г.⟩¹

Если бы ты взглянул на нас, когда мы с Виссарионом, — несмотря на твой важный и грозный вид (ведь ты давно, надеюсь, сердит), ты расхохотался бы. Ах, брат, какое смешное творение человек! Что это за чудак! Виссарион пишет тебе огромное письмо, которого я еще не читал. Тяжело положение Виссариона². Что касается до меня — я так счастлив, как никогда не был в жизнь свою. У меня праздник жизни ⟨...⟩

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, ед. хр. 23, л. 12).

¹ Датировано только числом и месяцем. Год устанавливается содержанием письма. Огромное письмо Белинского к М. А. Бакунину, законченное 21 июня 1838 г., на которое ссылается Боткин, см. «Письма», I, 188—201.

² Боткин имеет в виду увлечение Белинского А. А. Бакуниной, начавшееся еще летом 1836 г. в Премухине и с новой силой вспыхнувшее после приезда сестер Бакуниных 15 июня 1838 г. в Москву. Чувство Белинского осталось, как известно, неразделенным. О романе А. А. Бакуниной с Боткиным, начавшемся в эти дни, Белинский узнал только недели две спустя.

Слушай, друг!
 За что со мной ты сейчас поступаешь так?
 Тебя всегда любил я, но что жулды?
 Пусть все творит, что может, Теркулес —
 Но коша кошкой, леова пребудет пест.

Это монолог совсѣм выпущенъ въ переводѣ г. Поле-
 ваго; видно, что почтенный переводчикъ спѣшилъ окон-
 чивать.

Что касается до пѣсенъ Овегин и вообще всѣхъ ли-
 рическихъ мѣстъ, то — повторимъ — г. Вронченко передать
 ихъ не только логически, но и художественно.

Заключенъ переводъ „Гамлета“ есть одна изъ самыхъ
 блестящихъ заслугъ г. Полеваго русской литературы.
 Давно сказано — Аюга арена отрыга, ~~судца~~ не замед-
 лять, что жулды, что овъ въ инкъ падаетъ, можетъ
 бить, опасныхъ совершениовъ, инюшихъ связжео силою
 юности, не тостей, но уже хюмевъ на свѣтломъ пиру
 современности! Мы уверены, что оны первый и отъ все-
 го сердца пожелаетъ имъ побѣды!

В. Бланский.

Литературная Дроника.

утоэлю. Армаганское предствеление. Сопиниэ
 Николая Полевого. 1838. Санктпетербургъ. Въ типогра-
 фии Сазарова. 30а. (8).

„Божественные Агуд еще Арутинъ образомъ является
 мяхъ. Но законъ естественнаго произражденія организацїи
 простирается въ безконечность. Она не снаружи его только:
 она проникаетъ всю его внутренность. Возмите кристаллъ
 и разбейте его въ маленяе кусочки, въ тѣль, чтобы раз-
 смотрѣть ихъ можно было только въ самые сильные микро-
 скопы, и вы снова въ этихъ мельчайшихъ кусочкахъ найде-
 те образъ кристалла. Или посмотрите на арешный листокъ
 въ лупу: более и более увеличиваясь стебли, и вы
 увидите, какъ организацїи простырается въ лопъ въ беско-
 нечность. И чѣмъ внимательнее станете вы наблюдать про-
 изражденїя природы, тѣмъ болѣе очевидно отгортется вамъ,
 до какихъ неуловимыхъ тонкихъ нѣтъ простирается его
 организацїи. Этими-то различаются произражденїя природы
 отъ произражденїя ремесла. Самая тончайшая ткань является
 грубыми, пористыми нѣрами, какъ скоро посмотрите на
 на нее въ микроскопъ.“

СТРАНИЦЫ ВЕРСТКИ РЕЦЕНЗИИ БЕЛИНСКОГО НА ДРАМУ «УГОЛИНО» Н. А. ПОЛЕВОГО И ЕГО ПЕРЕВОД «ГАМЛЕТА» ШЕКСПИРА («МОСКОВСКИЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ», 1838, Ч. XVII)

Начало первой и конец второй статьи
 Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

20. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ 25 июня 1838 г.

... На сих днях вышел 3-й номер «Наблюдателя»¹. Огромная статья о Гамлете, наконец, кончилась: много хорошего, но длинна, и похвала Мочалову как художнику противоречит самому разбору его игры. Белин⟨ский⟩ везде хвалит его как великой талант, а не как артиста — это две вещи разные. Одно скажу, что, прочитав статью Бел⟨инского⟩, я совершенно убедился в превосходном исполнении роли Гамлета: ибо считаю невозможным, чтобы Белин⟨ский⟩ описал выдуманное им, а не виденное. Впрочем, весь номер плох: не разнообразен, да и «Жизнь Гофмана» старая и давно известная пьеса² <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-6).

¹ Третий номер «Московского наблюдателя» вышел в свет 18 июня 1838 г. («Московские ведомости», 1838, № 49). В нем закончено было печатание статьи Белинского «„Гамлет“, драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета».

² «Жизнь Гофмана» — переводная биография Э.-Т.-А. Гофмана («Московский наблюдатель», 1838, III, стр. 345—384).

21. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

Пятница, 1838 года, 1 июля. Петровское¹

... Спешу тебя уведомить, что Белинск⟨ий⟩, ⟨В. П.⟩ Боткин, Лангер² и маленький живописец³ все отправились в гости в деревню к Бакунину... Это для меня было неожиданно! Лангер с семейством уехал на целый месяц. Белинский сердится, что ты не оставил статьи на его грамматику⁴. Стихи я ему отдал⁵. «Идеалы» твои напечатаны в 4 номере «Наблюд⟨ателя⟩»⁶. Говорят, уже и 6 нум⟨ер⟩ готов. Булгарин обругал первые книжки и, к сожалению, сами дали ему оружие: выставили несколько слов и фраз, истинно смешных, которые всем кинутся в глаза, да и врет, что хочет⁷ <...>

[Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-6).

¹ Письмо это позволяет уточнить дату выезда Белинского из Москвы через Венев в Премухино (см. недатированную записку Белинского к А. П. Ефремову: «Письма», I, 378). О пребывании Белинского в имении Бакуниных с 5 по 15 июля 1838 г. см. «Письма», I, 105, 258, 297—298.

² Пианист и композитор Леопольд Федорович Л а н г е р (1802—1885)—автор множества музыкальных произведений, в том числе «Похоронной песни» («С богом в дальнюю дорогу») на слова Пушкина. Имя его часто встречается на страницах переписки Белинского и его друзей. В комментариях Е. А. Ляцкого к письмам Белинского и в ряде других изданий Л. Ф. Лангер смешивается с Федором (Фердинандом) Федоровичем Лангером (1815—1895), учителем музыки и также композитором, младшим братом Леопольда.

³ «Маленький живописец» — Кирилл Антонович Горбунов (1822—1893). См. о нем публикацию Натальи Эфрос «К. А. Горбунов — портретист Белинского» в т. 57 «Лит. наследства».

⁴ См. письма №№ 17 и 22.

⁵ «Тайна (из Шиллера)», перевод К. С. Аксакова, помещенный в «Московском наблюдателе», 1838, IX, стр. 542—545.

⁶ Стихотворение Шиллера «Идеалы» в переводе К. С. Аксакова опубликовано в «Московском наблюдателе», 1838, IV, вышедшем в свет 29 июня 1838 г. («Московские ведомости», 1838, № 52).

⁷ Фельетон Булгарина с нападками на первые книжки «Московского наблюдателя» опубликован в «Северной пчеле», № 140, от 23 июня 1838 г. Выписывая из статей Бакунина и Белинского такие слова и выражения, как «призрачность», «конечный рассудок», «конкретность», «вещь сама по себе», «субстанция», «просветленный», «близорукое прекраснотворение», «ограниченная субъективность», Булгарин резюмировал: «Ей-богу, это субъективная и объективная галиматья, отрицательный абсолют — ноль!» Белинский откликнулся на этот фельетон резкой «Журнальной заметкой», в которой уличал Булгарина в невежестве и передержках («Московский наблюдатель», 1838, V).

ЗДАНИЕ КОНСТАНТИНОВСКОГО МЕЖЕВОГО ИНСТИТУТА НА СТАРОЙ
БАСМАННОЙ (НЫНЕ УЛИЦА КАРЛА МАРКСА) В МОСКВЕ. ЗДЕСЬ
В 1838 г. ПРЕПОДАВАЛ И ЖИЛ БЕЛИНСКИЙ
Реконструкция Б. С. Земенкова. Акварель 1949 г.
Собрание художника, Москва

22. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ 1838 года, июля 12. Вторник

...О приятелях твоих ничего не знаю. Старшая Бакунина сделалась очень больна, и Белинский сам ездил за ⟨П. П.⟩ Ключниковым, который, как говорят, и прежде помог ей в такой же болезни ¹. 4 нум⟨ер⟩ «Наблюдателя» вышел: в нем напечатан перевод твой Шиллеровых «Идеалов». Белинс⟨кий⟩ очень сердит за недоставление ему твоих замечаний на его грамматику, но я не знал, что начало статьи твоей (кажется, даже переписанное набело) лежит между твоей портфелью и чехлом... Прочту сегодня же хорошенько, покажу Белинс⟨кому⟩, может быть, мы решимся напечатать начало твоей статьи, если она так прервана, что будет возможность ее напечатать ².

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-6).

¹ О поездке Белинского в Премухино см. предыдущее письмо.

² См письма №№ 17 и 60.

23. О. С. АКСАКОВА — К. С. АКСАКОВУ

⟨Около 15 июля 1838 г.⟩¹

...Князь ², бывший у меня, сказал, что журнал приостановился от того, что Бел⟨инского⟩ нет ⟨...⟩

...На прошедшей неделе я была в Москве и заезжала к Глинкам и Павловой ³. Федор с таким участием расспрашивал о тебе и Авд⟨отья⟩ П⟨авловна⟩ также, несмотря на то, что со слезами говорила и жаловалась Павл⟨о-вой⟩ на выходку Белинс⟨кого⟩ ⁴, почитая и тебя тут же участником, но Кар⟨олина⟩ Кар⟨ловна⟩ разуверила ее на щет твой ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV, 185-6).

¹ Дата письма определяется его содержанием: Белинский выехал в Премухино в ночь с 30 июня на 1 июля, а в Москву возвратился 15 июля («Письма», I, 258). Об отчаянии издателя «Московского наблюдателя», вызванном затянувшимся пребыванием Белинского у Бакуниных, см. в следующем письме.

² Князь Павел Дмитриевич К о з л о в с к и й — приятель Белинского, инспектор Межевого института, в котором преподавал Белинский. О нем см. письмо № 28, а также его письма к Белинскому в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 80—89 и сообщение Т. У х м ы л о в о й: «Материалы к биографии Белинского из архива А. Н. Пыпина» — «Лит. наследство», т. 57.

³ Поэт Федор Николаевич Г л и н к а (1786—1880), его жена — поэтесса Авдотья Павловна (1795—1863) и поэтесса Каролина Карловна П а в л о в а (1810—1893).

⁴ «Выходка Белинского» — возможно, отзыв критика о стихотворении Ф. Н. Глинки «Погоня» («Альманах на 1838 год»), в котором Белинский отмечал «воду рифмованной прозы и изысканную затейливость вымысла» («Московский наблюдатель», 1838, I. — Ср. III, 298).

24. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

⟨Москва.⟩ Июля 18-го ⟨1838 г.⟩^а

...Белинского нет в Москве², и журнал остановился. Степанов, говорят, в отчаяньи³⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-6).

¹ Год устанавливается по содержанию письма. См. предыдущее письмо.

² Это утверждение С. Т. Аксакова, вероятно, ошибочно, так как противоречит сообщению Белинского в письме к Н. В. Станкевичу о том, что он возвратился из Премухина еще 15 июля («Письма», I, 258).

³ Николай Степанович С т е п а н о в — издатель «Московского наблюдателя» и собственник типографии, в которой печатался журнал.

25. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

1838 год. Августа 2 дн⟨я.⟩ Сел⟨о⟩ Петровск⟨ое⟩

...Я совершенно понимаю и разделяю твои чувства и мысли у гробов Шиллера и Гете. Признаюсь, несмотря на Белинского, который в 5 нум⟨ере⟩ «Наблюдателя» ставит Шиллера гораздо ниже Гете (хотя мы с ним плохо знаем их, особливо последнего), называя первого только поэтом, а последнего поэтом-художником, у меня сердце лежит гораздо больше к первому. Я даже думаю, что последний был гораздо менее поэтом¹.

Несмотря на то, что Белинский завирается и что журнал односторонен, я нахожу в нем очень много хорошего; только сомневаюсь, чтоб большинство было согласно со мною². Я ничего не могу сообщить тебе о твоих приятелях: Белинского не видал еще (завтра увижу). Знаю только, что Лангер еще не возвращался и что сестре Бакунина лучше³. В 5 нумере «Наблюдателя» меня поразила своим достоинством статья С е р е б р я н с к о г о о музыке⁴. Я отщущу его и помогу ему, если это нужно, как говорит Вера. Я совершенно не помню, чтобы ты, милый, дражайший мой Костинька, говорил мне о нем и его положении⁵⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-6).

¹ С. Т. Аксаков имеет в виду рецензию Белинского на «Уголино» Н. А. Полевого, в которой критик утверждал: «Шиллер, в котором философский элемент беспрестанно боролся с художественным элементом и часто побеждал его, Шиллер едва ли не в большей части своих произведений принадлежит к числу полупоэтов. Гете и наш Пушкин — вот чисто поэтические натуры» («Московский наблюдатель», 1838, V, стр. 108).

² Письмо С. Т. Аксакова отражает отношение к журналу Белинского той части его читателей, которая смущена была «не для всех понятным языком» программных статей «Московского наблюдателя». И. И. Панаев в письме к Белинскому от 16 июля 1838 г. обращал его внимание на отрыв «Московского наблюдателя» от «массы, с которой должно говорить непременно. Зачем пугать ее языком кабинетным». Панаев предупреждал, что близорукая посредственность не преминет издаваться надо всем, что чуть-чуть ей покажется непонятным» («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 197).

³ Некоторое улучшение в состоянии здоровья Л. А. Бакуниной оказалось недолгим: она умерла 6 августа 1838 г.

⁴ «Мысли о музыке» А. П. Серебрянского (1808—1838), друга и земляка Кольцова, находившегося в это время в Москве и вскоре умершего, опубликованы в «Московском наблюдателе», 1838, V, стр. 5—15.

⁵ В одном из неизданных писем И. С. Аксакова к отцу — С. Т. Аксакову, от 25 сентября 1838 г., сохранилось ценное свидетельство о сильном интересе, проявлявшемся петербургской учащейся молодежью к обновленному «Московскому наблюдателю» и к статьям Белинского. «...Как я рад тому, что будем получать „Московского наблюдателя“... — писал пятнадцатилетний И. С. Аксаков, учившийся в это время в Петербургском училище правоведения. — Здесь он редкость, и все с жадностью читают его. У нас в классе человек, который больше всех других способен понимать все эти мысли, эти философические статьи, — это Пейкер. Ему очень понравилась статья о музыке и перевод Костеньки. Он просил привезти остальные номера (т. е. первые 4), которые у нас дома, в училище. Кто этот Серебрянский? Критики [даже] тоже правятся. Впрочем, прежняя худая слава „Наблюдателя“ много вредит ему, но, разумеется, люди умные, прочтя его, в этом разуверятся. Вообще я рад, что он, как бы сказать, восстанавливает хорошее мнение о Москве. Сделайте милость, не забудьте с первой оказией прислать следующие номера» <...> (Автограф. ЛБ. ГАИС III/III,15-в).

26. Н. М. САТИН — Н. Х. КЕТЧЕРУ

10 августа <1838 г.>¹

...Я хотел послать кой-что для «Наблюдателя», но остановился за ленью переписывать и еще потому, что я совершенно не знаю этого журнала. — Еще с начала года послал в Мос<ковскую> газ<етную> эксп<едицию> деньги и до сих пор не получил ни одной книжки. Здесь его никто не получает. Да уж [выходит] жив ли он? — Что фанатик Белинский? — За что он на меня дуется и перестал писать ко мне?²

Не осуществляются ли наши журнальные мечты или нельзя ли присообщиться к «Наблюдателю» и издавать его общими силами? Напиши, и я пришлю всё, что у меня есть готового³ <...>

Автограф ЛБ. Фонд Н. Х. Кетчера (М. 5185/34).

Николай Михайлович С а т и н (1814—1873) — поэт и переводчик, член кружка Герцена и Огарева; вместе с ними был арестован летом 1834 г. и после десятилетнего тюремного заключения сослан в Сибирскую губ. В 1837 г. Сатину была разрешена поездка с лечебной целью в Пятигорск, где он и познакомился с Белинским. Характеризуя это знакомство в письме к Кетчеру, Сатин отмечал: «Мы подружились с ним, хотя не совершенно сошлись в наших понятиях» (А. Н. Пы п и н. Белинский, его жизнь и переписка, СПб., 1908, стр. 179). О переписке Белинского с Сатиным и о их позднейших отношениях см. в наст. томе обзор Ю. Оксмана «Переписка Белинского», стр. 222—225.

¹ На первом листе неустановленным почерком проставлена ошибочная дата: «1839».

² Белинский, вероятно, не ответил на письмо от 27 декабря 1837 г., в котором Сатин его укорял за то, что он «Марат философии»: «Да, Белинский, „фанатизм всегда дурен“, а ты немножко фанатик — покайся» («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 269). Слова, взятые Сатиным в кавычки, принадлежали самому Белинскому.

³ Говоря об «общих силах», Сатин имел в виду создание журнала, в котором члены кружка Белинского могли бы объединиться с Герценом, Огаревым, Кетчером и их единомышленниками.

27. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

<Москва.> 15-го авг<уста> 1838.

Понедельник. Вечер.

...10-го числа я вступил в должность мою и уже сделал приемный экзамен, на котором подвизался со мною Виссарий¹. Я им очень остался доволен; он может быть весьма не рядовым преподавателем. Он кланяется тебе; спросил об адресе твоём и хотел писать. Ему дали другого цензора — Совестрала...² Вероятно с приказанием давить медленностью и всякими прижимками. От того книжки выходят медленно, и подписка почти не прибавилась. Метода графа несправедлива и убийственна³. На будущий год Николай Степаныч <Степанов> объявит себя издателем, и книжки будут

выходить большие ежемесячно: это единственное средство выдавать исправно ⁴. Теперь хорошо, а каково-то будет бедному Виссариону, когда я выду! Не имею духу сказать об этом князю, да и боюсь, что он не выдержит и что Петр Петр<ович> ⁵ догадается, а мне до времени не хочется ему сказывать. Я опасаясь, чтоб он не ввернул какого-нибудь крючка, который мог бы задержать меня ⁶. После 1-го сентября скажу<сь> болел непременно <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-6).

¹ С. Т. Аксаков, еще с 1835 г. состоявший в должности директора Константиновского межевого института, в марте 1838 г. привлек Белинского к преподавательской работе.хлопоты, предпринятые Аксаковым о включении Белинского в штат института, не увенчались успехом, и Белинский до самого своего ухода из института считался нештатным преподавателем. См. об этом подробнее в статье Н. Волкова «В. Г. Белинский как преподаватель Межевого института» («Памятная книжка Константиновского межевого института за 1901—1902 гг.», стр. 117—122), а также «Русская старина», 1900, V, стр. 417—422.

² Аксаков имеет в виду профессора Московского университета и цензора—Ивана Михайловича Снегирева (1793—1868).

³ Упоминание С. Т. Аксакова об особом нерасположении к «Московскому наблюдателю» со стороны графа С. Г. Строганова, попечителя Московского учебного округа и председателя Московского цензурного комитета, объясняет причину необычайно тяжелых условий, в которые был поставлен Белинский, редактируя «Московский наблюдатель». О задержке ряда номеров журнала цензором Снегиревым см. письмо Белинского к И. И. Панаеву от 10 августа 1838 г. («Письма», I, 211).

⁴ О реорганизации «Московского наблюдателя» см. ниже письмо № 31.

⁵ Петр Петрович Андреев — эконоом Константиновского межевого института.

⁶ С. Т. Аксаков, скрывая свое решение уйти в отставку, справедливо предполагал, что после его ухода из Межевого института ни Белинский, ни князь Козловский не сочтут возможным в нем оставаться. См. об этом в следующем письме.

28. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

<Москва.> Сентябрь<я> 9 дня <1838 г.>¹

...Вчера Пейкер у нас ночевал и сегодня поутру уехал в Петербург ². Несмотря на наружную ласковость, внутреннее нерасположение проглядывало с обеих сторон; тем более, что я принуждал себя менее прежнего. Он уговаривал меня остаться в службе, но и то по приказанию министра, и довольно слабо. Князь ³ тоже не остается, да и Белинский (с ним Пейкер был очень хорош) <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 176-6).

¹ Год в датировке устанавливается по содержанию письма.

² Иван Устинович Пейкер (1801—1844) — главный директор Межевого корпуса и попечитель Константиновского межевого института, сенатор. О приезде его в Москву Белинский сообщил 10 сентября 1838 г. М. А. Бакунину: «К нам приехал попечитель, назначил у себя в комнатах экзамены выпускаемым ученикам; я ожидал своего экзамена без робости, без беспокойства, сделал его со всем присутствием духа, смело, хорошо; попечитель меня обласкал» («Письма», I, 230). В этом письме Белинский ни словом не упомянул о своем намерении оставить службу в институте. Он был освобожден от обязанностей преподавателя русского языка лишь 1 ноября 1838 г. («Русская старина», 1900, V, стр. 422).

³ Князь П. Д. Козловский. См. о нем в письме № 23.

29. О. С. АКСАКОВА — К. С. АКСАКОВУ

Москва, 12 сентября 1838

...Говорят, Белинс<кий> очень обрадовался, когда сказали ему, что ты скоро приедешь ¹ <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых. (ГАИС, III/IV, 188-в).

Ольга Семеновна Аксакова (1792—1878) — жена С. Т. Аксакова. Об отношении О. С. Аксаковой к Белинскому см. ниже письма №№ 39, 40, 45.

¹ В письме к И. И. Панаеву от 10 августа 1838 г. Белинский писал о К. С. Аксакове: «Эта душа чистая, девственная, и человек с дарованием» («Письма», I, 212). Более

сдержанно Белинский характеризовал К. С. Аксакова после возвращения последнего из-за границы: «В нем есть и сила, и глубокость, и энергия, он человек даровитый, теплый, в высшей степени благородный, но, благодаря своему китайскому элементу, лишшающему его движения вперед путем отрицаний, он все еще обретається в мире призраков и фантазий, и даже и не понюхал до сих пор действительности» («Письма», I, 357). Об отношениях Белинского и К. С. Аксакова впоследствии см. ниже, письма №№ 32, 41, 51, 74, 106, 122).

30. В. П. БОТКИН — М. А. БАКУНИНУ

⟨Москва. Около 15 октября 1838 г.⟩¹

Вот еще тебе, Мишель, скверное лекарство, съешь его. У меня теперь прошла вся враждебность к тебе и снова воскресают те святые минуты, в которых ты был для меня благовестителем тайн высшей жизни. Передумай хорошенько о себе, теперь для тебя настала пора, а я считаю наши возмутительные к тебе письма для тебя возможно очень во многом спасительными. Дай бог тебе сил в теперешних твоих обстоятельствах, больше веры и любви к истине. Мое письмо к тебе написано в минуты бешенства против тебя, а в такие минуты иногда увлекаются и заблуждаются. Но я не раскаиваюсь. Мое письмо — доказательство того положения, в каком я находился. Письмо Виссариона даст тебе яснее взглянуть на себя² — прощай.

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, ед. хр. 23, л. 54).

¹ Письмо не датировано, без подписи и представляет собой, вероятно, приписку к большому письму Боткина от 15 октября 1838 г., адресованному Бакунину (см. А. К о р н и л о в. Молодые годы Михаила Бакунина, М., 1915, стр. 515—516).

² Белинский в письме к Бакунину от 12—24 октября 1838 г. отмечал: «Боткин послал к тебе свое желчное письмо, в котором довольно удачно и верно объектировал для тебя некоторые твои стороны. Я послал комментарии к этому письму» («Письма», I, 295).

О. С. и К. С. АКСАКОВЫ

Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонина, 1840-е гг.

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

31. И. В. СТАНКЕВИЧ — Н. В. СТАНКЕВИЧУ

⟨Москва. Конец ноября 1838 г.⟩¹

...⟨И. П.⟩ Ключников поручил переслать тебе маленькую записочку ⟨...⟩ Он сознал, наконец, что его призвание поэтическое; ты согласился бы с этим, если б прочел его послед⟨ние⟩ стихотвор⟨ения⟩. Может быть, Белинский сообщ⟨ил⟩ тебе несколько в своем письме². На-днях должна быть напечатана программа «Наблюд⟨ателя⟩» на тот год; не знаю, пропустила ли москов⟨ская⟩ цензура, а в Петербурге позволили³. Сам Белинский написал драму для бенефиса Щепкина; впрочем, не пиши ему об этом — если он сам ничего не пишет тебе. Я ее не слыхал и не читал; Боткин говорит, что есть недурные сцены для театра, но произведение не художественное⁴.

Сделай одолжение, Николенька, нельзя ли тебе прислать нам «Vorstudien», изд., кажется, Готто; здесь никак нельзя достать⁵. Ты не можешь себе представить, как ты обяжешь этим меня да и всю честную компанию, потому что там можно выбрать прекрасные статьи для журнала. Может, и твои финансы не совсем хороши, в таком случае напиши с первою почтою, а если можно — присылай книгу: если пошлешь пропустя почту, все она еще застанет меня в Москве. Если же пошлешь позднее, посылай на имя Ефремова с п е р е д а ч е ю мне, а то журналисты отжилят, мне и понюхать не дадут. — Василий Бот⟨кин⟩ присоединяет также свою просьбу об высылке этой книги. Говор⟨ят⟩, она вся разошлась, но в Берлине, верно, можно достать ее ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Бумаги Станкевичей (М. 8421/1/21).

Иван Владимирович С т а н к е в и ч (1820—1907) — младший брат Николая Владимировича. См. ниже еще одно его письмо (№ 124).

¹ Письмо датируется нами концом ноября 1838 г., так как оно является ответом на письмо Н. В. Станкевича от 20 октября 1838 г. Указанные в нем факты относятся ко второй половине ноября.

² И. П. Ключников в течение почти двух лет находился в крайне тяжелом физическом и моральном состоянии. В письме от 12 октября 1838 г. к Бакунину Белинский отмечал как новость, что «теперь Иван Петрович олицетворенная гармония, благодать, святость» («Письма», I, 276). См. ниже письмо № 33.

³ Реорганизация «Московского наблюдателя» утверждена была Главным управлением цензуры 7 ноября 1838 г. Новая программа «Московского наблюдателя», составленная самим Белинским, была опубликована вместе с объявлением о подписке на 1839 г. в «Московских ведомостях» от 3 декабря 1838 г. и повторена 7 и 17 декабря того же года. См. ее перепечатку в нашем сообщении «Программа „Московского наблюдателя“» — «Лит. наследство», т. 57.

⁴ Драма Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или странная болезнь», сданная в контору Московских императорских театров 2 декабря 1838 г., поставлена была в бенефис Щепкина 27 января 1839 г. См. о ней в предисловии к настоящей публикации, а также в изд.: В. Г. Б е л и н с к и й. Пятидесятилетний дядюшка, или странная болезнь. Драма в пяти действиях. Неизданный текст с предисловием и примечаниями А. С. Полякова, Пг., 1923.

⁵ Генрих-Густав Г о т т о (Notho, 1802—1873) — профессор Берлинского университета, ученик Гегеля, автор книги «Vorstudien für Leben und Kunst» (1835). Об этой книге Н. В. Станкевич писал 25 января 1839 г. Боткину: «В ней много интересного, прекрасного, но столько рефлексий, записанных так, как они проходили во время его молодости по его голове, рефлексий, имеющих только относительное значение и иногда утомительных» («Переписка Н. В. Станкевича», цит. изд., стр. 493).

32. К. С. АКСАКОВ — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва.⟩ 5 декабря ⟨1838 г.⟩

...Вот вам, милые братья, одно довольно важное известие: с Бакуниным я совершенно расстался и уверился, что этот человек стоит только презрения; словом сказать, человек гадкий, даже подлый. Еще до моего путешествия много находил я в нем гадкого. Бел⟨инский⟩ и Бот⟨кин⟩ тоже, и

мы все завели с ним переписку, в которой решились сказать ему правду. Он изволил обидеться, отвечал в длиннейших письмах, — в которых еще больше выказались его дурные стороны. Через несколько времени он приехал в Москву; я увидел его еще с некоторым волнением, потому что привык любить в нем прекрасного человека. Он делал штуки старые, отдалял объяснение, и потом вдруг, как бы проникнувшись чувством, отвел меня в сторону, просил оставить наши споры и просто быть друзьями; то же сказал он Бел<инскому> и Бот<кину>. Но странно, что с той-то самой минуты у меня и отпало к нему всякое чувство дружбы; он для меня <потерял> всякой интерес, влияние и значение. Я видался, говорил с ним, но он для меня решительно перестал существовать. Я уехал за границу; в письмах моих к Бот<кину> и Бел<инскому> я ни разу не упомянул об нем. Приехав в Москву, я узнал от них, что они были близки с ним несколько времени, что потом опять начались у них споры, наконец переписка (Бакунин опять уехал в деревню). — Я застал конец этой переписки, но уже не впутывался в нее и недавно написал огромное письмо к Бакун<ину> о том, чтобы он возвратил мне мои книги. Письмо мое начинается: «Мил<остивый> госуд<арь>, М. А., прошу вас» и проч. и потом: «ваш почкорный слуга К. А...» — Итак, мы совсем с ним расстались, чем я очень доволен. Бот<кин> и Бел<инский>, кажется, также скоро оставят его¹ <...> «Наблюдатель» будет выходить большими книжками, как «Библиотека», и в первом номере будет моя философическая статья, которая вам известна, только не знаю, всю ли я вам читал ее. Я начал еще одну, не знаю, как-то она в т а н ц у е т с я, говоря выражением нашего великого Гоголя² <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III,127-а).

¹ В начале октября 1838 г. Белинский писал Н. В. Станкевичу о Бакунине: «С Мишелем я совершенно разошелся. Уважаю его, — но любить не могу... Много пользы сделало мне его знакомство, но дружба наша была призрак, потому что не выработалась из жизни, а вышла из отвлеченных понятий об о б щ е м» («Письма», I, 258). Письма Белинского к Бакунину за этот период, в которых он подвергает подробному анализу их взаимоотношения, — см. «Письма», I, 185—187, 188—207, 213—255, 259—307. Ср. также А. К о р н и л о в. Молодые годы Михаила Бакунина, цит. изд.

В архиве Аксаковых (ЛБ. ГАИС, III/II/24) сохранился отклик на это письмо двоюродного брата К. С. Аксакова — А. Г. Карташевского. «... Я читал о твоих теперешних отношениях к нашим знакомым, — писал Карташевский, — и мне очень жаль, что весь круг распался, хотя причина этого довольно хороша. Помнишь ли, какими приятными вечерами, вечерами увлечения, как ты сам сознавался, были мы обязаны кругу Станкевича. Ах, я вспоминаю об этом всякую весну; а в тебе неужели это воспоминание производит один только смех? Я слышал о Бакунине, но с мыслию об нем я так привык соединять мысль о всем благородном, что до сих пор не могу поверить этому. В самом деле, не ошибаетесь ли вы и не прав ли был ты, когда сначала ни с кем не соглашался на счет его. Еще теперь бы я, кажется, так желал бы его видеть» <...>

Об А. Г. Карташевском см. ниже прим. к письмам №№ 42 и 49.

² Статья, о которой говорит К. Аксаков, в «Московском наблюдателе» помещена не была. В первой части журнала за 1839 г. была напечатана статья К. Аксакова о грамматике Белинского. См. письма №№ 17, 21, 22 и 60.

33. И. П. КЛЮШНИКОВ — Н. В. СТАНКЕВИЧУ

<Москва.> 12 декабря <1838 г.>

Читай один.

Любезный Николай Владимирович! В последнем письме своем к Неистовому Орланду¹ — ты говоришь обо мне, как о человеке, кот<орый> совершенно забыл тебя. Не писать еще не значит забыть. Я помню, я думаю о тебе больше всех твоих знакомых; даже (жаль, если я ошибаюсь) и понимаю тебя лучше всех твоих знакомых — и при всем том, я не писал к тебе — не мог писать к тебе. Что ж это значит? А вот что:

ты часто пророчил мне передрыгу; она случилась со мной — и была ужаснее, нежели я мог вообразить себе, смотря на твои страдания: два или три месяца я был сумасшедший, потом медленно (почти год) оправл(ялся), и теперь уже в дверях, уже в передней новой жизни ²⟨...⟩

Я хорошо сделал, что отметил ⟨свои страдания⟩ стихами. У меня пиес 100, и я их издам в хронологическом порядке, — может быть он⟨и⟩ найдут отголосок в чем-нибудь сердце. Друзья мои (j'en ai beaucoup*) хвалят их очень — и многие знают наизусть — но понимает их, как мне кажется, только Боткин: это акты сознания и рессонанс всех звуков души моей, которую также не все понимают. Вот шуточка:

Друзья мне скучны: — прихожу в их круг
И говорят с участием: «Здравствуй, друг!»
«Здоров ли?» — и протягивают руки. —
«Ну, как дела?» — и прочее. — От скуки
За трубку, развалюсь, болтаю вздор,
А мне кругом рукоплескает хор:
«Вот мило! Вот забавно! Молодец!
Скажи еще!» Не в мочь мне наконец:
Не с тем я шел, не то сказать хотел.
Я не сказал — за чем же? — так, не смел...
Друзья мне скучны; не пойду в их круг —
Не дружный сам с собой — кому я друг?..
⟨.⟩

Дело в том, что переверот никем (кроме Боткина) не замечен и не понят ⟨...⟩

Перпендикулярно стихам: Наш круг действительно немного поразошелся. Нет центра — или центр внешний, например, «Наблюдатель».

Автограф. ЛБ. Бумаги Станкевичей (М. 8421/1/9).

¹ «Неистовым Орландом» был прозван Белинский. Письмо к нему Станкевича, о котором упоминает И. П. Ключников, не сохранилось.

² В письме к В. П. Боткину от 25 января (6 февраля) 1839 г. Станкевич писал: «Благодарю тебя и Ключникова за ваши письма. Я буду отвечать ему через несколько времени особо, а теперь поделитесь этими строками; его положение мне так знакомо, так внутренне понятно, а между тем я с трудом или вовсе не объясню его словами; я с ним согласен, что это момент выздоровления, в котором есть еще б о л е з н ь, составляющая его существенную часть — и отчасти его прелесть, минута первого свидания с благами жизни!» («Переписка Н. В. Станкевича», цит. издание, стр. 491).

34. В. П. БОТКИН — Н. В. СТАНКЕВИЧУ

Москва, 13 декаб⟨ря⟩ 1838

...Что за народ эти молодые гегелисты! — а Лео просто сошел с ума ¹. А твой Вердер, что за человек твой Вердер! Ты написал только две мысли его (одну прежде, касавшуюся чувства твоей вины, а другую в послед⟨нем⟩ письме к Вис⟨сариону⟩), но эти две мысли сделали то, что Вис⟨сарион⟩ и я горячо и глубоко любим Вердера и понимаем твою привязанность к нему ².

Вис⟨сарион⟩ пишет к тебе большое письмо ⟨...⟩ «Наблюд⟨атель⟩» что-то [беде] сух. Вис⟨сарион⟩, отделившись от старого, опять пошел в службу по части сильных ощущений. Беда с ним! Он с жизнью хочет обращаться, как с своим Иваном, и сердится, что она не слушается его.

* У меня их много (фр.).

Мишель хотел услужить «Наблюд(ателю)» и написал для 1 № прошл(о-го) года введение к Гимназ(ическим) речам Гегеля³. Да и удружил как медведь пустынною. Нет, такие вводители в философ(ию) Гегеля хуже врагов его! <...>

Автограф. ГИМ. Фонд Грановского (№ 345, ед. хр. 2, л. 46—46 об.).

¹ Генрих Лео (1799—1878) — немецкий историк и публицист, автор брошюры «Hegelingen», вышедшей в свет в 1838 г. Этот памфлет против младогегелианцев, как свидетельствует Ф. Энгельс, «оказал своим противникам величайшую услугу», дав им возможность уяснить «самих себя» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, 1931, стр. 118).

А. П. ЕФРЕМОВ

Рисунок Э. А. Дмитриева-Мамонова, 1840-е гг.

Третьяковская галерея, Москва

² Карл Вердер (1806—1893) — профессор Берлинского университета, ученик и популяризатор Гегеля, приятель Н. В. Станкевича и Т. Н. Грановского. Первая из «мыслей Вердера», о которых говорит Боткин, отмечена была в письме Станкевича и Грановского к Белинскому от 20 октября 1838 г.: «Наш добрый друг Вердер говорит мне: «если разум оправдывает вас, сердце не может расстаться с сознанием вины — иначе в нем нет любви» («Лит. наследство», т. 55, стр. 421). Вторая сентенция Вердера, вероятно, была цитирована впоследствии Белинским в письме к Станкевичу от 2 октября 1839 г.: «Когда человек делает себе вопрос, значит — он созрел для ответа» («Письма», I, 352).

8 ноября 1838 г. Белинский писал Станкевичу: «Слова Вердера <...> еще более утвердили мою веру в философию. Какой это должен быть человек! И как много должно значить его участие к тебе! <...> Вердер для меня теперь не понятие, но живой образ <...> Чудный, святой человек!» («Письма», I, 307—308).

³ Предисловие Бакунина к переводу «Гимназических речей» Гегеля было воспринято читателями как программа «Московского наблюдателя». Вредные последствия для журнала от этой статьи отмечались и Белинским: «Статья Бакунина погубила „Наблюдатель“ не тем, что она была слишком дурна, а тем, что увлекла нас (особенно меня, за что я и зол на нее), дала дурное направление журналу и на первых порах оттолкнула от него публику и погубила его безвозвратно в ее мнении <...> Вместо

представлений в статье одни понятия, вместо живого изложения одна с у х а я и к р и к л и в а я отвлеченность. Вот почему эта статья возбудила в публике не холодность, а ненависть и презрение, как будто бы она была личным оскорблением каждому читателю» («Письма», I, 346).

35. И. П. КЛЮШНИКОВ — Н. В. СТАНКЕВИЧУ

⟨Москва. Конец 1838 г.⟩¹

Не думай, чтоб тебя забыли, чтоб от тебя отвратились (твои слова в письме к брат⟨ьям⟩). Мы об тебе с Бел⟨инским⟩ и Ботк⟨иным⟩ по целым вечерам говорим².

Автограф. ГИМ. Фонд Станкевичей (№ 351, ед. хр. 57, л. 13).

¹ Приблизительная датировка письма определяется сообщением о встречах Ключникова с Белинским и Боткиным и жалобами Станкевича на то, что он забыт московскими друзьями.

² 29 декабря 1838 г. Боткин писал Бакунину о перемене, происшедшей в Ключникове: «Ты теперь едва ли узнаешь его — так он переменялся. Нет уже прежних скептических, неисчерпаемых фантазий — этой часто горькой эпиграммы на бога и человечество, — все это разрешилось в глубокое, просветленное религиозное чувство, от него веет мне благоуханием вечной жизни, чем-то таинственно-святым. Он поэт примирения. И вот почему Виссаріон» как-то неясно понимает его стихи» (Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных, № 9, ед. хр. 23, л. 36). Однако в оценке стихов Ключникова прав был Белинский, с негодованием писавший 2 октября 1839 г. Станкевичу, что Ключников, «прийдя в религиозный экстаз», стал «очень откровенно поговаривать, что он выше Пушкина (sic!), ибо-де Пушкин поэт р а с п а д е н и я, а он (Ключников!) поэт примирения. Я молчал, но делал страшные гримасы, которых он не мог не заметить» («Письма», I, 359).

36. К. С. АКСАКОВ — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва. Январь 1839 г.⟩¹

...Цензура делает у нас невероятные вещи и отнимает возможность издавать не только журнал, но какую-нибудь книгу. Не распространяясь о причинах нелепых ее действий, я скажу только, что статья Варнгагена о Пушкине, пропущенная и напечатанная в «Сыне отечества», у нас в журнале (несмотря на то, что уже тогда «Сын отечества», в котором помещена статья Вар⟨нгагена⟩, вышел), у нас ⟨!⟩ запрещена и выкинута².

Я сердит на Бел⟨инского⟩ за то, что он небрежно держит коррект⟨уру⟩ моих переводов, в которых бездна ошибок, а потому вы должны погодить бранить мои переводы ⟨...⟩ Нельзя нападать на «Наблюдателя» за то, что он выходит медленно и что статьи его могли бы быть лучше. Цензура делает это невозможным.³ Из последнего номера, кроме вычеркнутых строк и страниц, выброшено целых две статьи⁴ ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/II, 127).

¹ Приблизительная датировка письма устанавливается на основании сообщаемых Аксаковым сведений о статье Варнгагена фон-Энзе о Пушкине, помещенной в первой книжке «Сына отечества» за 1839 г. (ценз. разр. 14 января 1839 г.).

² 2 октября 1839 г. Белинский писал Н. В. Станкевичу: «Цензура теснила. Во 2 № запретила статью Варнгагена о Пушкине и еще одну оригинальную статью». Запрещенный в «Московском наблюдателе» перевод статьи Варнгагена, вероятно, был выполнен М. Н. Катковым, так как позднее в «Отч. записках» (1839, V) был помещен перевод этой статьи, принадлежавший именно Каткову.

³ См. предисловие к настоящей публикации.

⁴ В одном из писем К. С. Аксакова к матери, от 6 февраля 1839 г., сохранились след. строки с упоминанием Белинского:

«...Мы с Митей ⟨Шепкиным⟩ вздумали вспомнить старину, и вчера у нас было сражение снежками и бранье снеговой крепости приступом. В этом сражении участвовали: я, Митя, Катков, Ефремов, Белинский и проч. Михаил ⟨Семенович⟩ со всем семейством смотрел с балкона» ⟨...⟩ (Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова, № 884, оп. II, ед. хр. 19, л. 25 об.).

ДОМ БЛИЗ ПРЕСНЕНСКИХ ПРУДОВ В МОСКВЕ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ
И. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ (ТЕПЕРЬ ДРУЖИННИКОВСКАЯ УЛИЦА, № 11).
ЗДЕСЬ В 1830-х гг. БЫВАЛ БЕЛИНСКИЙ

Фотография А. А. Сергеева, 1950 г.

37. И. С. АКСАКОВ — К. С. и С. Т. АКСАКОВЫМ

С. Петербург 1839

2-го февраля. Четверг, 10 ч.

...Вот новость, которая мне и во сне пригрезиться не могла. Белинский написал драму!¹ Сначала мне это было ужасно смешно. Хороша ли она, я Веру и не спрашивал. Знаю, что Костя находит ее хорошей, и довольно. Первой книжки «Наблюдателя» не получили <...>

Пожалуйста, когда будешь писать, так напиши что-нибудь о литературных новостях: Белинский и драму написал, и ее играли, а мы там ничего не знаем. А журнал... Что, Белинский остается при училище? <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых. (ГАИС, III/III, 15-6).

¹ О драме Белинского «Пятидесятилетний дядюшка» см. предисловие к наст. публикации и письмо № 31.

38. В. П. БОТКИН — М. Н. КАТКОВУ

<Москва.> 10 фев<аля> 1839 г.>

Случай, введший меня в твоё положение, был послан добрым гением¹. Да, странную роль начал играть я, — и если результат и развязка вышли так неожиданны, — то в этом не моя вина и заслуга. Заслуга моя состоит только в том, что я [приступил] вошел в твоё положение с глубоким сердечным участием и стал действовать открыто, смело и решительно. Драма, запутанная, но в то же время страшная и раздражающая душу, — совершилась между всеми вами. Благодарение богу, что мое вмешательство послужило к неожиданной развязке. — Ты уже знаешь, что Д<митрий>

Щ^епкин не взял на себя решительного ответа, потому что я ошибся, сказав тогда тебе, что Д. Щ^епкин все знает относительно В^иссариона и А^лександры М^ихайловны.— Еще в объяснении моем,— первом,— удивил меня вопрос Д. Щ^епкина, когда я сказал ему, о взаимной любви их.— А почему он в этом уверен?— Слова эти поразили меня и совершенно сбили с толку. Как! Этот брат, о котором В^иссарион говорил, что он знает все, что он радуется любви их,— делает мне такой странный вопрос?

Вчерашнее объяснение доконало меня так, что я одурел: нет, Миша, все вздор и ложь,— она не любила и не любит В^иссариона,— но в то же время в ней совершалось странное и загадочное,— теперь это сделалось уже не странным и не загадочным. И в то же время убеждение В^иссариона, его доверие мне не были претензиями. В нем игралась драма своего рода — [и муки так] и ужасны муки, какие он вытерпел.

[Вчераш] Нынешнюю ночь я проговорил с В^иссарионом. Братцы! Я после долгого времени почувствовал, что с меня упала кора и чувство не замирало к нему, а живо и свободно стремилось к нему. Он прав, благороден, чист,— братцы, не бросайте камня в человека,— и особенно не осуждайте, не выслушав оправдания. Не могу тебе теперь всего писать, это было бы ужасно много — я потрясен различными и в то же время неожиданными и противоположными ощущениями. О ней относительно тебя сказать ничего не могу. Приезжай теперь в Москву,— и поскорей.— Смотри сам, и твое чувство скажет вернее.— Прощайте, други! Жму вам руки с самым радостным и светлым чувством. Прости меня, Катков, что я так ужасно истерзал тебя,— я думал делать лучше, и теперь ясно, что без решительных действий драма не разыгралась бы так счастливо, как разыгралась теперь.

Пожалуйста приезжайте скорее в Москву — поскорее, хочется обнять тебя, прижать к сердцу ² <...>

Приезжайте все вместе.

Автограф. ЛБ. Фонд М. Н. Каткова (Кат. 1—44, л. 3—3 об.).

¹ Публикуемое письмо Боткина в значительной степени разъясняет последнюю стадию романа Белинского и А. М. Щепкиной, дочери знаменитого актера. Этот роман, или «история с барышней», как назвал свое увлечение сам Белинский, начался осенью 1838 г.

В одном из позднейших писем к Боткину Белинский следующим образом описывал свои настроения той поры: «Мое прекраснодушие попало в западню, самим же себе устроенную. Я разделился: во мне было два убеждения, совершенно равные — люблю и не люблю. Теперь бы я сказал, что-нибудь одно, а оба вместе равны плюсу с минусом; но для того-то и должен я был так жестоко срезаться, чтобы так дельно рассуждать теперь. Надежды было мало — это подстрекало. Наконец, мне сказали несколько слов, на меня бросили несколько взглядов, которых я не смел еще решительно растолковать в свою пользу, но от которых я ощутил в душе бесконечное блаженство» («Письма», I, 330). У А. М. Щепкиной незадолго до того был роман с М. Н. Катковым. Как рассказывал об этом впоследствии сам Белинский в письме к Станкевичу от 2 октября 1839 г., А. М. Щепкина «любила другого, а этот другой любил ее, но вел себя так действительно, что она, думая, что он ее не любит, и, заключая по моим дикостям, что я ее обожаю, решилась полюбить меня, в той мысли, что если я женюсь на ней, то со мною, как с человеком благородным и любящим ее, она может быть счастлива в браке без любви» («Письма», I, 353). Белинский был старше Щепкиной на семь лет и не имел с ней общих интересов. М. Н. Катков был ровесником «барышни» и имел все основания считать свой разрыв с ней случайным недоразумением, использованным Белинским. Выпроводив Каткова на некоторое время в Премухино, Боткин через Д. М. Щепкина добился выяснения всех обстоятельств дела и установил, что А. М. Щепкина любит не Белинского, а Каткова. После объяснения по этому поводу с Белинским Боткин вызвал Каткова в Москву. Дальнейшие отношения Белинского, Боткина, Каткова и А. М. Щепкиной освещаются письмами Белинского — см. «Письма» I, 330, 352—356, 361—363, 370.

² Здесь тщательно зачеркнуто полторы строки.

39. О. С. АКСАКОВА — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва.⟩ 21-е февраля 1839-го года

...Бел⟨инский⟩ уезжает в Петерб⟨ург⟩: журнал прекращается, и всё рушится¹ — вы догадаетесь, как приняла я эту новость; терпение и выжидание всюду надобны² ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV, 189).

¹ «Еще в посту, — писал Белинский Н. В. Станкевичу 2 октября 1839 г. — я вздумал бросить „Наблюдатель“, который давал мне слишком мало выгод, брал все мое время и был причиною ужаснейших огорчений ⟨...⟩ Владелец его, Степанов, хотел угодить и нашим и вашим, т. е. получать прибыль журнала и не лишитъ свою типографию других работ, дававших ему верную выгоду, — и погубил то и другое. Поэтому журнал тянулся медленно, отставал книжками ⟨...⟩ Участие приятелей моих прекратилось — я остался один; цензура теснила» ⟨...⟩ («Письма», I, 362). Решив переехать в Петербург, Белинский в письмах к И. И. Панаеву от 18 и 22 февраля 1839 г. поручил последнему ведение переговоров с Краевским о постоянной работе в «Отеч. записках» и в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» («Письма», I, 311, 314).

² О. С. Аксакова недоброжелательно относилась к Белинскому. «Белинский говорил мне, — вспоминал позднее И. И. Панаев, — что его не совсем жалует г-жа Аксакова и не очень приятно смотрит на его дружбу с Константином. Константин Аксаков отставал, однако, Белинского долго от нападков своей матушки» («Воспоминания И. И. Панаева», Л., «Academia», 1928, стр. 244). См. выше письмо № 29.

40. В. С. АКСАКОВА — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва.⟩ 12 марта 1839 г.

...«Наблюдатель» ожил — Андросов дал свою тысячу, чтобы была возможность его продолжать¹; стало и Белинский остался, но вред его исchezает сам собою² ⟨...⟩

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV, 188-в).

¹ Письмо Веры Сергеевны Аксаковой (1819—1864) к братьям точно определяет факт соглашения Белинского с Андросовым и Степановым, в результате которого переезд критика в Петербург был на некоторое время отсрочен. Получив от издателей «Московского наблюдателя» тысячу рублей для расплаты с долгами, Белинский писал 25 февраля 1839 г. Панаеву: «Я остаюсь в Москве ⟨...⟩ и потому прошу вас оставить хлопоты обо мне и извинить меня за ложную тревогу. Различные затруднения до такой степени забесили меня, что я твердо решился перебраться в Питер; но дело кое-как переделалось — и я опять москвич» («Письма», I, 314). Однако материальная база для журнала и на этот раз обеспечена не была, «Московский наблюдатель» выходил редко и нерегулярно (всего в 1839 г. вышло четыре книжки), подписчиков не стало, сотрудники не получали гонорара, и уже через три месяца после февральского соглашения с Н. С. Степановым Белинскому пришлось возобновить переговоры с Краевским о переезде в Петербург.

² Повидимому, «вредом», с точки зрения патриархально-помещичьей семьи Аксаковых, считалось влияние Белинского на К. С. Аксакова.

41. К. С. АКСАКОВ — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва. Февраль — март 1839 г.⟩¹

...Что сказать вам про мои отношения с приятелями, милые друзья? Я расстался со всем их кружком, без ссоры, без вражды, отдавая им полную справедливость в том, что в них есть хорошего, расстался с а м, по истинному своему влечению и чувствую себя теперь совершенно под вольным небом, и дышу свободно. — Белинский лучше всех моих приятелей; в нем есть истинное достоинство, но и с ним я уже не в прежних отношениях, хотя люблю его больше всех остальных. У меня теперь один истинный приятель — это Дмитрий Щепкин, которого я исключаю из известного кружка, в котором, впрочем, никогда не был, хотя все его уважают теперь чрезвычайно. Бакунин здесь. Я с ним не видался и не увижусь ⟨...⟩

Вы браните стихи в «Наблюдателе» и не правы. Мои переводы, помещенные в первом номере, считаю я одними из лучших. «Вечер» Шиллера — чудное стихотворение, в котором много заключается. — «Флейта» — повесть прекрасная, произведение истинно художественное. А статья моя разве вам не нравится? Здесь об ней со всех сторон слышу я хорошие отзывы². — В третьем номере будет помещен мой перевод главы из жизни Шиллера с маленьким предисловием. Признаюсь, даже я жалею, что «Наблюдатель» не прекратился. Что делает сейчас цензура — просто невыносимо. В статьях нет недостатка, но в срок выходить книжки не могут³ <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/II, 127-д).

¹ Приблизительная датировка устанавливается связью этого письма с предыдущим.

² В письме к Н. В. Станкевичу от 29 сентября 1839 г. Белинский писал: «Аксаковские переводы из Гете („Бог и Байдера“, „Утренние жалобы“, „Перемена“ — „Лежу я в потоке на камнях“, „Тишина на море“) — больше, нежели хороши — превосходят; но из Шиллера — дрянь, кроме одного — „Вечер“, художественного в оригинале и художественно переведенного» («Письма», I, 341). В том же письме Белинский дает восторженную оценку повести П. Н. Кудрявцева «Флейта», которую называет дивно-х у д о ж е с т в е н н ы м произведением, в котором вполне исчерпана вся его идея и воспроизведена в таких чудных, грациозных формах...». «Статья» К. Аксакова — «О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского)», помещенная в 1-й книжке «Московского наблюдателя» за 1839 г.

³ См. предисловие к настоящей публикации.

42. А. Г. КАРТАШЕВСКИЙ — К. С. АКСАКОВУ

«Петербург. Начало 1839 г.»¹

... Я начинаю узнавать на деле то, об чем прежде говорили в кругу Станкевича. Верочка² сказала, что вы все переменяли ваши политические мнения; я начинаю утверждаться в них³. Я имел уже неприятность от <вел. кн.> Михаила Павловича и вижу, что правду говорят про него, что он человек грубый. Но как, неужели я, утвердившись в своих мнениях и приехавши в Москву, увижу, что все, которые были на этот счет одного мнения, хвалили меня за то, переменялись? Прошу тебя, скажи мне что-нибудь о всех наших знакомых. Что делается с Белинским? Неужели он изменился и неужели выражения его потеряли всю энергию? Что делает Ключников? Попрямее благословляет всех? Что делает Кетчер? Скажи что-нибудь о <А. В. Сухово->Кобылине. Я слышал, что он всегуляет и уехал в свою деревню; как жаль! <...>

Я читал твою брошюрку о грамматике Белинского; и она мне очень понравилась, особенно те мысли, о которых ты говорил будучи еще здесь <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/II, 24).

Александр Григорьевич К а р т а ш е в с к и й (1817—1894) — двоюродный брат и ровесник К. С. Аксакова, в это время — офицер-артиллерист (см. о нем в настоящей публикации письма №№ 32 и 49). Как устанавливается неизданными его письмами к К. С. Аксакову, хранящимися в Отделе рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, А. Г. Карташевский во время пребывания своего в Москве (он в 1835—36 гг. был студентом физико-математического факультета Московского университета) поддерживал приятельские отношения со многими членами кружка Станкевича. «Вот уже нам 22 года, — писал Карташевский в одном из своих писем к К. С. Аксакову (1839 г.), — как скоро идет время! Давно ли, кажется, я был в Москве, рассуждал с тобою, с Бакуниным, с Белинским, с Катковым, с Ефремовым, и вот уже этому скоро два года. Так все проходит и пройдет наша молодость <...> Скажи мне, как ты проводишь <дни праздника> и у кого чаще бываешь. Видишься ли ты с Белинским, с Катковым, с Ключниковым?..» (Автограф. ЛБ. ГАИС, III/II, 24).

В письмах Белинского об А. Г. Карташевском сохранилось только одно, весьма нелестное упоминание («Письма», II, 35).

¹ Приблизительная датировка определяется содержанием письма.

² Вера Сергеевна Аксакова.

³ Карташевский имеет в виду временный переход Бакунина, Белинского и других членов кружка Станкевича на позиции «примирения с действительностью», сильно противоречившие прежним оппозиционным настроениям кружка.

43. П. А. КОРСАКОВ — В. И. КАРЛГОФУ

СПБ. Май 20 дня 1839 г.

...В «Отечественных записках» напали на перевод твой для «Военной библиотеки», хотя и с умеренностью, ибо цензор вымарал все излишние

НА ЛЕКЦИИ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

Рисунок студента Н. И. Тихомрова, 1845 г.

Литературный музей, Москва

шуточки ¹. Со смертью Свиньина журнал сей перешел к Краевскому ², который сказал мне, что у них не более 1500 подписчиков, не покрывающих издержки издания. Московские журналы перестают едва ли не вовсе — как мельницы, перестающие молоть за недостатком воды. Краевский, как говорят, нанял одного из редакторов, Бельнского, за 3000 рублей для «Отечественных записок», а Межакова для «Литературных прибавлений», предоставляя себе высшее право суда и расправы ³. Так и следует главному редактору! (<...>)

Автограф (черновой) ЦГЛА. Фонд Белинского (№ 52).

Фамилия адресата устанавливается по упоминанию в письме о «Военной библиотеке», переводчиком и издателем которой был В. И. Карлгоф.

Петр Александрович К о р с а к о в (1790—1844) — мелкий литературный делец, с 1835 г. — цензор, впоследствии редактировал, совместно с В. Бурачком, реакционно-клерикальный журнал «Маяк» (1840—1845 гг.). В дневнике А. В. Никитенко Корсакову дана следующая характеристика: «Корсаков пробовал когда-то свои силы в литературе, писал забытые трагедии, издавал забытый уже журнал, потом долго жил в деревне, служил по полицейской части и, наконец, сделан цензором против штата, по ходатайству попечителя. Это совершенный хамелеон. Его цвет — цвет последнего, с кем он встретился» («Записки и дневник А. В. Никитенко», т. I, СПб., 1905, стр. 279).

Вильгельм Иванович К а р л г о ф (1796—1841) — беллетрист и переводчик, с апреля 1839 г. помощник попечителя Киевского учебного округа.

¹ Третий том перевода, сделанного Карлгофом, — «История войн в Европе с 1792 г. вследствие перемены правления во Франции», СПб., 1838 — рецензирован был в «Отеч. записках» 1839 г., т. III, стр. 165—167.

² Смерть П. П. Свинына (9 апреля 1839 г.) превратила Краевского из арендатора «Отеч. записок» в их полноправного редактора-издателя. Судя по позднейшим письмам Краевского к Г. Ф. Квитко-Основьяненко, журнал имел в 1839 г. всего 1250 подписчиков, в 1840 г. — «1400 с небольшим» («Русская старина», 1900, № 5, стр. 297—298). Участие Белинского в журнале явилось спасением для «Отеч. записок».

³ П. А. Корсаков имеет в виду прекращение «Московского наблюдателя» и «Гала-теи». Первый редактировался Белинским, вдохновителем второй был В. С. Межевич, которого Корсаков смешал с П. А. Межаковым — третьестепенным поэтом 1820-х годов. О В. С. Межевиче и приглашении его на работу в «Отеч. записки» см. далее письмо А. Д. Галахова от 22 сентября 1840 г. (№ 70).

44. Н. В. СТАНКЕВИЧ — Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

25 июня 1839. Берлин

...Я получил письмо от Белинского. Он выслал мне многие статьи из «Наблюдателя»¹. Привезу их с собою. Они, отчасти, срамятся². Мне очень будет отрадно о многом еще побеседовать с тобою <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Грановских (М. 5184/39, л. 1 об.).

¹ Станкевич имеет в виду письмо Белинского от 19 апреля 1839 г., к которому приложены были статьи его из «Московского наблюдателя», стихи и повесть П. Н. Кудрявцева «Флейта» («Письма», I, 319).

² Отрицательное отношение Станкевича к статьям «Московского наблюдателя» с наибольшей ясностью определилось в его письме к Грановскому от 1 февраля 1840 г.: «Известия о литературных трудах и понятиях наших знакомых неутошительны. Что им дался Шиллер? Что за ненависть? Нелепые люди! <...> А если авторитет «Гегеля» силен у них, то пусть прочтут, что он говорит о Шиллере в „Эстетике“ <...> А о действительности пусть прочтут в „Логике“, что действительность, в смысле непосредственности, внешнего бытия, — есть случайность; что действительность, в ее истине, есть разум, дух» («Переписка Н. В. Станкевича», цит. изд., стр. 486).

45. О. С. АКСАКОВА — С. Т. АКСАКОВУ

<Аксиньино?> 1839-го года 25-го июля 12-й час ночи

...Щепкины совсем не бывают у Константина, верно заняты, и он не ходит к ним; сокрушает его положение Белинск(ого); но какая возможность ему помочь? и рада бы очень, да где взять 500 руб., которые, по его словам, его воскрешают, и потому Константин решился написать к Павлову Мих(аилу) Гр(игорьевичу)¹, чтобы тот Кузина попросил <...>

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 20, л. 67).

¹ Михаил Григорьевич П а в л о в (1795—1840) — профессор физики, минералогии и сельского хозяйства в Московском университете. Был связан с Кузиным, богатым рязанским откупщиком.

На следующий день шестнадцатилетний И. С. Аксаков писал отцу: «Я заеду также к Мих(аилу) Гр(игорьевичу), к которому Костя написал записку, где он просит, чтоб он выхлопотал бы как-нибудь денег Белинскому у Кузина. Белинский в отчаянном положении: денег ни гроша...» (ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова, № 884, ед. хр. 20, л. 74).

46. О. С. АКСАКОВА — Г. С. и И. С. АКСАКОВЫМ

Аксиньино, 1839-го года, 4-е августа
10 ч(асов) вечера

...Костенька был у Бел(инского), который лежит болен кровавым пон(о-сом), и, разумеется, 2 синие ушли на лекарство, что делать, нельзя же не помочь, — то только неприятно, что он был у больного, а нынче в Москве это повальная и опасная болезнь, и нынче Костенька сам не очень здоров, хотя ходил вечером к Щепк(инным) ¹.

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV, 188-в).

¹ Белинский отметил помощь, оказанную ему К. С. Аксаковым, в письме к И. И. Панаеву от 19 августа 1839 г.: «Константин Аксаков дал 10 р., а то бы лекарства не на что было взять, а еще нужны были пивки и другие подобные мерзости, требующие денег» («Письма», I, 332).

47. К. С. АКСАКОВ — С. Т. АКСАКОВУ

Аксиньино. Середина августа 1839 г.¹

...В воскресенье был у нас и ночевал И. Е. <Великопольский> с своим семейством; он дал Бел(инскому), который болен, еще 100 руб.² — Он не на шутку хлопочет о своем альманахе; писал к Н. Ф. <Павлову> с нарочным в деревню и получил очень милый ответ, в котором тот изъявляет согласие <...>

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 20, л. 127).

¹ Дата письма определяется его содержанием.

² Иван Ермолаевич Великопольский (1797—1868), печатавшийся под псевдонимом И в е л ь е в, — богатый помещик и литератор. См. отзыв Белинского о его драме «Любовь и честь» — V, 158—159.

Визит И. Е. Великопольского отмечен был Белинским в письме к И. И. Панаеву от 19 августа 1839 г.: «Я было и нос повесил, но вдруг является И. Е. Великопольский, осведомляется о здоровье и просит меня быть с ним без церемоний и сказать, нужны ли мне деньги. Я попросил 50 р., но он заставил меня взять 100. Вот так благодетельный помещик! На другой день, перед самым отъездом своим в деревню, опять навесит меня» («Письма», I, 332). Письмо Аксакова позволяет предположить, что визит Великопольского к Белинскому обусловлен был его хлопотами по изданию альманаха, который, однако, в свет не вышел.

48. В. П. БОТКИН — М. А. БАКУНИНУ

<Москва.> 14 октября 1839 г.

...Белинс(кий) теперь живет у меня, — обстоятельства его были так плохи, что из рук вон, — вражда моя пожрала саму себя ¹. Мы с ним в самых простых отношениях. Вижу его дурные стороны, но они уже не затемняют более его хороших сторон. Через неделю он едет в СПб с Панаевым. Катков здоров и прекрасен. Вообще наш маленький кружок (теперь из 3-х) ясен ² <...>

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, ед. хр. 23, лл. 49—50).

¹ Белинский восстановил дружеские отношения с Боткиным около 18 июля 1839 г. (А. К о р н и л о в. Молодые годы Михаила Бакунина, стр. 527 и 531). 19 августа 1839 г. Белинский писал Панаеву: «Я помирился с Боткиным и Катковым. Между нами все опять попрежнему, как будто ничего не было. Да, все попрежнему, кроме прежних пошлостей» («Письма», I, 332). Об этом же писал Белинский 8 октября 1839 г. Н. В. Станкевичу: «Вражда пожрала самое себя — и кончилась...» («Письма», I, 369).

² Боткин имел в виду себя самого, Белинского и М. Н. Каткова.

49. С. Т. АКСАКОВ — О. С. АКСАКОВОЙ

⟨Петербург.⟩ 12 час⟨ов⟩ ночи 31 октября ⟨1839 г.⟩¹

...Вообрази, Саша ² ходит к Бакунину и вчера встретил у него Белинского: он попрежнему очень хорош с Бакуниным, который живет у какого-то артиллерийского Раевского³ <...>

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 22, л. 21 об.).

¹ Дата письма уточняется его содержанием: С. Т. Аксаков выехал с Гоголем из Москвы в Петербург 26 октября 1839 г. Письмо написано через день после приезда.

² Александр Григорьевич К а р т а ш е в с к и й. См. о нем выше письма №№ 32 и 42.

³ Артемий Дмитриевич Р а е в с к и й — подпоручик 1-й лейб-гвардейской артиллерийской бригады, старый приятель М. А. Бакунина.

50. К. С. АКСАКОВ — С. Т. и В. С. АКСАКОВЫМ

⟨Москва. Начало ноября 1839 г.⟩¹

...Неужто вы еще не видали П а н а е в а, т. е. он вас не отыскал; я удивляюсь, что ⟨ни⟩ он, ни Белинский не дают о себе вести ² <...>

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 23, л. 11 об.).

¹ Дата письма определяется его содержанием. См. след. письмо.

² См. ниже письмо С. Т. Аксакова от 16 ноября 1839 г. (№ 55).

51. К. С. АКСАКОВ — В. С. АКСАКОВОЙ

⟨Москва. Около 9 ноября 1839 г.⟩¹

Я получил от тебя два письма, милая сестра Вера, благодарю тебя.— Ты между тем верно уже получила и от меня письмо.— Много приятного услышал я от тебя, но обстоятельства так печальны, так печальны. Есть впрочем и в твоём письме вещи, которые несколько тяжелое, неприятное впечатление на меня сделали. Между прочим то, что М⟨аша⟩ читала статьи Бел⟨инского⟩ и они ей нравятся ².— Я знаю, что ты думаешь. Сначала мне п р о с т о неприятно — потом я думаю, что как Бел⟨инский⟩ ни хорошо пишет, но все-таки тут много искаженного, много о т р ы в о ч н о — заимствованного, хотя и усвоенного, и перемешано суждениями, некоторыми напряженными его суждениями; что все не может представлять целую, полную, ясную картину; но потом мне истинно грустно то, что и ты пишешь, что М⟨аша⟩ устранена от этого развития мыслей, которое совершается у нас в Москве, в нашем доме; устранена от сокровищ, которыми так богато знание человеческое <...>

Автограф ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 3, л. 20).

¹ Дата письма определяется как его содержанием, так и ответом на него В. С. Аксаковой от 14 ноября 1839 г. См. следующее письмо.

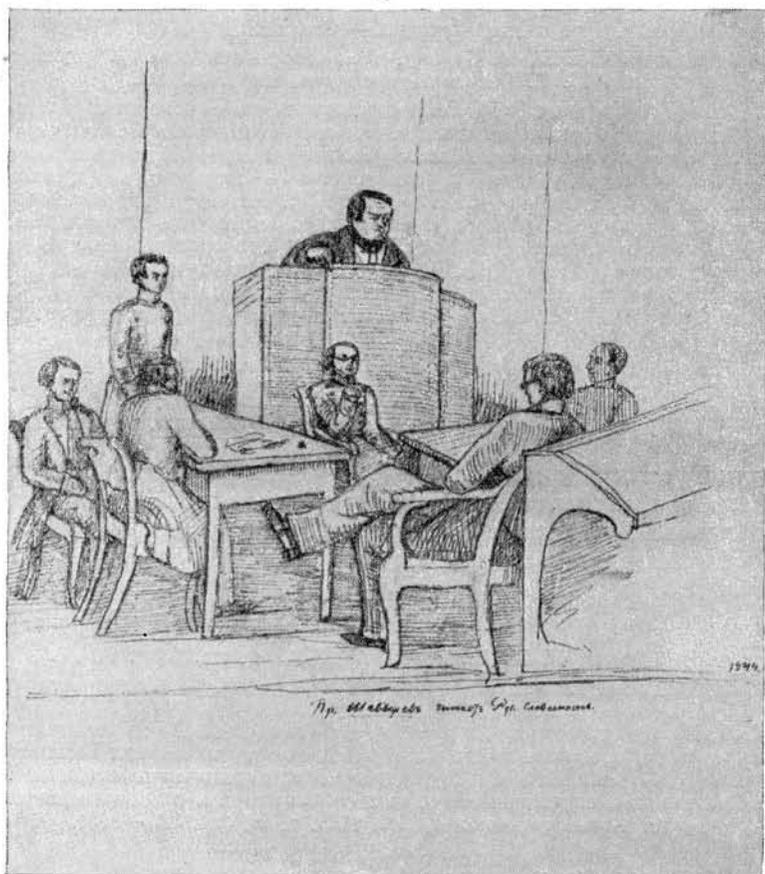
² Мария Григорьевна К а р т а ш е в с к а я — двоюродная сестра К. С. Аксакова, в которую он был влюблен. О чтении в присутствии М. Г. Карташевской одной из статей Белинского см. ниже письмо № 56. К. С. Аксаков совершенно основательно отказывался верить в прочность «примирения с действительностью», провозглашавшегося в эту пору Белинским.

52. В. С. АКСАКОВА — К. С. АКСАКОВУ

⟨Петербург.⟩ 14 нояб⟨ря⟩ ⟨1839 г.⟩¹

...Что же касается до Белинского и его статей, то это очень естественно, что мы, которые слышали и сами говорили и повторыли эти истинные мысли

[может быть] даже в более стройном порядке ², можем находить недостатки в том, как их представил Белинский, но для того, кто их слышит в первый раз почти и в ком они в то же время могут возбудить и определить свои собственные, до тех пор не сознаваемые мысли, тому, конечно, его статья должна понравиться; впрочем даже [и у него дол] и Бел<инский> отдельные мысли мог присвоить себе совершенно и представить их живо <...>

НА ЛЕКЦИИ С. П. ШЕВЫРЕВА

Рисунок студента Н. И. Тихомрова, 1844 г.
Литературный музей, Москва

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 22, лл. 119—120).

¹ Дата письма уточняется его содержанием. См. предыдущее письмо.

² «Истинные мысли» Белинского, о которых идет речь в письме, — это, очевидно, основные положения «Бородинской годовщины» — статьи, опубликованной в октябрьской книжке «Отеч. записок». Солидарность В. С. Аксаковой с ошибочными «мыслями» Белинского периода его недолгого примирения с «расейской действительностью» очень характерна.

53. А. И. ГЕРЦЕН — Н. П. ОГАРЕВУ

15 ноября 1839 г. Владимир

...Кончились тюрьмой годы ученья, кончились ссылкой годы искуса, пора наступить времени науки в высшем смысле и действовании практическом. Между прочим меня навело на эти мысли письмо Белинского

к Сатину, с которым однако я не вовсе согласен, Белинский до односторонности многосторонен <...>

Белинский во многом не прав относительно его <Сатина>, но во многом и прав¹ <...>

Не верю, чтобы воля не могла победить; ежели про тебя Белинский скажет так решительно, как про Сатина, что ты не поэт, не художник, он соврет² <...>

Автограф. ЦГАОР. Коллекция Герцена — Огарева (№ 5770/141).

¹ Письмо Белинского к Н. М. Сатину, на которое ссылается Герцен, до нас не дошло. См. далее обзор Ю. Г. Оксманна «Переписка Белинского».

² Предположение Герцена, что Белинский столь же сурово, как и произведения Сатина, осудит стихи Огарева, отчасти оправдалось. В письме к Боткину от 16 апреля 1840 г. Белинский возмущенно спрашивал: «Что это делается с Катковым? Он в восторге от „Одесского альманаха“, стихов Огарева и Сатина — недостает ему приходить в восторг от повестей Н. Ф. Павлова» («Письма», II, 109). Однако уже 16 мая 1840 г. Белинский признавался в том, что «Старый дом» Огарева ему «очень понравился», а 25 октября 1840 г., под впечатлением «Ночного сторожа» Огарева, отмечал: «В душе этого человека есть поэзия» («Письма», II, 127 и 173). Об отношении Белинского к более поздним произведениям Огарева см. в наст. публикации письмо № 141. См. также ниже письмо Огарева к Е. В. Салиас о пребывании его в 1842 г. у Белинского (№ 105).

54. Т. Н. ГРАНОВСКИЙ — В. В. ГРИГОРЬЕВУ

Москва, 15 ноября <1839 г.>¹

Белинский уехал с Панаевым в Петербург для более деятельного сотрудничества в «Отеч. записках». Я раза два порядком с ним поругался. Однако не поссорились. Я высказал ему правду, но правду довольно горькую. Что за обычай судить и рядить обо всем по-диктаторски, не зная вовсе, в чем дело. Это, впрочем, здесь в большой моде, равно и квасной патриотизм² <...>

Автограф. ГИМ. Фонд Я. М. Неверова (№ 372, ед. хр. 3, л. 92 об.).

¹ Дата письма определяется его содержанием. О В. В. Григорьеве см. прим. к письму № 11.

² В письмах к Станкевичу от 20 октября и 25 ноября 1839 г. Грановский отмечал, что, несмотря на то, что «поклонение действительности» в статьях Белинского вызывает возмущение в самых широких кругах передовой общественности, сам Белинский «видит в общем мнении ограниченность, себя считает героем и проповедником истины» («Т. Н. Грановский и его переписка», М., 1897, т. II, стр. 363—365).

55. С. Т. АКСАКОВ — О. С. АКСАКОВОЙ

<Петербург.> 16 ноября, утро 10 час<ов, 1839 г.>¹

... Говорят, Белинский обезумлен бетизмом Петербурга² <...>

11 часов

Сей час ушли от меня Панаев и Белинский: поговорили по-московски³. Чудные стихи читали мне Красова, которые здесь не пропускаются и которые дают мне, чтобы послать в Одессу⁴ <...>

Белинский нравится Машеньке⁵ гораздо больше Панаева: в последнем она не видит ничего собственного <...>

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 22, лл. 142 об.—143 об.).

¹ Дата письма уточняется пребыванием С. Т. Аксакова в Петербурге.

² Действительно, Белинский писал в это время о Петербурге В. П. Боткину: «Питер имеет необыкновенное свойство оскорбить в ч е л о в е к е все святое и заставить в нем выйти наружу все скроенное. Только в Питере человек может узнать себя — человек он, получеловек или скотина: если будет страдать в нем — человек; если Питер полюбитя ему — будет или богат или действительным статским советником»

(«Письма», II, 7). «Б е т и з м» — от фр. «bête» — скот, зверь. Ср. замечание Белинского о публике Александринского театра: «Публика — господа офицеры и чиновники — зверинец из орангутангов и мартышек — позор и оскорбление человечества и общества» («Письма», II, 7).

³ 17 ноября 1839 г. В. С. Аксакова сообщала матери: «Вчера поутру был Панаев, мать его была очень больна, и потому он не мог быть до сих пор у отесеньки, вечером

М. С. ЩЕПКИН

Акварель А. С. Добровольского, 1839 г.

Исторический музей, Москва

он пришел с Белинским, которого созвали вниз (к Карташевским), и отесенька читал вслух» (ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова, № 884, ед. хр. 22, л. 147).

⁴ Стихи В. И. Красова, о которых идет речь, нам неизвестны. Их нет и в «Одесском альманахе на 1840 год», в издании которого ближайшее участие принимал Н. И. Надеждин, приятель С. Т. Аксакова.

⁵ Мария Григорьевна Карташевская — племянница С. Т. Аксакова, о которой см. письма №№ 51 и 56.

56. В. С. АКСАКОВА — К. С. АКСАКОВУ

⟨Петербург.⟩ Суббота ⟨18 ноября 1839 г.⟩¹

...Я не знаю, приятно ли тебе будет то, что Белинский был у нас внизу и видел М⟨ашу⟩, но этого избежать нельзя было, мы даже должны были,

если б и не хотели, просидеть с ними довольно долго. Отесенька читал вслух стихи Павловой [русские] ее собствен^(ные), в которых особенно некоторые стихи очень понравились М^(аше) и стихи «Молитва» Лермонтова прекрасные². Отесенька также читал разбор повестей Павлова, писанный должно быть Краевским, это такая путаница разных истинных мыслей, которых он нахватался из других статей, и такое злоупотребление их, что, конечно, скорее можно подумывать, что это насмешка, а не похвала; именно чего вы не находите в Н. Ф. <Павлове>, то тут и превозносят³. Потом читали отчасти критику Белинского на роман «Тоска по от^(чизне)» Загоскина, где он старается скрасить по возможности свою брань.

Панаев не нравиться М^(аше), она с первого раза поняла его, и эта малерность, эта несамостоятельность в мыслях, это ненатуральное одушевление, маленькая ручка в прекрасной перчатке сделали на нее неприятное впечатление, она удивлялась, что он может вам нравиться, впрочем, она заметила очень верно, что то, что в Панаеве есть женского (и что в мужчине не может нравиться женщине) может понравиться мужчине, именно как что-то женственное. Белинского неблагородная наружность тоже не могла сделать на нее приятного впечатления, но она нашла его выше Панаева, разумеется, умом⁴ <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV, 196-а).

¹ Дата письма определяется его содержанием — впечатлениями В. С. Аксаковой от посещения Белинского и Панаева, состоявшегося 16 ноября 1839 г. (см. предыдущее письмо). В это же время вышла и 11-я книжка «Отч. записок», содержание которой читалось и обсуждалось во время этого визита. Суббота приходилась во второй половине ноября 1839 г. на 18 и 25 числа.

² Стихотворения «Молитва» Лермонтова и «Шопот грустный, говор тайный» К. К. Павловой помещены были в 11-й книжке «Отч. записок» 1839 г.

³ Рецензия на «Новые повести» Н. Ф. Павлова в «Отч. записках», 1839, XI, принадлежала А. А. Краевскому. Отмечая в повестях Павлова «глубокое знание души человеческой, увлекающий, живой и быстрый ход действия, образы, которые врезаются в ваше воображение, обилие новых оригинальных идей» и т. п., Краевский возбудил всеобщие насмешки в литературных кругах. Белинский писал об этом критическом опусе Краевского:

«Не то дурно, что он наврал о... повестях Павлова, а то дурно, что он взялся писать о том, о чем не следовало бы ему писать. Это человек дела, а не мысли» («Письма», II, 91).

⁴ Предубежденность В. С. Аксаковой против Белинского сказалась даже в определении его наружности как якобы «неблагородной». По свидетельству А. В. Щепкиной, «Белинский был невысок ростом, немного выше среднего, худощав и бледен; черты лица его казались резкими от худощавости. У него был открытый, выцуклый лоб, прямой нос, тонкие губы и умные серые глаза, небольшие, но с пылким взглядом. Хотя никто не назвал бы его красивым, но лицо его было значительно и интересно выражением ума и внутренней силы» («Воспоминания А. В. Щепкиной», 1915, стр. 128).

57. С. Т. АКСАКОВ — К. С. АКСАКОВУ

<Петербург.> 24 ноября, 11 часов утра <1839 г.>¹

...Ну, мой дражайший Константин, видел я, хотя в малом числе, литературный зверинец у любезнейшего из смертных, которого и в шутку грешно называть, как ты назвал, Хлестаковым². У него были: Краевский, Каменский, Гребенка, Владиславлев (альманах его — пустыки), Плетнев, <М. А.> Языков и Белинский. Подробности до свидания <...>

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 22, лл. 194 об. — 195).

¹ Дата письма определяется его содержанием.

² Литературный вечер у Панаева, которого К. С. Аксаков, вероятно в письме к отцу, характеризовал как Хлестакова, был устроен специально для московского гостя.

58. В. С. АКСАКОВА — К. С. АКСАКОВУ

〈Петербург. 26 ноября 1839 г.〉¹

...Вчера Панаев² и Белинский [были] заходили, не застали отесеньки дома, принесли по письму к тебе и жалеют, что мы не сейчас можем их тебе доставить 〈...〉³

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 22, л. 212).

¹ Дата письма определяется его содержанием.

² В тексте письма, вероятно, описка: «Панаева».

³ Письмо Белинского к К. С. Аксакову от 25 ноября 1839 г., о котором идет речь, не сохранилось, но о содержании его, вызвавшем глубокое возмущение адресата, мы можем судить по письму Белинского к К. С. Аксакову от 10 января 1840 г. («Письма», II, 22) и по ответу последнего Белинскому от 11 января 1840 г. («Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. IV, М., 1939, стр. 205).

59. С. Т. АКСАКОВ — О. С. АКСАКОВОЙ

〈Петербург.〉 2 декабря. Утро 11.

Суббота 〈1839 г.〉¹

...Панаев (И. И.) болеет, а я обвинял его, что он забыл меня. Вчера заходил ко мне Белинский, но не застал дома. Очень хочется с ним отвести душу² и поговорить языком, понятным для нас! Я не могу выучиться здешнему пошлomu разговору, особливо относительно искусства 〈...〉

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 22, л. 254 об.).

¹ Дата уточняется содержанием письма.

² Признание С. Т. Аксакова подкрепляется письмом Белинского к К. С. Аксакову от 10 января 1840 г.: «Верь, Константин, что я уважаю твоего отца искренно, хотя он, как мне кажется, и предрешен против меня. Что нужды! Я рад, что мои предрешения против него кончились. Наши лета и понятия разны и розныт нас, но я тем не менее уважаю его за верное чувство поэзии и за добрый и благородный характер» («Письма», II, 25).

60. И. И. ПАНАЕВ — К. С. АКСАКОВУ

С.-Петербург 8 декаб(ря) 1839

...Титир Иванович (дядинька)¹ говорит такие прелести, что и пересказать невозможно. Между прочим, изъявляет свое удивление, как Сергей Тимофеевич не обратит внимание на то, что Вы губите себя, занимаясь немецкой философией, а то, что Вы занимаетесь таким непотребством, он заметил из статьи Вашей о грамматике Белинского, которую он прочел!²

Белинский здесь в сильном ходу. Краевский от него в восторге. Кн. Одоев(ский) за ним ухаживает... Я вожу его всем показывать — и беру со всех за это п о л т и н н и к у, чем и хочу составить себе состояние. В 12 кн(ижке) его статья о Ф. Н. Глинке — прелесть! Уведомьте, какое она произведет впечатление на Вас. Да пишите нам чаще, подуйте на нас Москвой, а то мы совсем здесь сделаемся действительными статскими советниками.

Гоголя, хоть и редко, но я видел. Один раз мы втроем (я, Белинский и он) обедали у князя (В. Ф. Одоевского). Князь совсем из ума выживает и пишет такую гадость, что читать тошно (зри Альм(анах) В(ладиславлева) на 1840 г. и «О(теч.) з(аписки)» 10 №) 〈...〉 Ради бога, чуть было не забыл, пришлите мне «О ноздренном дыхании господа нашего И(исуса)

Х<риста>». ³ Белинский сказал, что эта книга у Вас, и князь Од<оевский> теперь с ума сходит и умоляет меня просить Вас о присылке ему этой книги⁴ <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/1, 25). Напечатано с грубыми искажениями в «Трудах Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 4, М. 1939, стр. 210—211.

¹ «Т и т и р о м И в а н о в и ч е м» И. И. Панаев иронически называет здесь своего дядю — Владимира Ивановича Панаева (1792—1859) — крупного чиновника, автора буналических стихотворений. О Белинском, как сообщает А. Я. Панаева, В. И. Панаев «не мог иначе говорить, как с пеной у рта <...> Авторское самолюбие В. И. Панаева было страшно оскорблено: как осмелился какой-то недоучившийся разночинец смеяться над его литературными заслугами» (А. Я. Панаева. Воспоминания, М. 1948, стр. 173).

² См. прим. к письмам №№ 17, 21 и 22.

³ Имеется в виду сборник «Добротолюбие или словеса и главизны священного трезвения от писаний святых и богодухновенных отец», 20-я глава которого называется «О естественном через вдыхание ноздренное художестве и с ним господа нашего Иисуса Христа призывании» (см. «Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», сб. IV, стр. 218). См. также письмо Белинского К. С. Аксакову от 10 января 1840 г. («Письма» II, 25), в котором критик сообщает, что В. Ф. Одоевский уже приобрел эту книгу.

⁴ В этом же письме Панаев посылает привет Н. Ф. Павлову, А. Н. Верстовскому, М. Н. Загоскину и др. К имени последнего он сделал следующее ироническое примечание: «Досадно мне, что в „О<теч. з<аписках>“ напечатано об его романе <„Тоска по родине“> с такою усмешкою. Уж я кричал и с редактором и с сочинителем статьи, — да с этими упрямыми и тупыми башками нечего делать». К этому месту Белинским приписано: «Я говорю тебе, что Панаев глуп, как сивой мерин». Печатаю это письмо в сб. «Труды Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина», публикатор надпись Белинского: «Панаев глуп, как сивой мерин» приписал с а м о м у П а н а е в у, в результате чего получилась полная бессмыслица. Прибегнув к ватажке и объясняя в примечании, что эта реплика относится... к В. И. Панаеву, тот же публикатор впал в еще большую ошибку: приписал В. И. Панаеву анонимную рецензию на «Тоску по родине» из ноябрьской книжки «Отеч. записок» 1839 г., в то время как она принадлежит не кому иному как Белинскому и включена в его собрание сочинений (V, 1—41. См. в наст. публикации письмо № 56).

В самом начале публикуемого письма, в котором резко осуждаются «Три повести» Н. Ф. Павлова, надпись рукой Белинского: «Не вслух».

61. В. С. АКСАКОВА — К. С. АКСАКОВУ

«Петербург. Начало декабря 1839 г.»¹

... Панаев был у нас, они хотели сделать обед для Гоголя у одного итальянца, чтобы подчивать его макаронами, но это не состоялось. Как-то Белинского представляли княгине Адоевской — ты можешь себе вообразить его на раутах у Адоев<ских> ² <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/IV, 196-а).

¹ Дата письма определяется его содержанием.

² Встречи с Гоголем в Петербурге отмечены в письме Белинского к В. П. Боткину от 22 ноября 1839 г.: «Гоголя видел два раза, во второй обедал с ним у Одоевского. Хандрит, да есть от чего, и все с иронической улыбкою спрашивает меня, как мне понравился Петербург» («Письма», II, 9). Во время этого «обеда» Белинский и был представлен кн. О. С. Одоевской, о чем с такой иронией сообщила В. С. Аксакова. В том же письме Белинский замечал: «Князь Одоевский принял и обласкал меня, как нельзя лучше. Он очень добрый и простой человек, но повтыгерься светом и жизнью...» («Письма», II, 7). Однако в письме к К. С. Аксакову от 10 января 1840 г. Белинский признался, что в ту субботу, когда он не увидел Гоголя у Одоевского (Гоголь уехал в Москву 17 декабря), ему сделалось «душно среди этих лиц и пустынно среди множества» («Письма», II, 25). По поводу своих встреч на «субботах» кн. Одоевского «с посланниками» Белинский сам иронизировал в письме своем к В. П. Боткину от 16 декабря 1839 г., а Герцен в «Былом и думах» свидетельствовал, что «Белинский был совершенно потерян на этих вечерах между каким-нибудь саксонским посланником, не понимавшим ни слова по-русски, и каким-нибудь чиновником III Отделения, понимавшим даже те слова, которые умалчивались» (А. И. Герцен. «Былое и думы», М. 1937, т. II, стр. 213).

62. П. Н. КУДРЯВЦЕВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

〈Москва.〉 17 декабря 1839 г.

...Я рад, что мне удалось моими библиографическими работами хотя отчасти оправдать вашу доверенность: впрочем вы уж слишком снисходительны ко мне. Признаюсь — я никак не считал себя способным к занятиям такого рода: во всем виноват Виссарион Григорьевич — так пусть он и отвечает за меня. Я же с своей стороны готов служить вам, чем могу.

КРАЕВСКИЙ И ТЕНЬ БЕЛИНСКОГО

Карикатура

Под рисунком подпись:

«Стремление журналиста

*Тень труженика-критика: Ты строишь дом?**Журналист: Благодаря тебе и литераторам, на каменном фундаменте.**Тень: Так помни это».*

А. М. Хлещенко (Хохол-карикатурист). «Очерки замечательных литературных деятелей по секрету для публики с натуры» СПб. 1860 г.

На вопрос ваш — согласен ли я на напечатание в «Записках» статьи, сообщенной вам Белинским, — я, к сожалению, не могу отвечать утвердительно; статья тогда же отдана была мною в полное распоряжение Виссариону Григорьевичу, и если он дает вам свое согласие, то и я не могу противоречить. В название также не вступаю: будет ли статья названа «Не вытанцовывается», или «Блудящие огни», или как иначе, для меня все равно ¹. С моей стороны только одно условие: я прошу вас не печатать под статьюю моей фамилии; взамен ее могут остаться литеры А. Н., которые, как, может быть, вам известно, я и прежде употреблял под моими статьями.

Автограф. ГПБ. Фонд Краевского («Письма»: «Д — К», л. 713—714).

Петр Николаевич Кудрявцев (1816—1858) — член кружка Белинского, сотрудник «Московского наблюдателя» и «Отеч. записок», ученик Грановского, впоследствии профессор всеобщей истории в Московском университете. Белинский высоко ценил Кудрявцева как беллетриста и критика и, уезжая осенью 1839 г. в Петербург, рекомендовал его Краевскому в качестве рецензента московских литературных новинок в «Отеч. записках» и «Лит. прибавл.». Однако Кудрявцев очень скоро стал тяготиться обязанностями рецензента: «Право не знаю, насколько станет у меня терпения, — писал он 7 января 1840 г. Белинскому. — Нет, по совести, плохого нашли вы сотрудника Краевскому, и я, право, не знаю, с чего он взял писать ко мне такие комплименты, что я сгорел бы от стыда, если б мне пришлось читать это письмо при ком-нибудь другом. Чувствую, очень чувствую, что я вовсе не способен к этому делу и оправдываю себя только тем, что вы виноваты во всем — именно вы, потому что без вас никому бы и не пришло в голову употребить меня на такие вещи: так вы и отвечайте за меня Краевскому» («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 37).

¹ Повесть Кудрявцева, названная им в рукописи «Блудящие огни», подарена была Белинскому для задуманного им летом 1839 г. альманаха. Опубликована она была в «Отеч. записках» в 1840 г. под названием «Недоумение».

63. В. П. БОТКИН — М. А. БАКУНИНУ

Харьков, 16 января <18>40

...Белинский крепко ошибается, смотря на Беттину только с литературной точки; в некотором отношении эта книга есть книга жизни¹ <...>

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 9, ед. хр. 23, л. 71 об.).

¹ «Беттина» — Елизавета фон-Арним (1785—1859), немецкая писательница, книга которой «Переписка Гете с ребенком» (1835) приобрела мировую известность. В числе русских почитателей Беттины были Бакунин и Боткин (см. в настоящем томе, стр. 82—84). Оживлению интереса к Беттине очень содействовала книга Г. Маркграфа «Новейшая литература и культура в Германии», в которой дана была остроумная характеристика Беттины как типичной представительницы отживающего романтизма. Белинский весьма положительно оценил эту статью Маркграфа, реферированную Я. М. Неверовым во 2-й книжке «Отеч. записок» 1840 г. («Письма», II, 51).

64. И. И. ВВЕДЕНСКИЙ — М. П. ПОГОДИНУ

Петербург, 2 марта 1840 г.

...Все добрые люди, к кому я ни относился с своею персоною, только лишь дивились моей безрассудности и легкомыслию, насколько не облегчив моей участи. Нашелся только один, весьма бедный и недавно бывший в моем положении поставленный человек, который принял во мне живейшее, какое только мог, участие¹. Ему-то обязан я тем, что могу дней пять не умереть с голоду, и тем, что имею возможность писать к Вам <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Погодина (Пог. II/6/48).

Напечатано с искажениями в книге Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. V, 1892, стр. 29.

Иринах Иванович Введенский (1813—1855) — педагог, журналист и переводчик, глава литературно-политического кружка, близкого петрашевцам. Перейдя в начале 1840 г. из Московского университета в Петербургский, Введенский оказался в столице без всяких средств и обратился к Белинскому, оказавшему ему материальную поддержку (см. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 40).

¹ «Весьма бедный и недавно бывший в моем положении поставленный человек», о котором упоминает Введенский, — это, как нами устанавливается, Белинский. Зная резко отрицательное отношение Погодина к критику, Введенский намеренно не сообщил своему корреспонденту имени того, кто пришел ему на помощь в Петербурге.

Знакомство Белинского с Введенским оборвалось, вероятно, вследствие участия последнего в «Библиотеке для чтения» — органе, с которым Белинский вел борьбу на страницах «Отеч. записок» и «Лит. газеты». Возобновились их отношения не раньше осени 1847 г., в связи с участием Введенского в «Современнике» (переводы Диккенса, высоко оцененные Белинским).

65. А. А. КРАЕВСКИЙ — М. Н. КАТКОВУ

СПБ. 12 апр⟨еля⟩ 1840

...Стихов мне нужно — ваших, Красова, Ключникова и пр. и пр.; шлите больше и предоставляйте выбирать или себе, или мне. А Красову скажите, что стихотворения его получил я от Белинского, и, мне кажется, он напрасно так пренебрегает некоторыми из них: они всем нравятся¹. Получает ли он «Отеч. записки»? Если нет, я приготовлю ему экземпляр, только куда адресовать — не знаю. Попросите его не сердиться на меня за то, что я без его позволения печатал его пьески; право, я считал их одним из лучших украшений моего журнала. А вы также не сердитесь на меня за то, что я похозяйничал в вашей статье об «Одес⟨ском⟩ альманахе», напечатанной в «Литерат⟨урной⟩ газете». Видите: у меня была напечатана уже статья об Альманахе в «Отеч. записках»; ваша пришла уже тогда, как книжка вышла, или готова уже была в типографии. Статью надо было напечатать в «Литер⟨атурной⟩ газете», а для сего нужно было, чтоб она не пошла врознь со статьею «Отеч. зап⟨исок⟩», выходящих из-под одной редакции с «Литературной газетой»². Да притом же мне показалось, что вы немножко увлеклись доброжелательством в этой книжке. Чего щадить их? Душа моя не терпит этих нищих альманачников, которые ходят по дорогам, поют Лазаря и собирают статьи, а после печатают их — чорт знает для чего: книга не книга, журнал не журнал, а так что-то — пуф! Одну «Утреннюю зарю» должно хвалить, потому что, если не похвалишь, то после придется разделяться чуть-чуть не спиною³ <...>

Автограф. ЛБ. Фонд М. Н. Каткова (Кат. 40/5). Конец письма утрачен.

¹ В. И. Красов в письме к Белинскому от конца марта 1840 г. просил не публиковать его старые стихи, а о новых, отправленных им в начале года Белинскому, но не дошедших до адресата, замечал: «Ты потерял мои стишонки — очень рад; почти что благодарю тебя за это; у меня самого не поднялась бы рука на свои собственные детища. И лучше, право, если бы и вовсе их не было — они были выражением жизни слишком ненормальной, идеально-плаксивой» и т. д. («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 113).

² Рецензия Каткова на «Одесский альманах» была опубликована в № 23 «Лит. газеты» от 20 марта 1840 г. и значительно переделана редакцией с целью сблизить ее с рецензией Белинского на этот же альманах, помещенной почти одновременно — в мартовской книжке «Отеч. записок» 1840 г. Вероятно, Катков заподозрел, что рецензия изменена была самим Белинским. См. письмо Белинского к Боткину от 15 апреля 1840 г. о «горьких жалобах» Каткова на «чью-то руку, искажившую его экстагическую статейку» («Письма», II, 114). См. также в настоящем томе сообщение «О рецензии на „Одесский альманах“», стр. 69—72.

³ Альманах «Утренняя заря» издавался В. А. Владиславлевым, штаб-офицером корпуса жандармов.

66. И. С. АКСАКОВ — С. Т. и О. С. АКСАКОВЫМ

⟨Петербург.⟩ Воскресенье 28 апр⟨еля⟩ 1840

...Нынче, милые родители, получив ваши письма, я отправился к ⟨И. И.⟩ Панаеву — проведать о Кирше Данилове и, к счастью, наконец, получил его. Там застал я Белинского. Мы долго с ним разговаривали: он бранит себя, и с в о е поколение, сравнивая с следующим и нашим. Говорит, что признаки [этого] их поколения — непривычка к труду, малое знание, неполное образование, недоконченное [воспитание]; что сознание этого тяготит его, особенно когда он видит кого-нибудь из м о л о ж а й ш е г о поколения (если так можно сказать), бодрого, трудящегося, не столь безнравственного, как было их поколение в былые годы. Кажется, это сознание очень тяготит его, и он очень недоволен собою; но он очень рад, что в Петербурге, именно у нас в училище, это молодое поколение проявляется в своем настоящем виде, и пр.¹ <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III,15-в).

¹ Горькие сентенции Белинского о трагической судьбе первого поколения последекабристской интеллигенции очень характерны для его переписки 1840—41 гг. 24 апреля 1840 г. Белинский писал П. Н. Кудрявцеву: «Я принадлежу к несчастному поколению, на котором отяжелело проклятие времени, дурного времени! Жалки все переходные поколения — они отдуваются не за себя, а за общество...» («Письма», II, 121).

Именно таково содержание скорбной и негодующей «Думы» Лермонтова, в которой поэт заклеил свое «бесстыдно-малодушное» и «состарившееся в бездействии» поколение. Склонность к абстрактному «рефлектированию», аполитизм, апатическое примирение с существующим порядком вещей, столь типичное для идеалистического кружка, с которым незадолго до того порвал Белинский, были ему теперь глубоко ненавистны. «Реалистическое, т. е. положительно научное», по словам Герцена, направление петербургской учащейся молодежи возбуждало у Белинского живые надежды на лучшее будущее для молодого поколения.

67. К. С. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

«Москва. Около 10 августа 1840 г.»¹

Станкевич умер². Ты можешь представить себе, как это меня поразило <...> Если Виссарион не знает об этом, ты скажи ему, милый Иван. Скажи ему, что Ефремов с Станкевичем спали в одной комнате — поутру Ефремов встал будить его ехать, а он уже умер. Ефремов в волнении ужасном: письмо его от 14 июля нашего стиля. Он отправляет Станкевича в Россию <...> Я воображаю, что будет смерть для Виссариона, для Виссариона особенно, и для Ключникова и Грановского <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 127-д).

¹ Дата письма определяется временем получения Белинским извещения А. П. Ефремова о смерти Станкевича («Письма», II, 141).

² Н. В. Станкевич умер в Нови (Италия) в ночь с 24 на 25 июня 1840 г. А. П. Ефремов сообщил об этом Белинскому из Берлина в подробном письме от 21 июля 1840 г. («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 48—51). Сведения об обстоятельствах смерти Н. В. Станкевича К. С. Аксаков заимствовал из не дошедшего до нас письма А. П. Ефремова в Москву об этом же событии.

68. А. А. КРАЕВСКИЙ — С. П. ШЕВЫРЕВУ

2 сент<ября> 1840. С. Петербург

...Слухи о моем отречении от журналистики распуцены в Москве, вероятно, Смирдиным, недавно бывшим там и распускающим здесь точно такие же вести, хотя и безуспешно¹. Нет, теперь-то именно я и не брошу журнала! «Отеч. записки», сколько слышно, расшевелили читающий люд, и уже образовалась сторона, воюющая за них против брамбеистов, гречистов и полевицких: теперь-то и действовать. Что «Отеч. записки» нравятся — это я вижу из того, что в нынешнем году подписка увеличилась 700 лицами, несмотря на голод и всеобщую нужду в деньгах; след<овательно> есть люди, которые хотят читать их и которые дадут деньги на то, чтоб издавать их <...>

Автограф. ГПБ; Фонд С. П. Шевырева.

¹ Слухи о предстоящем крахе «Отеч. записок» не прекращались в течение всего 1840 г. Эти слухи были особенно близки к истине весной 1840 г., когда Белинский писал Боткину: «Прошлого года „Отечественные записки“ имели о к о л о 1200 подписчиков, нынешний — 1375; за прошлый год на них долгу слишком 50 000, за нынешний будет около 40 000, итак к декабрю будет на них 90 тысяч долгу, да в придачу плохая надежда на 2250 подписчиков. Между тем, сделано все, что можно, даже больше, что можно было сделать: почти без денег основан был журнал, Краевский трудился и трудится до кровавого поту, аранжировано у него все необыкновенно хорошо, наконец, порядочные люди пристали к нему, дали ему направление, характер и единство (которые есть только в одной похабной «Библиотеке для чтения»), мысль, жизнь, одушевление (которых нет ни в одном журнале); повестей и стихов таких тоже нигде нет, отделения разнообразны — чего бы еще? А между тем хоть тресни!» Ср. его же письмо от 16 апреля 1840 г. («Письма», II, 90 и 102—103). Очень характерно замечание В. А. Солоницына, помощника редактора «Библиотеки для чтения», в письме к Е. Ф. Коршу от 20 мая 1841 г.:

«Город беспрестанно твердит, что „Отеч. записки“ прекратятся от денежной несостоятельности, но журнал выходит себе очень исправно, на зло крикунам» («Лит. наследство», т. 45—46, 1948, стр. 373—374 и 386). О тяжелом положении «Отеч. записок» в начале 1841 г. см. далее в письмах №№ 81 и 85.

69. С. Т. АКСАКОВ — О. С. АКСАКОВОЙ

⟨Петербург.⟩ 14 сентября, суббота ⟨1840 г.⟩¹

...У меня вчера был Белинский. Говорит, что слишком тяжело жить. Клянется Косте и желает, чтоб он прожил полгода в Петербурге!. В этом есть правда².

ЦИАЛ. Фонд Аксаковых (№ 884, ед. хр. 27, л. 201 об.).

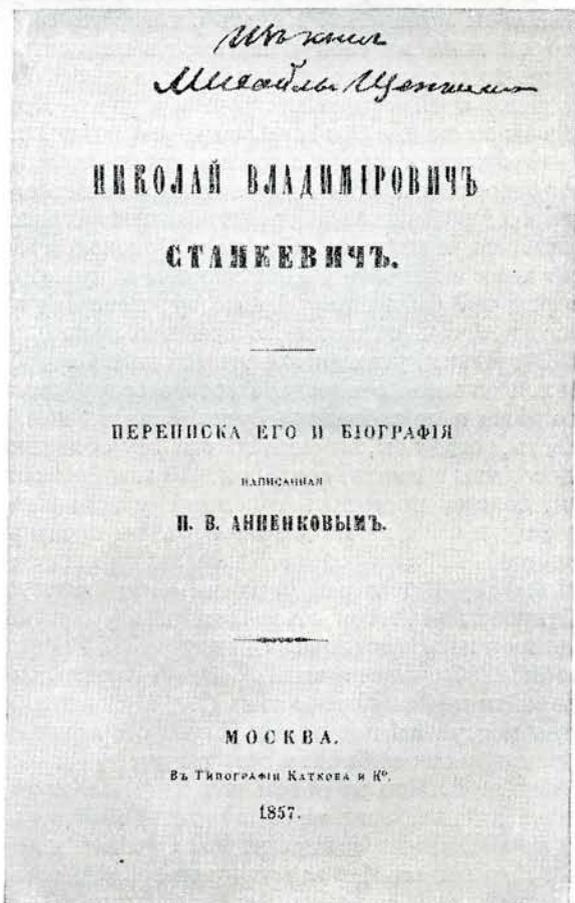
¹ Дата уточняется содержанием опускаемой части письма: сообщением о предстоящей женитьбе В. А. Жуковского, состоявшейся в апреле 1841 г.

² Незадолго до того, 23 августа 1840 г., Белинский писал К. С. Аксакову: «У нас нет ни политической, ни религиозной, ни ученой, ни литературной жизни. Скука, апатия, томление в бесплодных порывах — вот наша жизнь <...> Гадко, гнусно, ужасно! Нет больше сил, нет терпенья» («Письма», II, 154).

70. А. Д. ГАЛАХОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

1840. Сентябрь 22. Москва

...Сей час только получил письмо ваше, которое тут же, в один глоток, прочел. Я всегда пожираю с жадностью каждую вашу строку, каждую

ЭКЗЕМПЛЯР КНИГИ
П. В. АННЕНКОВА «НИКОЛАЙ
ВЛАДИМИРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ»
ИЗ БИБЛИОТЕКИ М. С. ЩЕПКИ-
НА СЪ АВТОГРАФИЧЕСКОЙ
НАДПИСЬЮ АКТЕРА

Библиотека Саратовского универси-
тета им. Н. Г. Чернышевского

новость о литературе Петербурга вообще и об «Отечественных записках» с «Литературной газетой» в особенности <...>

Так как вы откровенно объяснили отношения ваши к Межевичу¹, то позвольте и мне заплатить вам тою же откровенностью. Давно собирался я поговорить с вами об этом, но удерживала меня боязнь показаться в глазах ваших или завистливым, или несправедливым, или тем и другим вместе. Теперь вижу, что время оправдывает меня, и беру смело перо в руки. В. С. Межевич, несмотря на многие из его достоинств, заставляющие быть с ним знакомым, если не дружным нараспашку, принадлежит к числу тех людей, которых обыкновенно называют людьми с с е б е н а у м е². Другими словами: он будет с вами состоять в приязни, но при первой невзгоде, угрожающей его карману, оставит вас, не с тем, разумеется, чтоб повредить вам (нет, до такого предела он не дойдет), но с тем, чтоб не повредить своим выгодам вещественным — оставит без сожаления, прикрыв свой переход на другую сторону благовидным предлогом. У меня лежали на душе два или три обстоятельства, которые скрывал я от вас и которые теперь время открыт (да будет это, ради бога, между нами!).

1) Вы знаете, каким образом вступил Межевич в сотрудничество «Литературных прибавлений» и — бог видит, я обрадовался его сотовариществу искренно, без малейшей тени зависти или состязания. Статьи его о театре пленили вас: они действительно очень хороши. Вы пригласили его в Петербург для переговоров. По возвращении его из Петербурга, поведение его со мною так было двусмысленно, так противно правилу товарищества, что я некоторое время считал себя как бы устраненным от дел по «Отечественным запискам». Начать с того, что он, увидевшись со мной, говорит, что он взял на себя обязанность написать для «Отечественных записок» такие-то и такие-то статьи (в том числе о словаре Рейфа, о Грамматике вообще, о Риторике и проч. и проч.). Истинный товарищ поступил бы иначе; он сказал бы: Алексей Дмитриевич! я хочу писать о том-то и том-то; не столкнемся ли мы с вами в выборе предметов? тем более, что мы, некоторым образом, занимаемся одним и тем же. — Далее: на вызов П. И. Артемова³ работать в «Отечественных записках» он отвечает при моих глазах: извольте, я напишу об этом к Краевскому. Опять он должен бы сказать: вот мы с Алексеем Дмитриевичем напишем к Краевскому. И кому же говорит он? Сплетнику Артемову, который при нем неоднократно ругал и вас, и «Отеч. записки», и все, что принадлежит к ним.

В-третьих, уезжая окончательно в Петербург, он не только не посоветовался со мной о передаче своего сотрудничества по театральной критике, но даже и не заблагорассудил сказать мне, кому он передал свою обязанность, тогда как, вы сами знаете, эту обязанность препоручили вы ему с общего, так сказать, согласия. Не так бы поступил я; не так бы, мне кажется, должен поступить и всякий, у кого в голове и сердце, к р о м е д е н е г, д е н е г и д е н е г, есть кое-какие думы и желания повыше, почище, поблагодороднее. Сначала, признаюсь вам, такая поведенция товарища смутила и раздражила меня; но потом, прочтя систему философии Спинозы, перестал сердиться, ибо уверился, что человек не может и не должен идти против своей природы <...> В припадке моей горячности и видя себя как бы уклоняемым от «Отечественных записок», я возымел было мысль перейти к «Сыну отечества» <...> К счастью, у меня не было сильного желания поступить под знамя «Сына отечества», а у «Сына отечества» не было возможности набирать сотрудников — и все компанство кончилось одной статейкой. Что ж потом вышло? Вас<илий> Степ<анович>, столько вами обласканный, взял на свои руки «Галатею» и вовсе не радел о библиотекации «Отечественных записок». Вы знаете число и качество статей, посланных им в то время. Что ж вышло еще позднее? Вас<илий> Степ<анович>, выписанный вами, переходит к Булгарину и Гречу... От чего? От того, что там

более денег и вернее может быть получение. Конечно, эгоизм извинит его, но едва ли он оправдается в глазах истинного чувства. Воля ваша, это не хорошо. И я вижу так же ясно, как вы, что вам, с вашим образом мыслей, не должно было с ним сходитья. Вы не понимаете, как можно работать для «Северной пчелы» и не разделять с ней мнений... Я этого также не понимаю: нельзя работать богу и мамоне. Здесь одно средство спасения: можно не иметь никакого образа мыслей, и это так же постыдно, как обниматься с Булгариным. Примирить «Отечественные записки» с «Северной пчелой»—

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

Портрет маслом А. В. Тыранова, 1837 г.

Третьяковская галерея, Москва

это просто химера, и кто имеет хоть малейшее понятие об этих двух изданиях и об их издателях, тот ясно увидит, что эти слова: помирить «Отечественные записки» с «Северной пчелой» — составляют дырявую покрывку двусмысленного поведения, извинение своего уклонения — не более <...> Я остаюсь при следующем мнении: с Вас<илием> Степ<ановичем> надобно знакомиться, но не дружитья, давать руку, но не жать ее, кланяться, но не обниматься. Вот вам моя чистосердечная исповедь. Ради бога, пусть останется это навсегда между нами, и письмо мое сожгите тотчас по прочтении <...>

Каткову, Белинскому и Панаеву мои низжайшие поклоны и дружеское рукопожатие.

Автограф. ГПБ. Фонд Краевского («Письма»: «Г», лл. 21—28).

Алексей Дмитриевич Г а л а х о в (1807—1892) — журналист, историк литературы, педагог и беллетрист, товарищ Белинского по работе в изданиях Краевского, в которых в течение многих лет рецензировал книги, выходившие в Москве; автор воспоминаний о Белинском («Исторический вестник», 1892, I, стр. 128—144). Краткий обзор писем А. Д. Галахова к А. А. Краевскому опубликован М. К. Клеманом в сб. «Венок Белинскому», М., 1924, стр. 141—151. Об отношении Галахова и Краевского после основания «Современника» см. далее — письмо № 133.

¹ Василий Степанович М е ж е в и ч (1814—1849) — журналист, товарищ Белинского по Московскому университету и по работе в «Телескопе» и «Молве», впоследствии ближайший сотрудник «Галатеи» (1839), «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» (1839) и «Отеч. записок», редактор «Лит. газеты» (1840), «Ведомостей С.-Петербургской городской полиции» (1839—1849), «Репертуара и пантеона» (1843—1846), литературный и театральный критик «Северной пчелы» (1840—1848). Яркая памфлетная характеристика Межевича дана была в очерках Панаева «Литературная глия» («Отеч. записки», 1843, II) и «Петербургский фельетонист» («Физиология Петербурга», ч. II, 1845, стр. 235—276). Ср. данные о нем же в «Воспоминаниях И. И. Панаева», М.—Л., 1928, стр. 225, в «Воспоминаниях А. Я. Панаевой-Головачевой», М., 1948, стр. 114—119, а также в библиографической сводке А. С. Полякова в комментариях к изданию «В. Г. Белинский. Пятидесятилетний дядюшка. Неизданный текст», П., 1923, стр. 156—157.

² Письмо Краевского к Галахову о В. С. Межевиче, ответом на которое является публикуемое выше письмо, неизвестно. Белинский в письме к Н. Х. Кетчеру от 16 августа 1840 г. восклицал по поводу Межевича, отдохавшего в Москве: «Экая апатическая, чуждая всякого интереса натура! <...> Изленился, стал баринотом. „Полицейскую газету“ и „Литературную газету“ у него издает наборщик Анемподист, который в образованности, уме и талантах не уступит не только Межевичу, но и самому коту Мурру, но который все-таки — наборщик...» («Письма», II, 150). Однако уже 31 октября 1840 г., в письме к В. П. Боткину, Белинский выдвигает против Межевича, перешедшего в «Северную пчелу», более серьезные обвинения: «Скажи Кетчеру, что способности сего кроткого юноши быстро развились. Греч говорит, что никто так хорошо не понимал его и не действовал в его духе, как Межевич; а Булгарин говорит: не умру, но жив буду в Межевиче. В самом деле, он подозревается в таких поступках, которым позавидовали бы и Греч с Булгариным» («Письма», II, 177).

³ Петр Иванович А р т е м о в — московский литератор, редактор «Листка», в котором дебютировал Белинский в 1831 г. См. о нем в сообщении «Белинский и „Листок“» — «Лит. наследство», т. 57, стр. 236—238.

71. С. Т. АКСАКОВ — О. С. и К. С. АКСАКОВЫМ

⟨Петербург.⟩ 1840, октября 3

...Вчера целый вечер сидели у меня И. Панаев и Белинский: я с удовольствием поговорил с ними. Часто разговор обращался на тебя, мой дражайший Константин <...>¹

Автограф. ЦИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 27, л. 238 об.).

¹ В письме к К. С. Аксакову от 23 августа 1840 г. Белинский писал: «Я слышал, что Сергей Тимофеевич скоро будет в Питере — очень приятно будет мне увидиться с ним» («Письма», II, 154).

72. М. П. ПОГОДИН — А. А. КРАЕВСКОМУ

⟨Москва.⟩ 30 октября 1840 г.

...Я всегда отдавал справедливость «Отечественным запискам» за их благонамеренность и добросовестность — но, ради создателя, остерегайтесь печатать такие нелепости, какие указал Полевой, например ¹. Не принимайте всякого вздору от москов⟨ских⟩ юношей и мальчишек, которые, не понимая дела, мелют всякий вздор, что придет в голову ². Можно ли соглашаться с ними! <...>

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Н — П», л. 479).

¹ Погодин имеет в виду резкий выпад Н. А. Полевого против Белинского в статье «Взгляд на русскую литературу 1838—1839 гг.»: «Критики, у которых в иной фразе смысла не добьетесь, толкуют с важностью о слоге, и, забывши прекрасные начала трудов наших филологов, забывая язык наших Жуковских, Батюшковых, Пушкиных, мы пишем варварским наречием, какое выдумывают недоученные юноши, гегелисты, с чу-

жого голоса передающие, что слышали и не поняли» («Сын отечества», 1840, I, стр. 438—439). Статьи Белинского подвергались нападкам Полевого и в «Лит. известиях» апрельской книжки «Сына отечества», что вызвало резкую отповедь Белинского в «Лит. газете» от 6 июля 1840 г.

² В ноябре 1840 г. Н. Ф. Павлов имел личное объяснение с Краевским, которого он также обвинял в потворстве «московским юношам», т. е. молодым рецензентам «Отеч. записок» (см. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. V, стр. 501. См. ниже письмо № 80).

73. С. Т. АКСаКОВ — О. С. АКСаКОВОЙ

⟨Петербург.⟩ 1840, ноября 18 понедельн⟨ик⟩

...В наше несчастное, позорное в литературе время, благородным людям осталось одно — молчание... И ничего нет выше как священное молчание Москвы. В субботу просидели вечер у меня И. И. Панаев и Белинский и рассказывали мне разные события и обстоятельства. Это просто... — да нет — не нахожу слов, чтоб определить состояние нашей литературы ¹... Но всего хуже, что я ни малейшей надежды к улучшению не вижу ⟨...⟩ Костю обнимаю особенно: Пан⟨аев⟩ и Бел⟨инский⟩ ему очень кланяются ² ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 27, л. 119—119 об.).

¹ Писано под впечатлением беседы с Белинским и Панаевым о петербургской литературно-общественной жизни. Именно в эту пору определился отказ Белинского от «примирения с гнусной расейскою действительностию», как с «китайским царством материальной животной жизни, чиновлюбия, крестолубия, деньголюбия, взяточничества, безрелигиозности, разврата, отсутствия всяких духовных интересов, торжества бесстыдной и наглой глупости, посредственности, бездарности, — где все человеческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетение, страдание, где цензура превратилась в военный устав о беглых рекрутах, где свобода мыслей истреблена ⟨...⟩, где Пушкин жил в ниществе и погиб жертвою подлости, а Гречи и Булгарины управляют всюю литературою, помощью д о н о с о в и живут припеваючи...» («Письма», II, 186—187). Характерно, что если Белинский звал к борьбе с «действительностью», которая обеспечивала торжество реакции, то С. Т. Аксаков навечно рекомендовал всем «благородным людям» в литературе только «молчание». Это «священное молчание Москвы» как форма бойкота николаевской России обусловило на некоторое время отказ С. Т. Аксакова от поддержки «Москвитянина».

² В тот же день В. С. Аксакова сообщала своей матери: «Недавно был у отесеньки Панаев с Белинским, он и прежде рассказывал отесеньке про все отвратительные проделки здешних литераторов, трудно поверить, неволью приходят на память все определения Константина и находишь их не преувеличенными, как, напри(м)ер: что это труп безжизненный, [гниение] и т. п. Но придет время, когда Петербург с своей литературой займет ему должное место» ⟨...⟩ (ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова, № 884, ед. хр. 14, л. 54 об.).

74. К. С. АКСаКОВ — С. Т. АКСаКОВУ

⟨Конец ноября 1840 г.⟩¹

...Я не читал статьи Белинского о Ломоносове, потому что не получил «О⟨теч.⟩ записок» этого номера ². Я воображаю, что наврано о Ломоносове; на это точно надо отвечать диссертацией ³. Я очень хорошо понимаю таких людей, как Белинский; мне теперь ясно довольно (кажется) стало, какой смысл имеет этот кружок, в чем его в р е м е н н а я польза, достоинство и в чем нелепость и ложь [кажется прошло время] теперь уже Белинского и пр. толки и часто вранье становится не ко время; теперь оно делает уже вред с некоторым ограничением. Но об этом я теперь не стану распространяться, а предвижу, что мы с Белинским так схватимся литературно, как еще никто с ним не схватывался; надо Б⟨елинского⟩ определить и поставить на его место, какое он занимает. Или мы с Белинским навсегда разделимся или он уступит мне; а я уж ему не уступлю. Но это мне никогда не будет мешать отдавать ему должное достоинство ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 3, л. 4—4 об.).

¹ Дата письма определяется его содержанием — откликом на слухи о статье Белинского в 11-й книжке «Отч. записок», вышедшей в свет около 15 ноября 1840 г.

² Под «Статьей о Ломоносове», воспринятой К. С. Аксаковым как литературно-политический вызов, он имел в виду рецензию Белинского на трехтомное собрание сочинений М. В. Ломоносова, вышедшее в свет в 1840 г. Основные положения Белинского сводились к тому, что «в трудах и жизни Ломоносова гораздо больше поэзии, чем в его вдохновениях, принявших на себя форму тяжелых стихов» (V, 430—433). Противопоставляя Ломоносова — гениального русского ученого Ломоносову-одописцу, Белинский давал бой официальной историографии, канонизировавшей Ломоносова поэта и замалчивавшей Ломоносова — основоположника русской национально-демократической культуры.

Пламенный пропагандист творческих достижений Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова, Белинский утверждал, что оды Ломоносова — не вершина русской поэзии, а давно пройденный ее этап. Эти высказывания Белинского вызвали в реакционных литературных кругах настоящую бурю. А. В. Кольцов, бывший в это время в Москве, писал Белинскому 15 декабря 1840 г.: «За критику о Ломоносове в Москве все люди старого времени вас бранят на чем свет стоит, и даже Константин Аксаков пишет об нем диссертацию в опровержение вашего мнения».

³ Диссертация, которой К. С. Аксаков собирался ответить Белинскому, вышла в свет только через шесть лет («Ломоносов в истории русской литературы и русского языка», М., 1846).

75. С. Т. АКСАКОВ — О. С. АКСАКОВОЙ

〈Петербург.〉 30 ноября 〈1840〉¹

...Обнимаю лишний раз Михаила Семеновича за то, что он не стал петь куплеты на Белинского ² <...>

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 27, л. 158).

¹ Дата письма (год) определяется его содержанием.

² «Куплеты на Белинского» — памфлетные стишки П. А. Каратыгина в его водевиле «Авось, или сцены в книжной лавке» («Репертуар русского театра на 1841 г.», I, стр. 1—16). Премьера этого водевиля в Петербурге состоялась в бенефис автора 7 ноября 1840 г. Белинский был задет в двух строфах о статьях критика Крапивина:

Читать нет средства этих вздоров!

Крапивина прошу понять:

Его критических разборов

Сам чорт не мог бы разобрать.

Весь образом каким-то дивным

Он бесконечно просветлел;

И субъективно-объективным

Всем абсолютно надоел.

В Москве водевиль П. А. Каратыгина шел в ноябре 1840 г. Отказ М. С. Щепкина исполнять куплеты, оскорбительные для Белинского, являлся открытой демонстрацией дружеского отношения великого артиста к критику.

76. С. Т. АКСАКОВ — О. С. и К. С. АКСАКОВЫМ

〈Петербург. 1—2 декабря 1840 г.〉

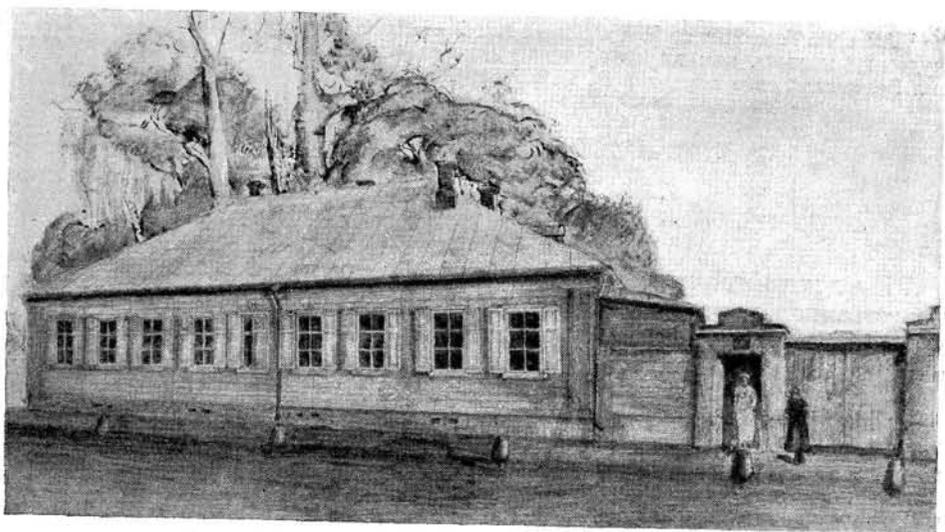
...Вообрази, мой милый Костя, что над флигелем, где живет Белинский, развевается красный флаг!.. Причины не могу добиться ¹ <...>

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова (№ 884, оп. II, ед. хр. 27, л. 154).

¹ Дата письма, на котором сохранилась позднейшая отметка: «Из пачки 2 октября — 1 декабря 1840 г.», уточняется содержанием опускаемой части письма.

С 7 ноября 1840 г. Белинский жил во флигеле дома Бема, против Академии художеств («Письма», II, 177).

Не исключена возможность, что упоминание о «красном флаге» следует понимать как свидетельство о революционных настроениях Белинского, поразивших Аксакова.

ДОМ Н. Х. КЕТЧЕРА У ПОКРОВСКОГО МОСТА В МОСКВЕ

Рисунок неизвестного художника, 1840-е гг.

Исторический музей, Москва

77. К. С. АКСАКОВ — Г. С. АКСАКОВУ

⟨Москва. Около 10 декабря 1840 г.⟩¹

Прошу тебя, милый брат и друг Гриша, доставить это письмо не м е д л е н н о Белинскому, это нужно. Я отдал один перевод свой в «Москвитянин», а этот перевод у них: хотя я и уверен почти, что они не поместят его, но все боюсь, чтобы этого не вышло и чтоб перевод не был напечатан в двух журналах, тогда это будет очень неприятно ² ⟨...⟩

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 3, л. 23).

¹ Писано на конверте, в котором находилось не дошедшее до нас письмо К. С. Аксакова к Белинскому. Дата определяется ответом С. Т. Аксакова от 15 декабря 1840 г.: «Письмо Белинскому доставлено» (Автограф. ЦГИАЛ. Фонд С. Т. Аксакова, № 884, оп. II, ед. хр. 27, л. 16 об.).

² Перевод «Из Фауста» опубликован был К. С. Аксаковым в «Москвитянин», 1841, I. Об этом переводе см. далее письмо № 81.

78. В. П. БОТКИН — К. А. ГОРБУНОВУ

Москва. 20 дек⟨абр⟩ 1840

Если можно, обнимите за меня Виссариона — крепко, крепко и пожмите его руку так, как Вы бы пожали руку самого лучшего и дорогого Вам человека — это от меня. Скоро буду писать к нему. Вчера я получил его письмо ¹. Кольцов еще в Москве ². Спешу переписать и послать Джемсон, ко 2-му № поспеет ³. Это время я был нездоров недели 2 — и делать ничего не мог. Отвечайте скорее. Никольского еще не видал — он прислал письмо, а сам не так здоров ⁴.

Автограф. ИРЛИ. Фонд К. А. Горбунова (9183/ЛII-6, 56).

¹ Письмо от 10—11 декабря 1840 г., первая часть которого, анализировавшая причины разрыва Белинского с А. А. Бакуниной, являлась, по словам самого Белинского, «целой диссертацией о любви и женщине» («Письма», II, 178—194).

² Кольцов пробыл в Москве с 27 ноября 1840 до 4 февраля 1841 г.

³ Во 2-й книжке «Отч. записок» 1841 г. помещена статья Анны Джемсон (1797—1860) «Женщины, созданные Шекспиром», в переводе и с предисловием В. П. Боткина. См. отклик Белинского на эту статью («Письма», II, 217).

⁴ Алексей Тимофеевич Никольский — художник, приятель К. А. Горбунова, «чудесный малый», как характеризовал его Белинский. Именно с Никольским отправил Белинский свое письмо к В. П. Боткину от 10—11 декабря 1840 г.

79. И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

6 января 1841 г., с. Коноплино
(Тверской губ.)

...Продолжайте ратовать за все истинное и прекрасное в литературном и нравственном мире и верьте, что вашего полку день ото дня прибывает. И в нашей глуши начинают уж ценить вас <...> Благородному сподвижнику Виссариону Григорьевичу мой сердечный поклон¹ <...>

Автограф. ГПБ. Фонд Краевского («Письма»: «Л — М», л. 15).

¹ Личные и литературные отношения И. И. Лажечникова к Краевскому и редакцией «Отеч. записок» были закреплены, вероятно, при содействии Белинского, во время пребывания автора «Ледяного дома» в Петербурге в январе 1840 г. («Письма», II, 25 и «Воспоминания А. Я. Панаевой-Головачевой», гл. V). В обзоре «Русская литература в 1840 г.» («Отеч. записки», 1841, II) Лажечников был охарактеризован Белинским как «богатый талант», «горячее сердце», «благородная, возвышенная душа» (см. «Заметки для биографии Белинского», напечатанные Лажечниковым в «Московских ведомостях», 1859, №№ 17 и 31). Письма Лажечникова к Белинскому опубликованы в сб. «В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 174—190. Ответные письма Белинского не сохранились.

80. М. П. ПОГОДИН — А. А. КРАЕВСКОМУ

(Москва.) 7 января 1841 г.

...Вот вам и «Москвитянин»! Честь имеем рекомендоваться.

В благонамеренности и добросовестности вашей мы убеждены и надеемся жить ладно, — но ваши сотрудники! Они несут иногда такую околесную, что, право, читать совестно. Пав(лов) не сказал мне ничего в объяснение¹. Да что вы их не удерживаете? Не давайте им разбирать ничего важного — вот и вся история. Пусть они тешатся над мелочью. Философию я уважаю, но толки об ней и толки людей, которые в глаза ее не видали, возбуждают негодование.

Хотя услуга нам при нужде дорога²,

по и проч.

Я буду стараться, чтобы уклониться от состязания, с кем бы то ни было, и делать спокойно свое дело, но, может быть, меня вызовут, против воли. Вообще — я хотел завести журнал, но я не останусь при нем долго. История меня призывает.

Уведомь(те) меня, если достанет время, о разных толках, кои будут о журнале <...>

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Н — П», л. 480).

¹ Желая поддерживать «дипломатические» отношения с «Москвитянином», начавшим выходить с января 1841 г., Краевский писал Погодину по прочтении объявления об издании московского журнала: «От всего сердца приветствую „Москвитянин“. Прошу его любить меня да жаловать. Пора, давно пора было вам приняться за это доброе дело!.. О прочих вещах, как, например, о статьях московских юношей и пр., я говорил много с Н. Ф. Павловым, который передаст вам все» (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. V, стр. 501). Что именно говорил Краевский Павлову о «московских юношах» — точно не известно; Белинский в письме к В. П. Боткину от 14 марта 1840 г. писал, что «на письмо Павлова о вредности моего влияния на журнал он <Краевский> отвечал коротко и ясно: за дружеские советы благодарю, а намеков не понимаю» («Письма», II, 92).

² Первая строка из басни Крылова «Шуштыник и медведь».

81. А. А. КРАЕВСКИЙ — М. Н. КАТКОВУ

С.-Петербург $\frac{9 \text{ января}}{21 \text{ января}}$ 1841

Бог с вами, милейший Михаил Никифорович! Вы на нас такую взвели вину, от которой свет солнечный мог бы померкнуть, камни распасться и тела умерших восстать. Мы вас забыли! да как это могло прийти вам в голову? Напротив, если б вы невидимкой могли присутствовать на наших беседах, как часто слышали бы вы свое имя при воспоминаниях о вас и при вопросах: что-то вы теперь подделываете, с кем вы и как вы?.. Не писали мы или, лучше, не писал я, право, от угрызений совести: перо выпадало из рук, когда я собирался было писать к вам и послать письмо без переводного векселя. А где было взять денег? Мошенник Поляков мошенничал по обыкновению и по натуре своей водил всех за нос, обещал все нынче да завтра; голодные подписчики не являлись до половины декабря. Но как только я собрал первые деньги, тотчас и отправил вам вексель на 500 р. (300 за Полякова, который все-таки не приносил денег) и 200 в уплату за «Отеч. зап<иски>»; с сим векселем отправил я вам счет долга, лежащего на «О<теч.> з<аписках>» относительно вас, и это, по совету Языкова, адресовано в наше посольство, в Берлин¹, отправлено же в двадцатых числах декабря, хорошенько не помню, когда именно. А в посольство решились мы адресовать потому, что в первом письме вы не написали своего адреса. Паки и паки прошу у вас прощения, что ввел вас в неприятное положение, которое вполне понимаю и, ей-богу, душевно сочувствую вам. Но что же было делать? Мерзость несказанная — жить без денег да еще вводить в хлопоты такого милого и доброго приятеля, как вы. Ну, полноте же сердиться! Поделуемтесь. Получили ли вы вексель и наше соборное послание?

«Ромео и Юлия» поступила в Пантеон и напечатается в первой его книжке. Театральная цензура пропустила ее, и она на-днях играется, если уж и не игралась ли в Москве. Об успехе уведомя, когда узнаю. «Отеч. записки» нынешнего года будут доставляться вашему братцу с тем, чтобы он пересылал их вам. Если же ему этого сделать нельзя будет, то он будет пересылаться вам от меня через Ригу. Теперь здесь Неверов, инспектор Рижской гимназии; он берется доставлять аккуратно экземпляр «От<еч.> записок» Варнгагену, с которым знаком, и к вам². Делайте же из них доброе употребление для немецких журналов, говорите о честных русских литераторах и журналах с подобающей честью, а о мошенниках яко о мошенниках.

У нас, в так называемой литературе, тихо и глухо, как никогда не бывало. Лермонтов прислал мне одно чудесное стихотворение³, он жив и здоров. Кольцов выехал из Москвы, в Москве написал он множество. Красов отдумал печатать собрание стихотворений своих до осени. Кудрявцеву попечитель предложил кафедру истории, и он готовится к ней. Сатин напечатал свою «Бурю» — перевод, местами прекрасный, но большею частью жидкий; предисловие стихами прелестное. Кетчер как блины печет переводы драм Шекспира: «Генрих IV», обе части, «Король Иоанн» уж в цензуре; собирается печатать всего Шекспира. Панаев чуть не попал на гауптвахту за свою повесть «Прекрасный человек», напечатанную в ноябрьской книжке «От<еч.> записок», где он подсмеивается над офицером⁴. Теперь пишет новую повесть, руками он махает попрежнему и беспрестанно твердит наизусть первую пошлость, какая ему попадет. Белинский свирепствует и ярится, как и при вас: он наконец совсем рассорился с русской действительностью; был болен, теперь выздоровел. <М. А.> Языков все так же мил, как и прежде; рассказывает, прихрамывая, ежедневные свои похождения и кладет всех нас в лоск от смеху<...> Появились новые и обновленные журналы: «Русский вестник», апатическая вещь, сбор общих мест,

громких фраз и нелепостей первой величины. Публика, приманенная дешевой ценою, бросилась на него ужасно, но как увидела первую книжку (дураки-то поторопились издать ее) отпрянула, и теперь повсюду слышны ругательства на шарлатанов-редакторов⁵. «Москвитянин» в Москве вышел, но сюда не приезжал еще. Судя по оглавлению, напечатанному в «Моек-овских» вед-омостях», первая книжка его разнообразна и интересна. Только там, говорят, статья Шевырева о Европе ученой и литературной — больно плоховата⁶. Аксаков также со своим отрывком из «Фауста», забракованным мною⁷, там же Языков, Хомяков, Вельтман. «Сын отечества» переменял формат и сделался красив, но пуст и глуп попрежнему. «Библиотека для чтения» ударилась в такие похабные статьи и матерные фразы, что, наконец, цензурное начальство хочет формально судить редакцию и цензоров. В «Сев-ерной» пчеле» только одна новость: Межевич открыто начинает ругать «От-еч.» зап-иски» и «Лит. газету», подписываясь Л. Л. Маска, т. е. снята уже⁸.

«Отеч. записки», говорят, весьма похваляются всеми вообще; они, видимо, взяли корень и сделались нужны публике. Подписка на них в Петербурге идет хорошо; в Москве плохо, как и на все журналы! Причиною этого неурожай и голод. Подождем, что будет в январе, феврале и марте. Труден был прошлый год, не тем покойник будь помянут. Авось не легче ли будет нынешний. Теперь стараюсь уплачивать долгишки, хоть понемногу. А вы, что вы? Что с вами? Жду от вас преподобного и преогромного письма. Описывайте все, что с вами делалось и делается. Пишите ко мне, а читать мы будем все кучно, собравшись в кружок. Да, господа ради, собирайте как можно больше новостей о германской литературе и искусстве вообще; указывайте нам, что переводить, откуда взять и пр. <...> Получил я роман Тика «Vittoria Assombona», который, говорят, наделал много шума в Германии, хочу перевести в «Отеч. записки»⁹.

Подбивайте и г. <А. П.> Ефремова (которому мой поклон) работать для «Отеч. записок», за все, за все вам будет от нас низкое спасибо. Да пишите больше и чаще. Спрашивайте меня о чем хотите, на все буду отвечать вам полностью <...>

Рукописная копия. ЛБ. Фонд М. Н. Каткова (Кат. 40/5, лл. 3 об. — 8 об.).

¹ Книготорговец В. Поляков, издатель журнала «Пантеон», приобрел право на помещение в своем журнале трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» в переводе Каткова. Деньги должны были быть выплачены немедленно по напечатании пьесы, на что и рассчитывал переводчик, выехавший 19 октября 1840 г. в Берлин «с пустым карманом и, что еще хуже, с головою, полною фантазерства и пьяных надежд» (см. С. Неве-денский и М. Н. Катков и его время, СПб., 1888, стр. 68). Эпизод этот описан в «Воспоминаниях И. И. Панаева», «Academia», 1928, стр. 380—383.

² О Я. М. Неверове см. в предисловии к наст. публ. и на стр. 291—300. См. также ниже адресованные ему письма (№№ 97 и 99).

³ Стихотворение Лермонтова «Завещание» («Наедине с тобою, брат...»), напечатанное в «Отеч. записках», 1841, I.

⁴ Повесть Панаева «Прекрасный человек» («Отеч. записки», 1840, XI). Автор чуть не попал на гауптвахту из-за того, что в ней упоминался «измайловский офицер, пропавший Жуковым», т. е. известным «жуковым» табаком. Эта строчка признана была оскорбительной для чести лейб-гвардии Измайловского полка (см. «Письма», II, 187).

⁵ «Русский вестник» — ежемесячный журнал, реорганизованный в 1841 г. Н. И. Гре-чем, Н. А. Полевым и Н. В. Кукольников.

⁶ Статья Шевырева «Взгляд русского на современное образование Европы». См. далее отклик К. С. Аксакова на эту статью в письме № 82.

⁷ О переводе К. С. Аксакова «Из Фауста» см. выше письмо № 77.

⁸ О переходе В. С. Межевича в «Северную пчелу» см. письмо № 70 и прим. к нему.

⁹ «Виттория Аккоромбона» — роман Людвига Тика, перевод которого напечатан был в «Отеч. записках», 1841, III—IV. В этом романе трактовался вопрос об эмансипации женщин. «Ныне, вероятно, никто не в состоянии был бы осилить „Витторию Аккоромбону“, — писал Н. Г. Чернышевский в 1856 г., — а пятнадцать лет тому назад и этот роман казался живым и интересным чтением» (Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, т. III, СПб., 1906, стр. 211).

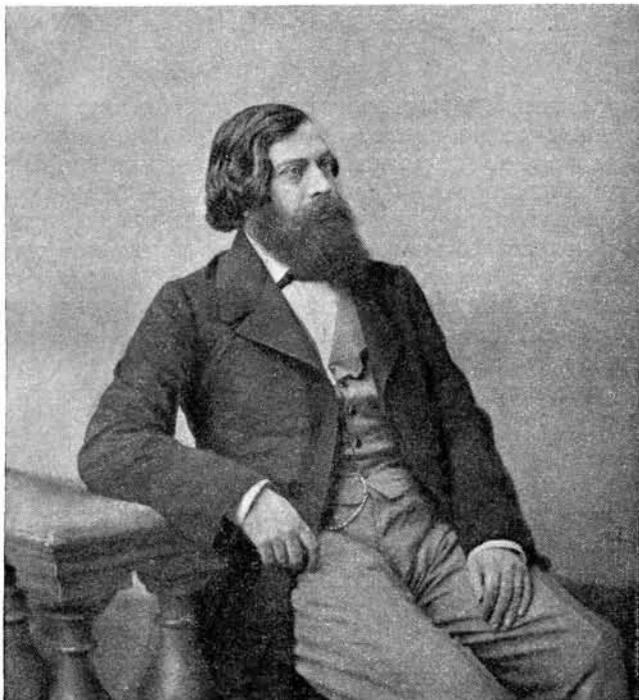
82. К. С. АКСАКОВ — В. А. ПАНОВУ

〈Москва, 17—23 января 1841 г.〉

...Есть у нас теперь журнал: «Москвитянин»; но он не представитель Москвы. Шевырев врет ужасно против философии¹. Белинский врет еще больше о философии. Наружность не завидна 〈...〉

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд Аксаковых (№ 883, ед. хр. 17, л. 45 об.). Приписка к письму С. Т. Аксакова от 17—23 января 1841 г.

Василий Алексеевич П а н о в (1819—1849) — писатель-славянофил, автор брошюры «Путешествие по землям западных и южных славян».

Н. М. САТИН

Фотография 1850-х гг.

Исторический музей, Москва

¹ Отрицательная характеристика программной статьи Шевырева в первом номере «Москвитянина» (см. выше письмо № 81) свидетельствует о том, что группа Погодина, Шевырева, М. А. Дмитриева, Ф. Н. Глинки и др. еще не установила общего языка с К. С. Аксаковым.

83. М. Н. КАТКОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

Берлин. 1841 февр〈аля〉 $\frac{7}{19}$

...Скажите всем моим приятелям, что я очень часто об них вспоминаю, и просите их писать ко мне как можно больше¹ 〈...〉

Что Белинский — здоров ли? Как чувствует себя внутри? Скоро я напишу к нему².

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Д—К», л. 491 об.).

¹ Ответ Краевского Каткову см. ниже письмо № 85.

² Письмо, о котором упоминает Катков, до нас не дошло, но об ответе на него Белинский упоминал в своем письме к В. П. Боткину от 9 апреля 1841 г. («Письма», II, 238).

84. В. П. БОТКИН — К. А. ГОРБУНОВУ

Москва, 22 февр<аля> 1841

...Буду в Питере ¹, увижу Белинского, Вас, Языкова ²— увижу много хорошего, чего прежде не понимал — и на что не умел смотреть <...>

Автограф. ИРЛИ. Фонд К. А. Горбунова (9183/ЛII-б, 56).

¹ Боткин приехал в Петербург 17 марта 1841 г., но уже через десять дней, вследствие неожиданной смерти матери, должен был выехать в Москву. См. об этом письмо Белинского от 6 апреля 1841 г. к Н. А. Вакунину («Письма», II, 235).

² Михаил Александрович Языков. См. ниже его письмо к М. Н. Каткову, № 87.

85. А. А. КРАЕВСКИЙ — М. Н. КАТКОВУ

Санктпетербург, 11 марта 1841

Вы, я думаю, опять задавали мне страшные ругательства, любезный Михаил Никифорович, за молчание? Вы были правы и неправы: посадил бы я вас на свое место и поставил в такую же невозможность исполнять свои совестливейшие обязанности — увидел бы, как поспешно вы стали бы отвечать людям, нуждающимся в том, чтобы вы были правы перед ними в отношении к делам денежного долга, когда у вас каких-нибудь 50 р., а надо послать 500!

Более десяти раз принимался я писать к вам, а рука не поднималась. Что я напишу к вам? Еще бы если бы я не знал ваших нужд; а то письма ваши доказывают, что вы нуждаетесь — и у меня нет возможности помочь вам, когда я не только хотел бы, но и обязан бы был это сделать ¹. Подписка идет скверно; в нынешнем году подписчиков меньше, нежели в прошлом было: два сряду голодные годы, говорят, причиной этого. Как бы то ни было, я знаю только одно, что нет денег, и если б я не обеспечил печатание журнала, как вам известно, тем, что дал в уплату 1000 экземпляров, «Отеч. записки» решительно приказали бы кланяться в нынешнем году, прекратились бы. Теперь ищут занять денег на вексель за большие проценты, мечусь во все стороны и до сих пор не мог еще найти и сотни рублей. Меня все манили надеждою на улучшение подписки или на получение денег взаймы, и я, надеясь хоть сколько-нибудь послать вам, все откладывал день за день. Теперь я должен просить вас подождать немного. Скоро мне достанут денег, и я пришлю вам так много, как только возможно будет. Ради бога, не сетуйте на меня! Виноват, чорт знает кто, только не я ².

Статья ваша о германской литературе напечатана в 3-й книжке «От<еч.> зап<исок>» с поправками, которые вы после прислали и которые чуть-чуть поспели. Отложить же статью до другого номера было невозможно; она вся была набрана, и заменить ее чем-нибудь было уже некогда, ибо письмо ваше пришло почти перед самым выходом книжки. Итак, присылайте скорее вторую статью о германской литературе, пожалуйста скорее.

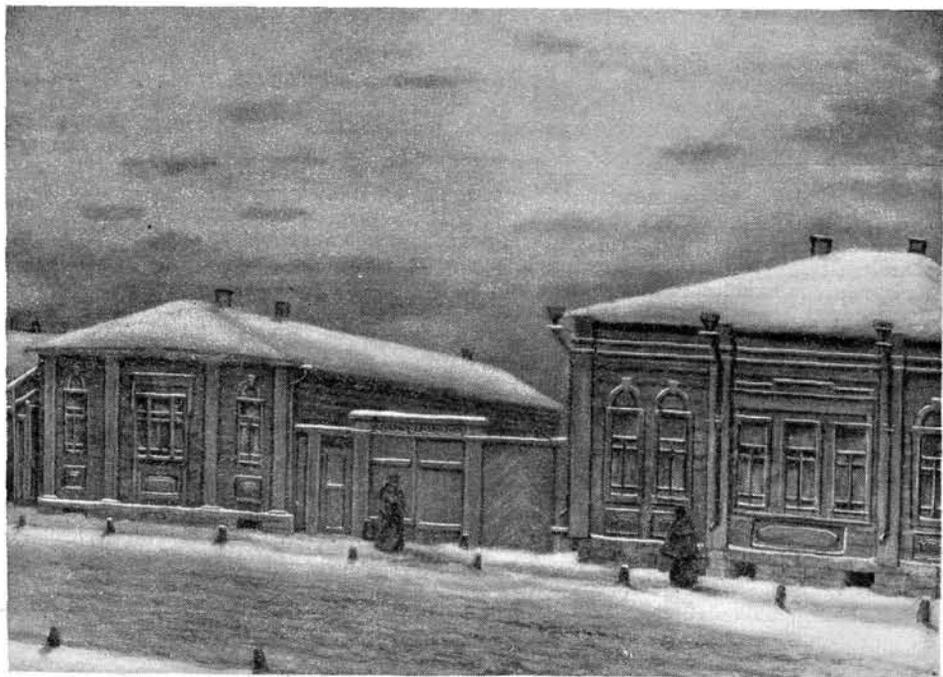
«Отечеств. записки» к вам и Варнгагену взялся отправлять Неверов, живущий в Риге и, яко цензор иностранных книг, имеющий беспрестанные сношения с немецкими книгопродавцами. Весною, летом и осенью вы будете получать книжки аккуратно каждый месяц, — три книжки уже отправлены к Неверову, для вас. Статью о Сарре Толстой пришлю с 4-ю книжкой³.

Об Афганистане статья, конечно, должна быть добрая, но у нас запрещаются в литературных журналах статьи мало-мало политические; современные события в Афганистане, того и гляди, причислят к политическим, и статья пропадет ⁴. Великое, важное дело сделали бы вы с г. Ефремовым, если бы, например, к 15-му числу каждого месяца присылали разной заграничной смеси, всякой всячины, это чрезвычайно оживляло бы «От<еч.> записки», но вы при этом предположении спрашиваете о доходах — и я просто немею. Могу сказать только, что труды для «Отеч. записок»

никогда не пропадут (в денежном отношении), но скоро ли вознаграждаться — это такой вопрос, на который теперь, менее нежели когда-нибудь, я отвечать в состоянии.

В статьях о германской литературе и других, ради бога, не забывайте, что вы пишете для русской публики, которая плохо переваривает все серьезное и мало-мальски веское. Жду, однакож, с нетерпением статью из «Эстетики» Гегеля⁵, зная наперед, что это будет лучшая статья в «Отч. зап<исках>».

У меня мало новостей. Важнейшая состоит в том, что у меня родился еще сын, Евгений, которого я имею честь рекомендовать. Здесь теперь Лермонтов в отпуску, и через две недели опять едет на Кавказ. Я заказал списать с него портрет Горбунову: вышел похож. Он поздоровел, целый год провел в драках и потому писал мало, но замыслил очень много. Видал я вашего Липперта, который здесь теперь. Он перевел «Дары Терека» и перевел славно. В русских газетах напечатано известие, что наше министерство финансов будет издавать в Берлине, на немецком языке, журнал, которого назначение знакомить Европу с Россией. Носятся слухи, что будто Греч будет заправлять этим⁶. Хорошо же представлена будет там наша литература! Все благонамеренные русские, живущие в Германии, должны будут поправлять ошибки его. Что Кёниг? Греч опять выпустил на него матерную книжку. Ваше дело было бы принять участие в споре — подкрепить Кёнига и защитить русскую литературу от бесславия, наносимого Гречем, этим незванным ее представителем⁷. Пишите и об этой битве в статьях о герм<анской> литературе да собирайте как можно более литературных новостей в этих статьях. Это заохотит публику читать в них и серьезные вещи, от которых она морщится. Новые журналы у нас,

ДОМ СУХАНЕК В ПОЛУЭКТОВОМ ПЕРЕУЛКЕ В МОСКВЕ, В КОТОРОМ В 1830-х гг. ЖИЛ А. Д. ГАЛАХОВ. ЗДЕСЬ У НЕГО ЧАСТО БЫВАЛ БЕЛИНСКИЙ

Реконструкция Б. С. Земенкова. Акварель, 1949 г.

Собрание художника, Москва

«Москвитянин» и «Русский вестник», тихо склоняются к упадку и едва ли переживут нынешний год. «Герой нашего времени» печатается вторым изданием. Скоро выйдут последние томы Пушкина. «Виттория Аккоромбона» переведена в «Отеч. записках»; цензура обошлась с нею милостиво⁸. Белинский работает попрежнему, плохо ему, бедному, приходится от моего безденежья: глаза у меня на него не смотрят. В последнее время он сильно было захандрил, но теперь поправился. Кирюша Горбунов кажется скоро будет свободен⁹. Сюда приехал брат его барыни по делу и н у ж д а е т с я в связях Горбунова с знатью. Письмо Жуковского сильно подействовало на его барыню. Панаев бьет наповал чиновников и офицеров и в 3-й книжке «Отеч. записок» написал статью «Русский фельетонист», в которой выставил Межевича, да так ловко, что тому долго не оправиться. Межевич пьет и играет в карты напропалую. Гениальный остряк Кони аккуратно издает «Лит. газету» и рассыпается в остротах, перед которыми и Жанен passe: вы знаете ведь его искусство; «Маяк» присмирел и оглушел еще больше; о нем уж не говорят. В «М. А.» Языкове нет ни на волос перемены: все такой же; теперь ждет скачек в Царском Селе; его кто-то уверил, что он лошадиный охотник. Кольцов в Воронеже, хандрит, и мы все тащим его в Петербург на житье.

«Ромео и Юлия» играна в Москве. Мочалов местами был хорош, Орлова очень хороша, и пьеса имела успех. И она напечатана в «Пантеоне», и в «Отеч. записках» будет ей разбор. Ее ставят в Петербурге и будут давать после святой недели. Больше писать негде. Целую вас от всего сердца и жду статей, статей и еще статей <...>

Рукописная копия. ЛБ. Фонд М. Н. Каткова (Кат. 40/5, лл. 9—14). Частично опуббликовано в «Лит. газете», 1941, № 25.

¹ Письмо Краевского является ответом на письмо Каткова от 7/19 февраля 1841 г. См. выше письмо № 83.

² О материальных затруднениях Краевского, едва не вызвавших прекращение «Отеч. записок», см. в письме № 81.

³ Статья Каткова о стихотворениях Сарры Толстой опубликована была в «Отеч. записках», 1840, X.

⁴ Краевский имеет в виду захват английскими войсками территории Афганистана.

⁵ О намерении Каткова перевести «Введение» к «Эстетике» Гегеля Белинский сообщил М. А. Бакунину еще 1 сентября 1837 г. («Письма», I, 139). В «Отеч. записках», 1842, IV была помещена глава «О художнике» из «Эстетики» Гегеля — возможно, в переводе Каткова.

⁶ Опасения Краевского не оправдались. Первая книга журнала «Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland», издававшегося в Берлине под редакцией проф. А. Эрмана, вышла в свет около 15 июня 1841 г. Статья Варнгагена фон-Энзе «Новейшая русская литература» отмечала в этом издании успехи в России «высокой, ученой и прозорливой критики, какой она является под пером благороднейшей и самостоятельной части русских писателей — Белинского, Неверова и Каткова». Перевод этой статьи опубликован был в «Отеч. записках», 1841, VIII, «Смесь», стр. 83—86. См. о ней также в настоящем томе, стр. 472.

⁷ Полемика, вызванная книгой Кенига и Мельгунова «Literarische Bilder aus Russland», освещена в книге А. И. Кирпичникова «Очерки по истории русской литературы», т. II, М., 1903, стр. 172—190.

⁸ См. выше прим. 9 к письму № 81.

⁹ Художник Кирилл Антонович Горбунов был крепостным. Его отпускная подписана была 31 марта 1841 г. См. статью И. Бекера «К. А. Горбунов и его портрет Лермонтова» («Лит. наследство», т. 45—46, стр. 776—781) и сообщение Натальи Эфрос («Лит. наследство», т. 57).

86. А. В. СТАНКЕВИЧ — А. В. и М. В. СТАНКЕВИЧ

Харьков. <Около 5 апреля 1841>¹

...Я очень рано получил 3 № «Отечественных записок». Читал статью Белинского. Конечно, статья далеко не удовлетворяющая, но для нас хороши и такие². Явление порождает другое. Скажут, что эстетика Белинского недостаточна, неполна и неопределительна и захотят сказать пол-

нее и определительнее. Вот и благо. Конечно, многие, может быть, и не согласились бы писать так, как Белинский, но это может быть излишнее самолюбие. Всякий дает лепту по своим силам и кто не может даровать много, должен ли удержать у себя малое?..

Автограф. ГИМ. Фонд Станкевичей (№ 351, ед. хр. 67, л. 99).

¹ Дата письма, адресованного сестрам А. В. Станкевича, определяется его содержанием.

² А. В. Станкевич имеет в виду статью «Разделение поэзии на роды и виды». Сам Белинский был очень неудовлетворен этой статьей и писал о ней 1 марта 1841 г. В. П. Боткину: «В 3 № „Отечественных записок“ ты найдешь мою статью — истинное чудолице!

М. А. ЯЗЫКОВ

Акварель К. А. Горбунова, 1848 г.

Третьяковская галерея, Москва

пожалуйста, не брани, — сам знаю, что дрянь <...> Катков оставил мне свои тетрадки — я из них целиком брал места и вставлял в свою статью. О лирической поэзии почти все его слово в слово. Вышло что-то неуклюжее и пестрое. Впрочем, — что же! Если я не дам теории поэзии, то убью старые, убью наповал наши риторики, пиитики и эстетики, — а это разве шутка?» («Письма», II, 215).

87. М. А. ЯЗЫКОВ — М. Н. КАТКОВУ

16 апреля <1841 г.> СПб¹

...Посылаю вам 500 р. с. Знаю, что мало, но больше не дал медведь Краевский². По его счету за ним остается выплатить вам 900 р. еще, но, говорит, ранее осени исполнить не может. Он поручил мне просить вас, чтобы вы занялись составлением ученых статей и преимущественно исторических; ибо обзором литературы немецкой отныне занимается Л и п е р т, тот самый, который переводит Пушкина <...>³ Читал ваши письма к Белинскому и к Боткину и радовался за вас. Боткин приезжал к нам и располагал

пожить месяц, и мы бы славно зажили, но вдруг он получил известие о смерти матери своей и ускакал, оставив после себя самые нежные и отрадные воспоминания. В Петербурге я еще более с ним сблизился. Сюда приехал Огарев с женой, просится за границу и, если не пустят, поедет на Кавказ лечиться. Здесь был Лермонтов и отправился опять на Кавказ, оставил большую тетрадь стихов, которые будут напечатаны в «Отеч. записках». Сегодня видел брата Константина Аксакова, который написал грамматику и скоро издаст. Боткин говорит про него, что он пошел в драконы. Прощайте, будьте здоровы, учитесь хорошенько, а я за вас поленюсь <...>

Рукописная копия. ЛБ. Фонд Каткова (Кат. 40/5, лл. 15—16 об.).

Михаил Александрович Языков (1811—1885) — член кружка Белинского. В 1840 г. вместе с Катковым и Панаевым перевел роман Купера «Путеводитель в пустыне», опубликованный в «Отеч. записках».

3 февраля 1840 г. Белинский писал о М. А. Языкове: «Дивная натура, каких мало не только в Питере, но и в божьем мире. По развитию он решительный нуль передо мною, но перед его натурою я уничтожаюсь меньше, чем до нуля <...> Чудак единственный, один из тех людей, которые и в глупостях велики, сами того не зная» («Письма», II, 29).

¹ Дата устанавливается описанием, в опущенной нами части письма, свадьбы великого князя Александра Николаевича, происходившей в этот день, т. е. 16 апреля 1841 г.

² О денежных расчетах Краевского с Катковым см. выше письмо № 85.

³ Карл Липперт, заменивший Каткова в «Отеч. записках», кроме обзоров иностранных литератур, напечатал в 1842 г. четыре статьи о Гете. Упоминания о Липперте встречаются в письмах Белинского (II, 251, 311) и в дневнике Герцена (Поли. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, стр. 422). См. о нем подробнее в настоящем томе, стр. 479—481.

88. В. П. БОТКИН — К. А. ГОРБУНОВУ

Москва 17 мая 1841

...Но жаль мне, что Вы попали на руки к плохому медику. Посоветуйтесь-ка с Др. Никитиным, — Белинский знает его — он, кажется, человек дельный <...> Я не знаю, здесь кто-то (не помню) говорил, что Белинский и Вы хотите сделать на Москву набег — в июне — скажите, правда ли? Дайте, по крайней мере, принять нужные меры к отражению ¹. Я все это время был в таком тяжелом состоянии духа, что ни к кому не мог писать писем и ничем не занимался, давно хочется сказать несколько слов Виссариону — да не говорится. Да и здесь все так по-старому и во мне и вокруг меня, что и сказать нечего. Скажите, пожалуйста, ему, чтоб он отослал мне моего Кошихина ² <...> Пока прощайте — пожмите за меня поискреннее руку Виссариону.

Автограф. ИРЛИ. Фонд К. А. Горбунова (9183/ЛII-б, 56).

¹ Белинский выехал в Москву лишь около 25 декабря 1841 г. См. далее письма №№ 97, 99 и 102.

² Книга «О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Кошихина», СПб., 1840, рецензирована была Белинским в «Отеч. записках», 1841, IV.

89. Н. М. ЯЗЫКОВ — А. М. ЯЗЫКОВУ

Июня 16 <1842 г.> Вильбад-Гаштейн ¹

... Бел<инский> едва ли не прав, в рассуждении меня! Я сам чувствую, что я уже далеко не тот, каков был прежде некогда — и еще дальше не тот, каким бы я должен быть в мои теперешние года: а ты пристрастен ко мне — я это давно знаю и вижу, и видел ². Будь — что надобно судьбе! <...>³

Рукописная копия. ЛБ. Фонд Чижова (Чиж. 66/1—6).

¹ В опускаемой части письма Н. М. Языков резко осуждает памфлет Белинского «Педант», выражая мнение, что «Москвитянин» должен воздержаться от дальнейшей полемики. «Вообще пора бы Ш<евырсу> и П<огодину> сделаться степеннее и перестать перепраниваться вообще, повторяя зады и давно забытые публикою личности и

ссоры — все это не ведет к добру, а между тем время проходит в пустяках, которые уже всем надоели. Юноше позволительно резвиться и даже дурачиться, но мужу ребячиться нейдет.

² В статье «Русская литература в 1841 году» («Отеч. записки», 1842, I), на которую откликается Н. М. Языков, Белинский писал: «Стих Языкова громок, звучен, ярок: но в нем это чисто внешние достоинства, без всякого отношения к содержанию <...> Поэзия, чуждая всякого содержания, всегда стоит на одном месте, поет одно и то же, одним и тем же голосом <...> Проходит пыл, остается дым и чад; поэт начинает писать вялые, холодные и вообще плохие стихи, которых уже никто не почитает стоящими даже порицаний...» (VII, 37). Далее, сравнивая Языкова с Хомяковым, Белинский отмечает, что Языков «утратил даже свой звонкий и разгульный стих...»

³ В письмах Н. М. Языкова к братьям (рукописные копии. ЛБ. Фонд Чижова. — Чиж. 66/1—6) сохранилось еще несколько упоминаний о Белинском. Приводим их:

«Москва.» 11 августа <1843 г.>

... Говорят, что Белинский сильно разбил Хом<якова> и всех нас — сей критик теперь здесь <...>

«Москва.» 11 сентября <1843 г.>

... Бел<инский> сердит на Хом<якова> за то, что Ал<ексей> Степ<анович> отверг знакомство его, которое оный Б<елинский> предлагал ему через одного из своих приятелей <...>

«Москва.» 4 октября <1843 г.>

... Между тем Бел<инский> и П<етра> В<асильевич>а задел бранью в „Отеч. записках“. Хомяк<ова>и меня он решительно в каждой книге поругивает: уж это бы пусть: и Хом<яков> и я писали стихи, и наши имена печатались; а ведь П. В. Кир<еевский> никогда не выходил на сцену, а собирал песни келейно, следств<енно> имя его не подлежит публичному нареканию <...>

«Москва.» 4 июня <1844 г.>

... «М. А.» Дмитриев написал новую балладу под заглавием „Петербургская Людмила, Московская баллада“. Слово идет о Краевском и Белинском. Зло, очень зло и метко. Жаль только, что эту балладу нельзя читать в дамском порядочном обществе: в ней играет одну из главных ролей мать Краевского <...>

90. М. А. ДМИТРИЕВ — М. П. ПОГОДИНУ

<Июнь 1841 г.>¹

... А в «Отечественных записках» нападки на нравственность опять повторяются и очень резко: тем нужнее ошибиться им крылья ².

Автограф. ЛБ. Фонд М. П. Погодина (Пог. II/11/3).

Михаил Александрович Д м и т р и е в (1796—1866) — бездарный стихотворец, постоянный сотрудник «Москвитянина» и ожесточенный противник Белинского. В одной из своих рецензий Белинский писал о нем: «Сей поэт пишет стихи уже больше двадцати лет, но славою поэта никогда не пользовался, даже в кругу московских своих приятелей, где так легко дается слава поэта даже людям, не написавшим ни одного стиха. Чтоб добиться этой постоянно убегающей его славы, г-н Михайло Дмитриев, вместо дидактического рода, в бесполезном упражнении которым он убедился, изобрел теперь новый, небывалый род поэзии, произведения которого можно было бы назвать «рифмованными денонциациями» на безнравственность критиков, не признающих в их сочинителе ни искры поэтического таланта. В руках человека талантливого и острого такие стихотворения были бы по крайней мере опасны для его врагов; но г. Михайло Дмитриев доставляет своим врагам только одно невинное удовольствие — смеяться над беззубою злостью его странных стихотворений» (V, 295).

¹ Дата письма определяется его содержанием.

² Дмитриев имеет, вероятно, в виду рецензию Белинского на листовку Ф. Глинки «Москве благотворительной» («Отеч. записки», VII, отд. VI, стр. 3—7. — См. «Лит. наследство», т. 55, стр. 315—321), в которой дана была резкая отповедь Шевыреву за статью его «К „Отечественным запискам“». См. далее письмо № 103.

91. Н. М. САТИН — Н. Х. КЕТЧЕРУ

СПб, июля 5-е <1841 г.>¹

... Отъехав 50 верст от Новгорода, я встретил Герцена ². Не более двух минут пробыл я с ними среди большой дороги и дал им слово приехать в Новгород. Послезавтра отправлюсь к ним. Не приехать ли из Нов<города> в Москву? Сам же Гер<цен> успел сказать мне, дела его идут довольно хорошо. Об Ог<ареве> нет никаких известий ³.

Вчера обедал у Краевского на даче. Все они обвиняют тебя, что ты издал первые книжки Шек⟨спира⟩ не во-время и тихомолком ⁴. До моего приезда они и не слыхали о их выходе. Вчера только была первая публикация в «С⟨еверной⟩ пч⟨еле⟩»⁵, и в тот же день у Полевого подписывалось трое. Краевский советует тебе открыть еще подписку у Юнгмейстера, новый книгопродавец, весьма честный, и который публикует о своих книгах почти во всех журналах. Пришли ему через Краевского экземп⟨ляров⟩ 20, из которых Краев⟨ский⟩ и Панаев берутся раздать несколько своим знакомым. Да не забудь выслать немедленно в ред⟨акцию⟩ «От⟨еч.⟩ зап⟨исок⟩» и в другие места билеты на Шек⟨спира⟩. Краевск⟨ий⟩ советует тебе задержать до осени выдачу следующих выпусков.—Проценсурованные драмы высланы тебе с Горбуновым. Следующие прислать в ред⟨акцию⟩ «От⟨еч.⟩ зап⟨исок⟩» на имя Краевского. Повесть Гофмана цензура остановила, но они надеются на Волконского⁶. Эпизод у Краевского, и он обещал его доставить тебе. Скажи Ключникову, что Краев⟨ский⟩ очень рад статье на «Москвитянина», но, впрочем, говорит он, я бы желал лучше, чтоб Ключн⟨иков⟩ подписал под статьей свое имя ⁷ <...>

Я не успел быть перед отъездом у Н. Ф. Павлова, пошли ему экзем⟨пляров⟩ 10 и билеты, он обещал мне раздать их непременно ⁸ <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Н. Х. Кетчера (М. 5185/35).

¹ Письмо Н. М. Сатина позволяет точно установить время его встреч с Белинским. В течение 1841 г. Сатин был в Петербурге дважды. Пребывание его в столице с середины января по 4 марта содействовало закреплению дружеских отношений Белинского с Герценом (см. Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, стр. 415 и 427). О Сатине Белинский писал В. П. Боткину 1 марта 1841 г.: «А какой славный малый Сатин! Теплое сердце, благородная душа!» («Письма», II, 220). После двухнедельного пребывания в Новгороде у Герцена Сатин выехал за границу 2 августа 1841 г. См. письмо № 94.

² Герцен выехал из Петербурга в Новгород 2 июля 1841 г. (см. Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. XXII, стр. 221).

³ Н. П. Огарев находился в это время за границей, выехав из Петербурга около 1 июня 1841 г. («Звенья», I, М., 1932, стр. 101. Ср. Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, стр. 431—432).

⁴ «Все они» — Белинский, Панаев и Краевский. Еще 28 июня 1841 г. Белинский, по поводу кетчеровского перевода Шекспира, писал Боткину: «Спасибо Кетчерушке — умник, погладь его по головке» («Письма», II, 249). Недовольство Белинского и Краевского издательской непрактичностью Кетчера ярко отражено в письме Белинского к Кетчеру от 3 августа 1841 г. («Письма», II, 255).

⁵ Информационная заметка об издании Кетчера появилась в № 145 «Северной пчель» от 3 июля 1841 г.

⁶ Князь Григорий Петрович Волконский — председатель Санктпетербургского цензурного комитета и помощник полечителя Санктпетербургского учебного округа. Белинский писал о нем Боткину: «Князь Волконский (сын министра) — помощник Дундука, приятель Одоевского, — и только благодаря этому обстоятельству цензура еще наполовину пропускает наши выходки» («Письма», II, 104).

⁷ Статья о «Москвитяnine» за подписью И. П. Ключникова в «Отеч. записках» не появилась.

⁸ 14 июля 1841 г. Сатин писал Кетчеру из Новгорода по поводу издания Шекспира в переводе Кетчера: «...Белинский велел тебе сказать, чтобы ты присылал побольше экземпляров и билетов: Панаев, Краевский, Языков <...> берутся раздать своим знакомым билетов по 10». — Автограф. ЛБ. Фонд Н. Х. Кетчера (ГО/ХI/81).

92. А. Д. ГАЛАХОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

10 июля 1841 г. Москва.

...Выходку против «Отечественных записок» сделал Шевырев нелепый ¹. Он думал, что статейка об «Малолетке» принадлежит Белинскому, пришел однажды в Университетский совет очень раздосадованный. Его встречает Грановский, профессор истории, и говорит: «Что вы, Степан Петрович, вы как будто сердиты?» — «Да как же, помилуйте, — отвечает он: — иди в Совет толковать бог знает о чем, а там еще отвечай пьяному Белинскому» <...>

Н. Г. ФРОЛОВ

Фотография 1850-х гг.

Исторический музей, Москва

Да, отзыв о Загоскине в критике «Ста литераторов» многим не понравился². Вы напрасно так резко отозвались. О Шишкове прекрасно³, за что, равно за разбор книжки «Москве благотворительной»⁴, заочно — я и Кудрявцев — кланяемся Белинскому...

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Г», лл. 29 об. — 30).

¹ Полемическое обращение «К „Отечественным запискам“», опубликованное Шевыревым в «Москвитянине», 1841, VI, стр. 509—510, за подписью NN, имело целью политически дискредитировать Белинского как критика, якобы позволяющего себе «всемирно глумиться над поэзией и нравственностью». Поводом для этого выступления явилась ошибочно приписанная Шевыревым Белинскому рецензия А. Д. Галахова на брошюру «Малолеток» А. Орлова, в которой попутно был задет и поэт Ф. Н. Глинка, один из ближайших сотрудников «Москвитянина» («Отеч. записки», 1841, IV). Вызов, брошенный Шевыревым редакции «Отеч. записок», был немедленно подхвачен Белинским, который с исключительным остроумием вскрыл фактическую несостоятельность нападок Шевырева и клеветнический характер всех его обвинений (об этой полемике см.: VI, 236—241 и 593—596).

² В основе статьи Белинского о сборнике «Сто русских литераторов» («Отеч. записки», 1841, VII) лежал резко отрицательный разбор романов Булгарина и Загоскина. Памфлетный характер имело самое объединение этих имен, которые Белинский связал не как равнозначные литературные величины, а как носителей одних и тех же официально-апологетических традиций в обрисовке русской крепостнической действительности (VI, 207—236). Этим самым объясняется и некоторая неудовлетворенность Галахова статьей Белинского, умеренно-либеральные позиции которого далеко не совпадали с настроениями широкой демократической аудитории «Отеч. записок».

³ Резко отрицательная характеристика только что умершего президента Российской Академии, адмирала А. С. Шишкова являлась как бы введением к разбору произведений других авторов в статье Белинского о сборнике «Сто русских литераторов».

⁴ Принадлежность Белинскому рецензии на стихотворную брошюру Ф. Н. Глинки «Москве благотворительной» («Отеч. записки», 1841, VII) установлена нами на основании этого письма Галахова (см. «Лит. наследство», т. 55, 1948, стр. 315—321).

93. Г. А. ГУРЦОВ — В. Ф. ОДОЕВСКОМУ

<Петербург. Около 15 июля 1841 г.>¹

Милостивый государь

князь Владимир Федорович!

Свидетельствуя Вашему сиятельству мою чувствительную благодарность как за оказанный Вами мне, во время моего пребывания здесь, ласковый

прием, так и за готовность Вашу сделать все, что от Вас зависеть будет, чтоб оставшаяся у Вас в рукописи книга моя могла достигнуть ту цель, которую Вы и князь Г. П. Волконский² назначить изволили; покорнейше прошу Ваше сиятельство передать г-ну Белинскому приложенные при сем ассигнациями сто рублей в добавок 350 которых <!> он уже получил. — Если когда-нибудь воспоследует разрешение Министерства народного просвещения, дабы оная моя книга могла быть перепечатана для чтения в учебных заведениях, тогда я с большим удовольствием вышлю Вашему сиятельству из Одессы для г-на Белинского еще четыреста рублей ассигнациями, если же это не состоится, то благоволите, Ваше сиятельство, внушить г-ну Белинскому удовольствоваться скудною суммою, которую он получил за свои труды, и не гневаться на меня за то, что я ему больше дать не могу³.

Остаюсь по жизни <!> с истинным почтением и с совершенною преданностию Вашего сиятельства покорнейший слуга

Георгий Гурцов

Надпись В. Ф. Одоевского на полях:

Вот что получил я от Гурцева — сообщите сие Белинскому, очень жалко, что не знал ранее их условий — тогда я бы удобнее уговорил Гурцева.

Автограф. ЛБ. Бумаги В. Ф. Одоевского (М. 10779).

Георгий Александрович Гурцов — педагог, автор первого учебника для глухонемых на русском языке; до 1838 г. — директор Петербургского училища глухонемых; в 1841 г. основал училище глухонемых в Одессе. В том же 1841 г. Г. А. Гурцов привез в Петербург новое учебное пособие, которое, повидимому, по предложению В. Ф. Одоевского, было передано для обработки Белинскому. Судя по сохранившемуся письму кн. Г. П. Волконского к В. Ф. Одоевскому, книга Гурцова не получила одобрения Министерства народного просвещения (фонд кн. В. Ф. Одоевского в ГИПБ). Рукопись этой книги до сих пор не обнаружена.

19 июля 1841 г. А. А. Краевский писал кн. В. Ф. Одоевскому: «Вот что пишет ко мне Белинский, в ответ на вашу записку. Извольте читать и решать.

Хлопочу о деньгах ежеминутно. Трое обещали наверно, и — двое обманули: авось бог даст у третьего занять! Меня измучили деньги Врасского и Свинойной.

В субботу я приеду к вам часу в 5-м. (Может быть, с Липпертом.) Будете ли вы дома? <...>» (Автограф. ГИПБ. Фонд кн. В. Ф. Одоевского).

Дата этой записки позволяет уточнить датировку приложенного к ней письма Белинского к Краевскому, отнесенного в издании Е. А. Ляцкого к «лету 1841 г.»: «Нет ничего тяжелее, Краевский, как назначать цену своему труду, когда он уже кончен. В первый раз я получил от г. Гурцева 300 руб. асс., но вторую мою работу я без преувеличения считаю втрое тяжелее первой, почему и думаю, что 500 руб. асс. не были б вознаграждением, превышающим труд. Впрочем, если г. Гурцев уехал, то, разумеется, кн. Одоевский тут ничем не виноват, и я несколько не почитаю его обязанным принимать в чужом пиру похмелье — мне бы давно следовало уведомить его о деле» («Письма», II, 254). Сумма аванса, полученного Белинским от Гурцева, остается неуточненной, так как, по утверждению Гурцева, она была равна не 300, а 350 рублям.

¹ Приблизительная датировка письма устанавливается его содержанием.

² Князь Григорий Петрович Волконский — см. о нем прим. 6 к письму № 91.

³ В бумагах Одоевского сохранилась следующая расписка Белинского (автограф): «Сто рублей ассигнациями получил от Г. Гурцева. В. Белинский».

В записке к Одоевскому от 22 июля <1841 г.> А. Краевский писал: «Вот расписка Белинского в получении денег. Он просит сказать Вам, что несколько не в претензии на Гурцева и доволен этими 100 рублями» (ГИПБ, ф. Одоевского, папка V).

94. Н. М. САТИН — Н. Х. КЕТЧЕРУ

$\frac{28}{16}$ авг. <уста 1841 г.> Тёплиц¹

...Из Пет(ербурга) до парохода проводили меня Носков², Белинский и брат. У Носкова были на глазах слезы, у меня тоже <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Кетчера (М. 185/35).

¹ Дата письма уточняется его содержанием: Сатин выехал из Петербурга за границу 2 августа 1841 г.

² Михаил Павлович Носков — член кружка Герцена, приятель Сатина, служивший в Петербурге помощником контролера в артиллерийском департаменте Военного министерства. Носков привлекался в 1834 г. по тому же делу, что Герцен и Огарев, но так как прямых улик против него не было, а начальство отлично его аттестовало, Носков был освобожден тотчас же после допроса. Герцен называл его «милым, благородным Носковым» (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. II, стр. 433; т. XII, стр. 327).

95. И. П. ГАЛАХОВ — М. Л. ОГАРЕВОЙ

Петербург. <20-е числа августа 1841 г.>¹

...Самая приятная новинка — 3 т<ома> Пушкина². Несколько помещенных в них прозаических и стихотворных произведений еще не были опубликованы, в том числе романтическая, причудливая <grotesque> повесть «Дубровский», взятая из провинциального быта недавнего прошлого. В области поэзии и романа — и в стихах и в прозе — мне все у Пушкина в высшей степени нравится, в области же критики, анализа, рассуждений, систематизации многое у него — и в стихах и в прозе — мне зачастую представляется не столько провидением гения, сколько, вероятно, искренним, но банальным взглядом века.

Лермонтов убит на Кавказе на дуэли — я читал рукопись его стихотворения на погребение Наполеона. Оно мне не нравится в своей основе, это снова сплошной апофеоз великого человека в ущерб европейскому обществу, вопреки логике событий и истории³.

Больше ничего нового в литературе нет, так заверил меня г. Бел<инский>, которому я передал письмо и стихотворение Николая — он напечатает его в журнале⁴. Я представлял себе его другим, не таким, каким нашел — худой, скромный.

Г<ерцен> в Новгороде. Я отвезу ему туда письмо по дороге в Москву. Г-на Куторги я еще не видел⁵. Бедный Сат<ин> проезжал через Любек, когда и я там находился. Я узнал об этом только после его отъезда в Гамбург <...>

Автограф. ЦГЛА. Фонд Н. П. Огарева (№ 173, лл. 12—13). Подлинник на французском языке.

Иван Павлович Г а л а х о в (1809—1849) — член кружка Герцена и Огарева, один из первых русских фурьеристов. Письма его к М. Л. Огаревой — первой жене Н. П. Огарева, в которую он был влюблен, частично использованы в книге М. О. Гершензона «История молодой России» (М., 1923).

¹ Дата письма определяется его содержанием, а также на основании свидетельства Белинского от 25 августа 1841 г. о получении им «письма от Огарева из-за границы» («Письма», II, 259).

² Выход в свет трех последних томов посмертного издания «Сочинений Александра Пушкина» отмечен был в «Отеч. записках», 1841, VIII, отд. VI, стр. 33—41. Отрицательная оценка Галаховым некоторых критических рассуждений Пушкина прежде всего имела в виду полемическую статью Пушкина «Путешествие из Москвы в Петербург», отрывки из которой («Москва», «О цензуре», «Ломоносов», «Русская изба» и др.) впервые появились в печати в этом издании.

³ Стихотворение Лермонтова «Последнее новоселье», не понравившееся Галахову, еще более резко принято было Белинским: «Какую гадость написал Лермонтов о французах и Наполеоне, — писал он Боткину 28 июня 1841 г., — то ли дело Пушкина „Наполеон“» («Письма», II, 249). Столь же отрицательный отзыв об этих стихах в письме Белинского к Кудрявцеву: «Жаль думать, что это Лермонтов, а не Хомяков» («Письма», II, 252).

⁴ Письмо Н. П. Огарева к Белинскому до нас не дошло. Стихотворение, приложенное к письму, — вероятно, «Прометей» Огарева, опубликованный в «Отеч. записках», 1841, X, стр. 161—162.

⁵ Михаил Семенович К у т о р г а (1809—1886) — историк, профессор Петербургского университета, о знакомстве которого с Белинским см. «Лит. наследство», т. 55, стр. 424—425.

96. П. И. МЕЛЬНИКОВ<-ПЕЧЕРСКИЙ> — А. А. КРАЕВСКОМУ

2 ноября 1841 г.
Нижний-Новгород

...Ну-с, с новым годом гражданским и журнальным честь имеем. Пишите, как вы поживаете, как поживает ваш журнал, в настоящем и будущем. К стати, вы говорите, чтобы я сказал вам об нем свое мнение. Извольте<...> Нравятся мне в вашем журнале отделы Наук, Смеси и Словесности (Промышленность я мало читаю: я плохой промышленник),— они прекрасны вообще, есть исключения, но ведь совершенного в мире нет. Теперь главное — о критике и библиографической хронике, «где выражается ваша личность»,— как сказали мне однажды в письме¹. Любезный Андрей Александрович, мы, кажется, друг друга понимаем, друг другу добра желаем,— этому я верю и видел из ваших замечаний на статьи мои и пр. т. п. Следовательно, вы должны помнить, что вам будет говорить об «Отечественных записках» такой человек, который принимает в них большое участие. «Отечественные записки», если вы хотите знать, каждый день занимают мои мысли (право, это не фразы пустые — верьте мне). Итак, вот что скажу я вам как другу, как брату: вы слишком пространны. Скажите пожалуйста, на что мне знать подробное содержание какого-нибудь «Перствия», «Гусара» и т. п.; скажите мне, что это не стоит чтения. во-первых, по глупости содержания, во-вторых, по неестественностям, несообразностям, по дурному языку; пожалуй, покажите мне примеры — и довольно с меня². Попробуйте писать лаконическим слогом своей рецензии — ей-богу, будет лучше. Это вам не мой голос, прибавлю я, но голос многих, очень многих читателей. Критики у вас прекрасны, но опять тот же недостаток: широко шагаете, как говаривал Суворцев, бывший проф(ессор) словесности в Казан(ском) унив(ерситете). Право, иногда утомительно читать критики ваши, бывает утомительно мне, человеку кабинетному, можно сказать, а каково бывает человеку паркетному? Читает ли этот сорт людей ваши критики? Ведь нет, я думаю, что большая часть ваших подписчиков народ паркетный.

О науках — одно замечание. «Отечественные записки» должны бы были побольше говорить об отечестве.

Над выходками некоторых особ на счет нравственности и поэзии³— субъективности и объективности и др.— я смеюсь от души. Подражайте и вы мне в этом отношении <...> Право, стоит ли сердиться?

Вот вам моя отповедь, которой вы хотели. Простите меня за прямоту — она от сердца <...>

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: Л — М, лл. 416 об.—417).

Павел Иванович М е л ь н и к о в (1819—1883), известный под псевдонимом Андрей Печерский, начал свою литературную работу в «Отеч. записках» в 1839 г. и был деятельным участником изданий Краевского до 1842 г. (см. Полн. собр. соч. П. И. Мельникова-Печерского, т. I, 1888, стр. 74).

¹ Письмо Краевского, на которое отвечает П. И. Мельников, до нас не дошло. Однако выписка из него, цитируемая Мельниковым, не оставляет никаких сомнений в том, что редактор «Отеч. записок», для поднятия своего престижа, приписывал себе критические статьи и рецензии Белинского, печатавшиеся анонимно. Именно эта «анонимность» и позволяла Краевскому очень долго шеголять в чужих перьях.

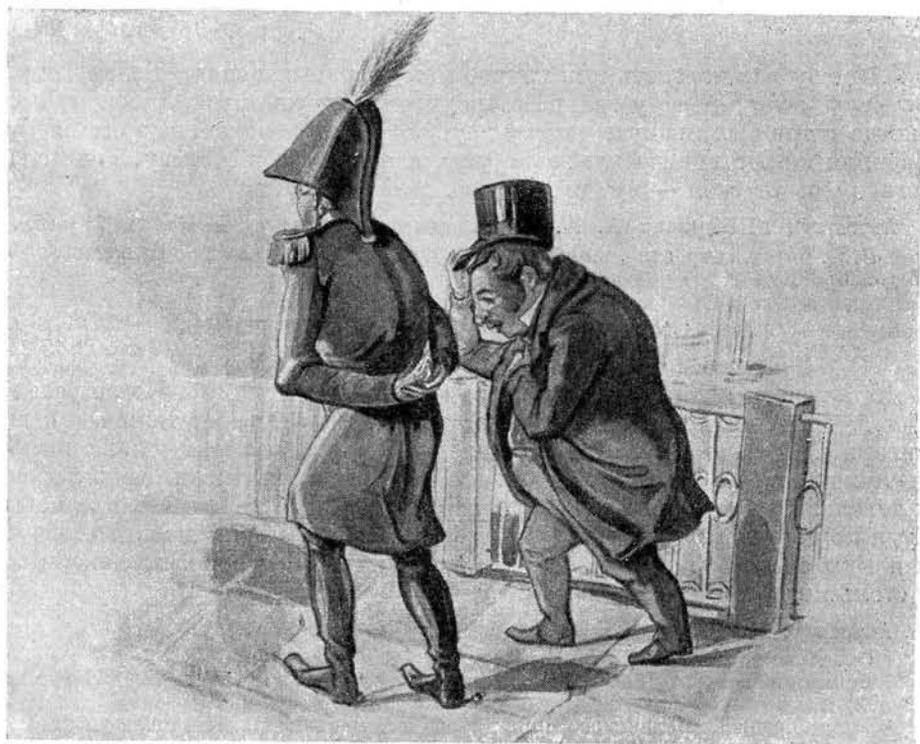
Как засвидетельствовано Добролюбовым, статьи Белинского «читались с жадностью, с восторгом, его мнения находили себе жарких защитников и последователей, хотя большая часть читателей и не знала, кто именно высказывает в журнале эти мнения» (Полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова, т. I, 1934, стр. 141). Насколько прочно в широких читательских кругах держалась легенда о Краевском-критике, свидетельствуют и дневники молодого Чернышевского (Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, т. I, 1939, стр. 66). В архиве Краевского, как указано нам Э. Найдичем, хранится письмо некоего А. И. Артемова от 13 декабря 1840 г. также с обращением к Краевскому как к автору критических статей, на самом деле принадлежавших Белинскому.

СЕНКОВСКИЙ, ГРЕЧ И БУЛГАРИН В ВИДЕ ГРОМИЛ

Карикатура Н. А. Степанова, Акварель, 1840-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

КАРИКАТУРА НА БУЛГАРИНА

Акварель Н. А. Степанова, 1840-е гг.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

² Мельников имеет здесь в виду разбор романа Ф. Г. К...рина «Гусар, или каких дивных приключений не бывает на свете», помещенный в «Отеч. записках», 1841, I, отд. VI, стр. 42—48. Автором этого разбора был Белинский. Рецензия на «Перстень» опубликована в «Отеч. записках», 1841, VI. Автор ее не установлен.

³ Мельников намекает на статью Шевырева в «Москвитянине», о которой см. выше письмо № 92, прим. 1.

97. К. И. КЕСТНЕР — Я. М. НЕВЕРОВУ

С.-Петербург, ноября 9-го 1841

...Я еще не имел случая познакомиться с Белинским. Если я еще не воспользовался Вашею рекомендацією, то единственно потому, что я не имел еще времени. Впрочем, не скрою от Вас, что я имею какую-то Scheu* сблизиться с человеком, с которым Вы так расходитесь в мнениях. Это разногласие внушает мне неблагоприятное предубеждение касательно Белинского ¹.

Автограф. ГИМ. Фонд Я. М. Неверова (№ 372, д. 8, л. 129—129 об.).

Карл Иванович Кестнер — профессор юридических наук в Александровском лицее (с 1841 г.). До переезда в Петербург Кестнер в течение двух лет преподавал историю в Митавской гимназии. С 1844 г. совмещал свою преподавательскую деятельность с должностью младшего библиотекаря Румянцевского музея. Выбыл из лицея в 1851 г. на должность цензора Рижского отделения Комитета иностранной цензуры. Кестнеру принадлежит книга «Российские положительные законы о финансах». См. «Исторический очерк бывш. Царскосельского ныне Александровского лицея», СПб., 1861, стр. 262, 319 и 343.

¹ Свидетельство об отрицательном отношении умеренного либерала Я. М. Неверова к «мнениям» Белинского 1841 г. очень характерно. Тем не менее Кестнер все же получил от Неверова рекомендательное письмо к Белинскому. Этим письмом он воспользовался в феврале 1842 г. См. далее письмо № 99.

98. П. Н. КУДРЯВЦЕВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

⟨Москва.⟩ 15 декабря 1841 г.

...Прошу вас передать при случае мой усердный поклон Белинскому и Боткину, если он еще у вас, в Петербурге ¹. Любезному Белинскому я бы иногда готов был писнуть строку-другую, но, право, не знаю его адреса. Василия же Петровича мы давно уже ждем к себе в Москву. Гоните его бога ради от себя — ну, что он там делает?⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Д — К», л. 716 об.).

¹ В. П. Боткин, вероятно, выехал из Петербурга в Москву вместе с Белинским около 25 декабря 1841 г.

99. К. И. КЕСТНЕР — Я. М. НЕВЕРОВУ

С. П(етер)бург, 7 февраля 1842 г.¹

...⟨В начале января⟩ я поехал к нему ⟨к Белинскому⟩. Но он уехал в Москву, и мне сказали у него на квартире, что приедет только в конце января ². Третьего дня я был у него — и застал его дома. Ваше письмо послужило мне хорошою рекомендацією. Он принял меня очень ласково и довольно откровенно высказал мне свои мысли о некоторых предметах. Судя по первой встрече, мы сблизимся и, может быть, сойдемся во многом; и я Вам очень благодарен, что Вы мне доставили случай познакомиться с столь интересным человеком ³.

Автограф. ГИМ. Фонд Я. М. Неверова (№ 372, ед. хр. 8, л. 130).

¹ См. выше первое письмо К. И. Кестнера к Я. М. Неверову (№ 97).

² Белинский возвратился из Москвы в Петербург 17 января 1842 г. (см. далее письмо № 102).

³ Ни в переписке Белинского, ни в других источниках мы не нашли упоминаний о встречах критика с К. И. Кестнером.

* S c h e u — робость (нем.).

100. И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

4 марта 1842 г., с. Конопляно

...Прочел я разговор А. и Б. Зачем это делается, карамзинская форма изложения? Разговор не существует там, где нет борьбы мнений; он прекратился, когда лица согласились. А в разговоре А. и Б. одно лицо только и делает, что спрашивает и т ы к а е т ¹. Зачем восстанавливать этот битый и перебитый вопрос о существовании нашей литературы? Зачем поднимать из гроба давно умерших для того, чтобы положить их опять в гроб (оставить это Сент-Бёфам...) — да и с поруганием? Это конек моего прекрасного, умного, чудного Виссариона Григорьевича. У него и без того есть обширное поле, на котором он может подвизаться — и рыцарски подвизаться. Не сердитесь на меня, милые друзья мои! <...> так говорит сердце мое. желая вам добра и успеха в вашем деле <...>

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Л — М», лл. 17 об.—18).

¹ Статья Белинского «Русская литература в 1841 г.» написана была в форме разговора двух собеседников «А» и «Б». Протест Лажечникова против самой формы этой статьи совпал с мнением о ней Герцена, который в одной из позднейших бесед с Достоевским вспоминал, как на просьбу Белинского высказаться об этом диалоге «А» и «Б» он заметил: «Да хорошо-то хорошо, и видно, что ты очень умен, но только охота тебе была с таким дураком свое время терять» («Дневник писателя», 1873, гл. I). Характерно, что недовольство диалогической формой статьи получило отражение и в отклике на нее Кольцова (Полн. собр. соч. А. В. Кольцова, СПб., 1909, стр. 269).

101. А. Д. ГАЛАХОВ — А. И. ИВАНОВУ

1842, марта 13, Москва

...Доведите поскорей до сведения Андрея Александровича, что статья в «Отечественных записках» «Педант» наделала гул и шум и раздражила до того, что хотят жаловаться Б<енкендорфу>, указав на выписанные места ¹. Дурно то, что в их возгласах принял участие кн. Д. В. Г<олицын>, который, говорят, скоро поедет в Петербург. Пусть Андр<ей> Ал<ександрович> возьмет меры поскорее.

По ошибке, ваше имя выставлено в объявлении и под Московской конторой. В середовых газетах будет поправка ²<...>

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Г», л. 32).

¹ Письмо адресовано Андрею Ивановичу И в а н о в у, комиссионеру и управляющему конторой «Отеч. записок» в Петербурге. Не ограничившись отправлением этого тревожного письма к Иванову, А. Д. Галахов в тот же день писал о том же и самому Краевскому. См. сб. «Венки Белинскому», М., 1924, стр. 143.

² Памфлет Белинского «Педант, литературный тип», направленный против Шевырева, появился в 3-й книжке «Отеч. записок» 1842 г. и произвел в Москве потрясающий эффект. «Выписанные места», о которых упоминал Галахов, — цитаты из подлинных статей Шевырева, включенные Белинским в памфлет. «Криминальность» именно этих цитат подчеркивал и В. П. Боткин в письме к Белинскому от 23 марта 1842 г. Отвечая Боткину, Белинский 31 марта писал: «Спасибо тебе за вести об эффекте „Педанта“: от них мне некоторое время стало жить легче. Чувствую теперь вполне и живо, что я рожден для печатных битв и что мое призвание, жизнь, счастье, воздух, пища — п о л е м и к а» («Письма», II, 289). Об откликах на «Педанта» см. VII, 574—579.

102. Н. Г. БЕЛИНСКИЙ — Д. П. ИВАНОВУ

Петербург, 1842 года. Марта 17

...Вот уже два месяца, как я в Петербурге, но и не заметил, когда они прошли. Ехал я в Петербург, как тебе известно, один; отправились из Москвы 10 генваря, по утру в 10 часов, я прибыл в Петербург 13-го в 12 часов ночи. Дорога, как вообще зимою, довольно скучная, но в дилжансе ехать спокойно и тепло, только на станциях за обед и чай берут

неимоверную цену. По приезде, на другой день, я отправился смотреть Петербург. Его величолепие и красота поразительны, так что Москва кажется после него большим губернским городом. Через два дня после меня приехал брат <Виссарион>. Он ехал 6 дней, выехав из Москвы на другой день после меня <...>¹

Автограф. ЛБ. Фонд Белинского (М. 5184/30, л. 1).

Никанор Григорьевич Б е л и н с к и й — младший брат критика; после неудавшейся попытки поступить в Московский университет приехал к брату в Петербург, где прожил до 26 августа 1842 г., успев перепортить Белинскому «немало желчи и крови» («Письма», II, 312—313). См. его письма к Белинскому в «Лит. наследстве», т. 57. Там же см. письма и Д. П. Иванова — друга и родственника Белинского.

¹ Свидетельство это позволяет установить не известную до сих пор точную дату возвращения Белинского в Петербург — 15 января 1842 г. Пребывание Белинского в пути в течение шести дней вместо обычных трех-четырёх объясняется, вероятно, его остановкой в Новгороде у Герцена или в Премухине у Бакуниных.

103. М. А. ДМИТРИЕВ — М. П. ПОГОДИНУ

<Москва.> 31 марта 1842 г.¹

... Читал я их «Педанта»²: — вот я им приготовил стишки для 5-й книжки, коли цензура пропустит³ <...>

Автограф. ЛБ. Фонд М. П. Погодина (Пог. II/11/3, л. 67).

¹ Дата письма проставлена неустановленной рукой.

² О памфлете Белинского «Педант» см. выше письмо № 101.

³ «Стишки» М. А. Дмитриева — бездарное послание «К безымянному критику», опубликованное в десятой книжке «Москвитянина», — вызвало резкий протест в самых широких кругах литературной общественности как явный политический донос на Белинского.

104. В. П. БОТКИН — А. И. ГЕРЦЕНУ

28 мая 1842. Павловск

... Теперь меня занимает одна мысль: увижу ли я вас в Москве? Мой отъезд отсюда будет зависеть от продолжительности вашего пребывания в Москве <...> Я бы пожалуй и раньше приехал — да при моем положении я не могу наверное рассчитывать, но надеюсь, что чрез две недели буду совсем здоров и след(овательно) могу выехать. А? Как вы думаете, Александр Иванович? Знаю, как вам хочется в деревню, знаю, как душно и скучно в Москве — все знаю — и однакож все-таки хочется увидеть вас в Москве и пожить с вами хоть недельку в окрестностях. Пожалуйста отвечайте мне поскорее на это, адресуйте попржнему на имя Белинского, а он мне перешлет сюда¹.

Автограф. ЛБ. Из бумаг А. И. Герцена (М. 5184/31).

¹ Приехав в Петербург в первых числах мая 1842 г. («Лит. мысль», 1923, II, стр. 181), Боткин в течение двух месяцев отдыхал и лечился в Павловске, где и навещал его Белинский. Герцен доживал в это время последние месяцы своей новгородской ссылки. Проездом из Петербурга в Москву Боткин навещил его в Новгороде 10 июля 1842 г. (Поли. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. III, стр. 83).

105. Н. П. ОГАРЕВ — Е. В. СУХОВО-КОВЫЛИНОЙ

17 июня <1842 г.> Петербург¹

... Я здесь веду жизнь тихо и мудро. Живу я у Бел(инского)². Вот мы вечер проболтали очень разумно. А теперь 3-й час. Он спит. А мне не спится. Куда ни обернусь, об чем ни подумаю, от всего так тяжело становится, что глаз не затворишь <...>

Автограф. Институт мировой литературы им. А. М. Горького (1—19—22/1822).

¹ Письмо адресовано Евдокии Васильевне Сухово-Кобылиной, в замужестве Петрово-Солововой, сестре писательницы Евг. Тур (Салиас де Турнемир).

² В марте 1842 г.; в письме к В. П. Боткину, Белинский выразил сожаление, что во время своего пребывания в Москве не встретился с Огаревым: «Мне очень жаль, что я не увиделся, разъехавшись, с этим милым Огаревым. Жму ему руку и даю братское лобзание» («Письма», II, 282). Вероятно эти строки вскоре стали известны Огареву. Самый факт приезда Огарева к Белинскому в июне 1842 г. до сих пор оставался неизвестным.

106. К. С. АКСАКОВ — Ю. Ф. САМАРИНУ

⟨Москва. Начало августа 1842 г.⟩¹

Ты прав, прав совершенно во всем, что говоришь ты касательно моей брошюры². Но ты, как кажется, не знаешь, какую подлую статью об ней напечатали «О⟨течественные⟩ з⟨аписки⟩». Я поручил Калайд⟨овичу⟩ отдать Краевс⟨кому⟩ экземпляр, но он уже имел его.— Как?— признаюсь не умею и придумать.— Ты соглашаешься в том, что я часто повторял тебе: т. е. что особенно я возбуждаю к себе недоверчивость и сомнение.— Я узнал, что К е т ч е р (след⟨овательно⟩ и Гранов⟨ский⟩ и др.) против меня и даже согласен с статьею Белинс⟨кого⟩. Мне было это неприятно, но это уясняет мои с ними отношения — и тем я доволен.— Видел я

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧЪ

ПОЛЕВОЙ.

СОЧИНЕНІЕ

В. БѢЛИНСКАГО.

Санктпетербургъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1846.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ
КНИГИ БЕЛИНСКАГО
«НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕ-
ВИЧ ПОЛЕВОЙ», 1846 г.

Павлова; ему ужасно хочется отделить тебя и Хомякова от меня во мнении о Гоголе; он все мне доказывал, что ты и он не согласны со мною. — Жаль, очень жаль, что тебя нет в Москве; мне нужен был бы совет твой вот в чем: я написал ответ на подлую рецензию на меня и отдал в «Москв<итянин>»³ — но помещать ли ответ вообще, и именно этот? — Вот о чем я у тебя спрашиваю; посылаю тебе черновой мой ответ. Скажи мне, мой любезный Самарин, как мне делать, отвечать ли? и если отвечать, хорош ли этот ответ? (Что касается до слога, то он будет, разумеется, исправлен.) Я еще успею взять у Шевырева свой ответ. — Павл<ов> советует напечатать; ему нравится мое объяснение, но я все еще колеблюсь. Итак, я жду твоего ответа; не замедли, если можно <...>

Автограф. ЦГИАЛ. Фонд К. С. Аксакова (№ 883, ед. хр. 17, л. 19—19 об.).

¹ Дата письма определяется его содержанием — откликом на статью Белинского, опубликованную в августовской книжке «Отеч. записок» 1842 г.

² К. С. Аксаков имеет в виду свою брошюру «Несколько слов о поэме Гоголя „Похождения Чичикова, или Мертвые души“», вышедшую в свет в июле 1842 г. Эта брошюра была рецензирована Белинским («Отеч. записки», 1842, VIII, отд. VI, стр. 46—51), закончившим свой разбор протестом против «ребяческих фраз» и антиисторических абстракций К. С. Аксакова, затемняющих понимание произведений Гоголя. Уничтожающие отзывы Белинского еще более усилили озлобление Аксакова против критика.

³ Ответ К. С. Аксакова на рецензию Белинского был помещен в «Москвитянине», 1842, IX, под заглавием «Объяснение». Ответ датирован 17 августа 1842 г. См. следующее письмо.

107. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

24 августа <1842 г.>

...Статья в «Отеч. записках» писана Белин<ским>, и это не странно. Бел<инский> был недавно в Москве и был недоволен приемом, ему сделанным. К тому же он изменяет свое направление ¹ <...>

Авторская копия. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/XV, 343).

¹ См. примечания к предыдущему письму.

Враждебно-предубежденное отношение всей семьи Аксаковых к Белинскому заставляло их видеть в выступлениях критика, направленных против его идейных противников, какие-то личные мотивы. 17 августа 1842 г. В. С. Аксакова писала той же корреспондентке: «В „От<еч.> записках“ помещена самая недобросовестная статья о ней <брошюре К. С. Аксакова>, но на такую статью, где видна больше личность, не стоит возражать» (ЛБ. Фонд Аксаковых, ГАИС, III/XV, 343). Ср. также в наст. публикации подобные же высказывания Н. М. Языкова (прим. к письму № 89).

108. И. П. ГАЛАХОВ — Н. Х. КЕТЧЕРУ

<Пензенская губ.?> 17 ноября <1842 г.>¹

...Я что делал? мало дела — поглощаю разные книги — легкие и совсем мудреные вполнину, большей частью немецкие — читаю везде с приятельским удовольствием похвалу твоему переводу ², утешаюсь торжеством Белинск<ого> и славянским энтузиазмом Аксакова ³ — это все по теоретическому отделению — по практическому же во 1-х часто скучаю, кроме того вожусь с хозяйством и крестьянами <...>

Автограф. ЛБ. Бумаги И. П. Галахова (М. 5185/4, л. 2).

¹ Дата письма определяется его содержанием.

² Рецензии на переводы Шекспира (см. выше письмо № 91) появлялись в «Отеч. записках» по мере выхода в свет каждого очередного выпуска. Некоторые из них были написаны В. П. Боткиным.

³ Галахов имеет, вероятно, в виду полемику Белинского с К. С. Аксаковым по поводу «Мертвых душ» Гоголя. См. «Москвитянин», 1842, IX и «Отеч. записки», 1842, XI. См. выше письма №№ 106 и 107.

109. Н. Г. ФРОЛОВ — Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

Bagni di Lucca. 17 июня 1843

...Сожалею, что в последний приезд в Россию не познакомился с Белинским).

Копия рукой Е. К. Станкевич. ГИМ. Фонд Станкевичей (№ 276, ед. хр. 108, л. 45).

Николай Григорьевич Фролов (1812—1855) — отставной поручик, проживавший в 1830—40-х годах за границей, где сблизился с Грановским, Станкевичем и Бакуниным.

Белинский, зная его по рассказам Грановского, сочувственно упоминал о нем 22 сент. 1839 г. в письме к Боткину («Письма», II, 91). В первой половине 1842 г. Фролов был в России. Он вызвался написать биографию Станкевича, друзья которого охотно предоставили ему для этого свои материалы. 20 апреля 1842 г. Белинский писал Боткину:

«Интересно, как напишет Фролов биографию Станкевича, которой, по моему мнению, невозможно написать» («Письма», II, 307).

Как нами установлено, работа о Станкевиче доведена была Фроловым до конца. В его бумагах, хранящихся в Отделе письменных источников Гос. исторического музея (Москва), сохранились не только черновые материалы для этой книги, но и цензурованный наборный оригинал, датированный началом 1849 г., с многочисленными цензурскими купюрами.

Об отношениях Белинского и Фролова см. далее письма №№ 148, 151 и 154.

110. В. С. АКСАКОВА — М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ

3 декабря <1843 г.>

...Замечания на Белинского не будут печататься в «Москвитянине», хотя Шевыре<в> и написал уже, не надобно связываться с ними ¹ <...>

Авторская копия. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/XV, 343).

¹ Вероятно Шевырев пытался отвечать на обвинения Белинского, заклеившего Шевырева как доносчика и клеветника: «Г. Шевырев, — писал Белинский, — давно хлопочет об истреблении в русской литературе вредного духа неуважения к писателям, с которыми он, г. Шевырев, находится в приятельских отношениях; для этого он решился твердо, какими бы то ни было способами, заставить замолчать литературных бобылей и безыменных критиков, которые, кроме критик и рецензий, иногда пишут и типические очерки... Не знаем, удастся ли г. Шевыреву его истинно благонамеренное литературное предприятие; но знаем, что он не отстанет от него, не употребив всех усилий, не испробовав всех средств» (VIII, 294).

111. М. Ф. КОРШ — Н. Х. КЕТЧЕРУ

<Москва.> 13 дек<абря> <1843 г.>¹

...Что уж вы все нападаете на «Московские» вед<омости>? Я подозреваю, что вы их не читаете; иначе по свойственной вам справедливости вы бы согласились, что это лучшая русская газета. Не я одна говорю это, и Авдотья Петровна так же о ней относится ². Пожалуй<й>ста, возьмите на себя труд просматривать всякий номер, и вы увидите, что я сужу без всякого пристрастия.

От газеты перехожу к Белинскому, который также моя слабость. Пожалуй<й>ста передайте ему мой душевный поклон и желания ему семейного счастья — это говорится без всякой иронии ³. Как хотелось бы мне посмотреть на него с женою!

Автограф. ЛБ. Фонд Грановских (М. 5185/9, л. 2 об.).

Мария Федоровна Корш (1809—1883) — приятельница Герцена и Грановского, «умная и многосторонне образованная женщина», как характеризует ее П. В. Анненков.

¹ Строки эти являются припиской М. Ф. Корш к письму Е. Б. Грановской.

² Авдотья Петровна Слагина (1789—1877) — мать И. В. и П. В. Киреевских. В начале 1840-х гг. ее салон был центром дискуссий славянофилов и «западников».

³ Белинский женился незадолго до получения настоящего письма. В письме к невесте от 3 ноября 1843 г. он рассказывал, как подтрунивала над ним М. Ф. Корш, узнав о его предстоящем браке («Письма», II, 1—2).

112. Н. Х. КЕТЧЕР — А. И. ГЕРЦЕНУ

⟨Петербург. Около 12 июня 1844 г.⟩¹

... Виссарион переехал на дачу, т. е. в лачугу, полуразвалившуюся, две стороны которой выходят на двор, третья на огород, а четвертая в так называемый садик, в котором к стене приделан парусиновый навес, три сирени, две паршивых березы, лоза и всякая дрянь и сор, а он очень доволен² ⟨...⟩

Автограф. ЦГАОР. Коллекция Герцена — Огарева (№ 5770/85).

¹ Дата определяется на основании письма Герцена от 6 июня 1844 г., ответом на которое и является настоящее письмо.

² А. В. Орлова, сестра жены Белинского, так описывала эту дачу, находившуюся в Лесном: «Дача у нас была омерзительная, построенная из барочного леса и оклеенная самыми жалкими обоями. Ветер гудел беспрерывственно под полутонклевшимися обоями; в комнатах было так холодно, что мы все трое с ногами усаживались на диван и с нами две молодые собачонки, чтобы лучше согреться, и со стола не снимали самовара» («В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 399). Такое же описание см. в воспоминаниях А. Я. Панаевой, цит. изд., стр. 183).

113. А. Д. ГАЛАХОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

Москва. 14 октября 1844 г.

Известие ваше, любезнейший друг, об «Отечественных записках» потрясло меня и Кудрявцева сильно¹. Чего доброго! Эти друзья на все готовы. Если, для сохранения «Москвитянина», Увар(ов) не пустит нового журнала, то, для сохранения же, он может вредить и старому журналу². При том обиженное самолюбие Погод(ина) и Шев(ырева), которому «Отечественные записки» нанесли чуть не смертельные удары, вероятно, вопило об отмщении. В бытность свою в Москве, они часто бывали у Сер(гея) Сем(еновича), проводя у него целые вечера; он сам навестил Погодина, который по болезни не мог к нему явиться. В эти или другие времена, только вероятно, что они напевали ему об «Отечественных записках», которые не дают житья «Москвитянину», теряющему более и более подписчиков. В Поречье³ гостили трое: Шевы(рев), Давыд(ов)⁴ и Перевощиков⁵. При Перевощикове вслух говорить было нельзя: он бы прямо вооружился и откровенно сказал бы: неправда, «Отечественные записки» не только хороший, но и единственный журнал. След(овательно), наветы делались втайне. Давыдову нет причины вооружаться против «Отечественных записок», потому и не думаю, чтоб он оказал свое содействие. Разве Шевырев просил его сильно? Впрочем, здесь нет никаких слухов; послушаю и поразведаю — тогда уведомя. Мне кажется, любезный друг, вам надобно действовать единственно через связи, которые внушили бы министру, что причиной всех наветов — личности и что не должно обращать внимание на оскорбленное самолюбие издат(еля) «Москвитянина» и его критика. Вам не привыкать действовать благоразумно ⟨...⟩

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Г», л. 42).

¹ Письмо Галахова является ответом на информацию Краевского о выступлении министра народного просвещения С. С. Уварова против «Отеч. записок». Об этом выступлении, равно как и о том, что оно было инспирировано Шевыревым и Погодиным, Краевский мог узнать от А. В. Никитенко, который 1 сентября 1844 г. отметил в своем дневнике: «Поутру был у нашего министра. Кажется, на него порядочно подействовал прием лести, поднесенный ему москвичами. Слабые нервы этого живого, но нетвердого ума не выносят этого рода щекотания. Он ужасно вооружен против „Отеч. записок“, говорит, что у них дурное направление — социализм, коммунизм и т. д. Очевидно, что это навеяно м о с к в и ч а м и - п а т р и о т а м и, которым во что бы то ни стало хочется быть вождями времени. Министр желает не щадить „Отечественных записок“» (А. В. Н и к и т е н к о. Записки и дневник, т. I, изд. 2-е, 1905, стр. 355).

² Погодин и Шевырев во время пребывания С. С. Уварова в Москве использовали свои связи, чтобы добиться отрицательного ответа на просьбу Т. Н. Грановского о разрешении ему издания журнала «Московское обозрение». В письме от 13 октября 1844 г.

Галахов извещал Краевского: «Журнала Грановского не будет, министр шадит „Москвитянина“ и потому не дает разрешения, — это мне сказывал сам Давыдов» (ГПБ. Ф. Краевского, «Письма»: «Г»). Характерен отклик Грановского на эти события в письме к Кетчеру от начала 1845 г.: «Поклонись Белинскому. Мы его часто и любовно поминаем. Я помирился даже с его невоздержными речами. Понимаю, как они сходят с благородного языка. Но что за подлая дрянь большая часть наших противников! Напрасно мы начали войну с ними. Это заставило их подумать, что они действительно важны» (ГИМ. Ф. 345, ед. хр. 1, лл. 43—44). В издании «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 464 — письмо это искажено.

³ П о р е ч ь е — имение С. С. Уварова, в 35 км от Можайска (см. подобострастное описание этого имения в большой статье проф. И. И. Давыдова в «Москвитяине», 1841, IX, стр. 156—190).

*Но пример лучше похвалит мои слова, и все пожелает слышать
Сам и слушать. Миллиарды капиталам выдумывались — истинный
Копилочка сокровищ В. Скоттине — капиталов не
выдумывались!*
Полевая.

Н. А. ПОЛЕВОЙ

Шарж Н. А. Степанова (?), 1830-е гг.

Третьяковская галлерей, Москва

⁴ Иван Иванович Д а в ы д о в (1794—1863)—профессор Московского университета, впоследствии директор Главн. педагогич. института, известный своей беспринципностью и рутинерством. Белинский относился к нему резко отрицательно (см. «Письма», I, 322).

⁵ Дмитрий Матвеевич П е р е в о щ и к о в (1788—1880)—профессор Московского университета, астроном. О его роли в исключении Белинского из университета см. в настоящем томе, стр. 400.

114. М. С. ЩЕПКИН — Н. Х. КЕТЧЕРУ

⟨Москва. Начало ноября 1844 г.⟩¹

...Гг. Языковым мое почтение и скажи, что цветы доведены благополучно². Поклонись Белинскому с женой.

Автограф. ЛБ. Фонд Н. Х. Кетчера (М. 5185/43, л. 3 об.).

¹ Дата письма определяется его содержанием — сообщением о возвращении Щепкина в Москву после гастрольной поездки в Петербург, закончившейся 31 октября 1844 г.

² Белинский характеризовал гастроли Щепкина как «событие весьма важное и в области искусства, и в сфере общественного понятия об искусстве» (IX, 70. Ср. XIII, 175—178).

[115. С. И. БАРАНОВСКИЙ — В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

⟨Гельсингфорс. 16/28 ноября 1844 г.⟩

...Начнем обозрение наших литераторов! — Сперва я охарактеризую тебе тех, кого я знаю лично. Издатель «Современника» Плетнев — ректор петербургского университета, сын дьячка, воспитатель наследника, стоящий теперь в кругу аристократов, человек благородного сердца, постоянный в своих суждениях и поступках, с прекрасными стремлениями, но лишенный ученого образования (хоть и кончил курс в университете и профессорствует) и оттого поневоле односторонний. Его литературное поприще должно быть тебе известно; как профессор он любим за свое умение обходиться и искусство говорить. Быть в его обществе приятно; у него на вечерах встречал я многих из наших литераторов. Графиня Ростопчина — очаровательна во всех отношениях. Представь себе молодую женщину с формами совершенно правильными, с черными, ясными глазами, с умным очаровательным лицом, грациозную в движениях, которая своим серебристым голосом выражает мысли, рождающиеся в поэтической, чистой и благородной душе, такую показала мне поэт-графиня. Князь Одоевский — с виду и по голосу немножко женоподобный и сладенький — обладает всеми достоинствами и недостатками светского человека, впрочем, я его мало знаю ⟨...⟩ Земляк наш Гребенка человек простой и добрый, привез себе в этом году из Киева жену премиленькую, он в союзе со всеми главными литературными партиями, и оттого его сочинения являются в разных журналах: в «Б⟨иблитеке⟩ для ч⟨тения⟩», в «От⟨ечественных⟩ зап⟨исках⟩», в «Соврем⟨еннике⟩» и «Звездочке». — Последний журнал издает пожилая девица Ишимова, для дамы очень хорошо образованная; вот уже вторая писательница, которая опровергает мысль, кем-то распущенную про дам-писательниц, будто они тяжелы и сухи в обществе. — Ее журнал, так же как и «Современник», существует на том основании, что кто хочет помешать свои статьи в их журналах, не должен за то ожидать себе денег. Прочие журналы следуют другому правилу, и дороже всех платит «Б⟨иблитека⟩ для чтен⟨ия⟩», издаваемая Сенковским, моим бывшим профессором арабской словесности; по своему характеру он настоящий поляк — смесь надменности и низости; его эгоизм равняется его многообъятной учености; хитрый, изворотливый и острый до колкости ⟨...⟩ Его сотрудник ⟨А. И.⟩ Очкин (сосед моего брата) — издатель «Академических ведомостей» много трудится собственно ради денег и с успехом. Кто вздумает печатать первые свои опыты, тому трудно получить за них деньги, к какому бы журналу он ни обратился. «Отечеств. записки», также «Литературную газету» и «Инвалид» издает Краевский, незаконнорожденный сын кого-то из вельмож. — Он работает единственно для денег и для них не пощадит никого и ничего; кажется, этим свойством довольно очерчивается его характер; он очень ловок и хитер и обладает искусством загребать жар чужими руками да пускать пыль в глаза. Главный помощник его Белинский, человек, говорят, умный (я его лично не знаю), работает и бранится тоже все ради денег. Он будет сильно участвовать и в «Финском вестнике», журнале, который с 1845 года будет издаваться молодым отставным моряком Дершау, сыном абского коменданта, большим говорунном и фанфароном. Наш земляк Бурачек издает плохой журнал «Маяк» и пользуется славой полоумного; я видал его только мельком. Другой наш земляк профессор Никитенко (он был цензором) принадлежит к числу моих

близких знакомых; он из вольноотпущенных крестьян Шереметьева, человек с благороднейшим образом мыслей и с большим природным умом, да и ему как-то недоставало солидного образования, и оттого он как писатель и как профессор является по преимуществу фразеологом — делает гоголь-моголь из каждой мысли; впрочем, это не мешает ему быть прекрасным человеком. У него я встречал иногда Вронченка — настоящего малоросса — и стихотворца Сорокина, побиваемого по временам своею женою. Вот и весь круг писателей, знакомых мне; да еще позабыл было Устрялова и Шульгина и Постельса, людей, трудящихся более на ученом поприще и еще более на учительском; все они люди достойные уважения. Из знакомых мне — Кукольник славится как кутила, а Греч и Булгарин (особенно последний) как подлецы. Действительно ли они заслуживают этого названия предпочтительно перед другими — не могу решить потому, что не видел их никогда. Надеждин теперь тоже в Петербурге учительствует и пишет для журналов, платящих: нужны деньги. Николай Полевой страдает гемороем, бедностью и большим семейством; это объясняет его многостороннюю деятельность; Ксенофонт Полевой тоже, бедняга, обанкрутился; у него был магазин на Невском; он честный малый <...> Позабыл еще журнал: незаконный «Сын отечества»; издатель его Масальский обладает чудною способностью — постоянно опаздывать; когда он служил в Государственном совете, обыкновенно прибегал на службу, когда другие уже собирались уходить, да и сидел один иногда до позднего вечера; он большой хлопотун и любит бросаться, суетиться, менять планы. Такой же кунк-татор, но впрочем совсем несходный — Сербинович — ханжа и тихоня — номинальный издатель «Журнала министерства народного просвещения». NB: это министерство — притон ханжей, князь Ширинский-Шихматов подает тому пример; он же и председатель Русского отделения Академии, которое черпает воду решетом, собираясь издать лексикон, да еще грозит изданием преплохой грамматики; превосходительных в ней много, да в превосходных недочет. Еще приходят в голову кой-какие писатели — мой товарищ по университету Тургенев, поэты Некрасов, молодой Аполлон Майков, недавно воротившийся из-за границы, и др., да боюсь и так наскучил тебе своими короткими характеристиками; так кончу эту статью сегодня полученным известием о смерти нашего славного баснописца Крылова, который в молодости хорошо играл в карты, а в старости съедал между прочим по поросенку и всю жизнь отличался необыкновенным неряшеством: и квартира и платье — все было грязно до гадости; теперь он и сам становится грязью, а когда-то среди этой грязи блистали светлый ум и благородное сердце <...>¹

Автограф. ЦГЛА. Фонд В. М. Лазаревского (1913/31, лл. 5—6 об.).

Степан Иванович Барановский (1817—1899) — педагог, товарищ И. С. Тургенева по Петербургскому университету, с 1843 г. профессор русского языка в Гельсингфорском университете. Впоследствии известный изобретатель, Белинский дважды сочувственно откликнулся на изданные Барановским учебные пособия («Краткий географический атлас», 1845 и «Изображение климатов земного шара», 1847). Адресат письма — Василий Матвеевич Лазаревский (1817—1890) — тогда начинающий литератор, автор повестей из народного быта, позднее — член совета Главного управления по делам печати. См. о нем «Лит. наследство», т. 49—50, стр. 488—506.

¹ Характеристика основных деятелей русской журналистики 1840-х годов, представленная Барановским, отличается меткостью и остроумием. Многие его зарисовки являются результатом личного знакомства с оригиналами (Плетнев, Никитенко, Масальский, Ишимова, Сенковский); лишь о сотрудниках «Отеч. записок» судит он только по слухам. Явно ошибочны предствления Барановского о Белинском, о котором он повторяет толки многочисленных противников критика. Информация о предстоящем участии Белинского в журнале «Финский вестник» подтверждается появлением имени Белинского как сотрудника в объявлениях о подписке на этот журнал. О предполагаемом сотрудничестве Белинского в «Финском вестнике» передает и хорошо осведомленный П. А. Плетнев в письме к Я. К. Гроту («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, стр. 297).

116. Н. А. ПОЛЕВОЙ — А. А. КРАЕВСКОМУ

<С.-Петербург. 9 декабря 1844 г.>

Посылаю вам, милостивый государь Андрей Александрович, редкость: оду И. А. Крылова. Она была издана в СПб, в 1790 году (в 4°, 10 стр., без обозначения типографии). Теперь ее не сыщете нигде. Напечатайте ее в «Отечественных записках», ибо она составляет любопытную черту к характеристике века, к жизни д е д у ш к и К р ы л о в а, а для журнала драгоценность¹. Тут можно прибавить и от себя несколько строк о Крылове etc. У меня есть много таких вещей, и я охотно передам их вам, ибо без того могут они потеряться. Посылка моя, надеюсь, не удивит вас. Можно быть различных мнений в том или другом, и взаимно уважать друг друга, и желать друг другу добра, предоставляя мелкую личную злость людям ниже названия человека. Осмеливаюсь думать, что мы находимся в таком положении. Об этом надобно бы когда-нибудь поговорить откровенно, и переговор привел бы ко взаимной пользе, и к пользе общего дела². Верьте почтению и преданности того, кто есть и будет ваш,

милостивый государь,
покорнейший слуга

Н. П о л е в о й

Дек<абр> 9 1844 г.

СПБ

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»; «Н — П», л. 542).

¹ Ода Крылова «На заключение мира России со Швецией» была включена в статью Белинского «Иван Андреевич Крылов» («Отеч. записки», 1845, II, отд. II, стр. 62—84), с отметкой: «Один литератор доставил нам опыт Крылова, который для редкости и как живой памятник духа того времени предлагаем здесь любопытству читателей».

² Этим письмом Н. А. Полевой сделал попытку сблизиться с «Отеч. записками», позиция которых по отношению к нему до этого времени была чрезвычайно враждебна.

117. А. В. СТАНКЕВИЧ — И. В. СТАНКЕВИЧУ

Петербург, 21 февраля 1845 г.

...Ты хочешь, Ваня, поболее услышать о Белинском и о прочих. Многого сказать нечего. Труды Белинского ты видишь в «Отечественных». Положение его скверное. Можно утвердительно сказать: «Отечественные» поднял Белинский. Краевский получает теперь чистого барыша в год сто тысяч. Белинскому дает только ш е с т ь. Кроме того, без разбора присылает ему для рецензии глупейшие книжонки и утомляет его глупою работою. Белинский человек семейный и не может довольствоваться плохим жалованьем. Не могу не удивляться силе и энергии, которую до сих пор сохраняет Белинский, несмотря на все обстоятельства. Я бываю у него. В нем много перемены. Прежняя дикость и необузданность редко являются в нем. Он стал умерен и тих. Жена его мне не нравится. И едва ли семейная жизнь отраднa для него¹ <...>

Автограф. ГИМ. Фонд Станкевичей (№ 351, ед. хр. 67, л. 106).

¹ А. В. Станкевич характеризует положение Белинского в «Отеч. записках», вероятно, повторяя слова самого критика. Ср. известные признания Белинского о его отношениях с Краевским в письмах к Герцену от 26 января 1845 г. и 2 января 1846 г. («Письма», III, 87 и 89). В то же, примерно, время, что и А. В. Станкевич, Белинского часто посещал Кетчер. К середине февраля 1845 г. относится его план организации в Петербурге нового журнала, с Белинским во главе. «Вы хлопотали о журнале в Москве, — писал Кетчер Герцену, — хлопоты не удались; но они могут удасться в Петербурге. Можно купить который-нибудь из здешних журналов, а купить и иметь журнал необходимо. Надобно сшибить подлеца Краевского, необходима и война беспощадная с юродивыми честно-подлыми славянами. Редактором должен быть Виссарий; ему нужно прямое получение тех же шести тысяч в год, которые он получал у Краевского; все прочие могут работать в чайнии будущих благ. Сверх того, я пишу к Николаю <Огареву>».

в эту субботу и на следующее
воскресенье Флиссельву Фридрих.
А поминаю в субботу и в воскресенье. Сего.
1^е Михаил, на ст. П. имени на-
именован его Фридрих, и на Фри-
дриху Фриду.

2^е Симо соборо ^{дого} Фридриху. Симо
старе Фриду Фриду - на-
именован Фриду Фриду Фриду
Фриду, Фриду Фриду.

3^е Неблизко от Фриду Фриду
Симо Фриду Фриду Фриду
Фриду Фриду Фриду, Фриду
Фриду.

Минимално Фриду Фриду
Фриду Фриду 2. Фриду Фриду
на Фриду Фриду Фриду

Через Фриду Фриду Фриду
Фриду Фриду Фриду Фриду
Фриду Фриду Фриду

Фриду Фриду Фриду Фриду
Фриду Фриду Фриду Фриду

Как Николай, так и ты с ума сошли углублением в естественные науки, когда так живо трепещуще теперь изучение наук социальных, политической экономии и истории с тех же точек» («Русская мысль», 1892, IX, стр. 10—11).

Об отношении А. В. Станкевича к Белинскому см. в настоящем томе стр. 281—290.

118. А. Д. ГАЛАХОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

1845, октябрь 5, Москва

...С большим удовольствием прочитал я в вашем письме строки: «Вспомните, что мы вместе вбивали „Отечественные записки“ в массу читающей публики». Да, это так, я это помню очень твердо, потому что никогда не забывал этого. Горжусь тем, что в итоге вашего успеха есть и моя лепта, замечательная своею искренностью <...> Вы спрашиваете у меня: какое мое мнение о журнале? что говорят о нем в публике? Но на что вам голос мой и публики, когда вам ясно указывают истину цифры — управляющие миром?

Теперь уж нет разногласия, как прежде. Все отзывы сливаются в один. Журнал ваш первый и по внутреннему достоинству и по числу подписчиков.

Его читают все, его хвалят люди, понимающие дело, его бранят невежды — эти три пункта, кажется, ручаются твердо за его славу. Слава, разумеется, вам, претерпевшим все возможные невзгоды журналиста, и поставившим на своем¹. Здесь мало одного ума, расчетов, соображений, здесь нужна твердость характера — да еще какая! Иногда, перевертывая страницы старых номеров, я с приятностию вижу, как многое незрелое сделалось зрелым и как журнал ваш с каждым годом более и более совершенствовался² <...>

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Г», л. 33 об.).

¹ Письмо Галахова об «Отеч. записках» очень характерно не только как авторитетное свидетельство об успехе журнала в самых широких кругах русской общественности, но и как показатель исключительного малодушия его автора, не рискнувшего напомнить Краевскому о Белинском, подлинном вдохновителе «Отеч. записок». В позднейших своих воспоминаниях Галахов исправил эту ошибку, откровенно заявив, что «критика в „Отеч. записках“ в первый год их существования не имела строгой определенности и единства направления. От редакции мы не получали на этот счет никаких положительных указаний. Характер этой „безыменной“ критики установился лишь в то время, когда Белинский стал главным распорядителем критического отдела» («Исторический вестник», 1886, XI, стр. 335).

² О трудностях, которые приходилось преодолевать Белинскому и Краевскому в первые годы издания «Отеч. записок», см. выше письма №№ 81 и 85.

119. А. ЛЫЦОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

<1840—1845 гг.>

...Осмеливаюсь и надумываюсь предложить «Отечественным запискам» мои небольшие сведения и мои ослабевшие руки: авось вы не бросите камнем в лоб за то, что вам кланяются...

Посылаю статейку, которую начал было сам (о, бедный!) переписывать и все и все для «Отечественных записок», все для Белинского, который неподдельно желал мне добра — я это знаю, — не слеп <...>¹

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Л—М», л. 143).

¹ В письмах Аполлона Лыцова, хранящихся в архиве Краевского, упоминается какая-то его работа о боярине Матвееве. Возможно, что о ней идет речь и в следующем письме Лыцова в редакцию «Отеч. записок»: «Ответьте: рискнете ли вы исполнить написанному? Если нет, согласитесь, я все сделал, чтобы поблагодарить и вас, и Виссариона Григорьевича за мои у вас похождения».

120. А. И. ГЕРЦЕН — Н. М. ЩЕПКИНУ

〈Москва. 10—12 марта 1846 г.〉

Я хочу завтра или послезавтра отсылать Белинскому статьи. А потому о журнале Мих(аила) Сем(еновича).

1-е. Желает ли М(ихаил) С(еменович), чтоб напечатать его фамилию или только первую букву.

Е. Д. и Н. М. ЩЕПКИНЫ
Раскрашенная фотография 1850-х гг.
Исторический музей, Москва

2-е. Само собою разумеется, что статья эта очень хороша — надобно местами сделать легкие поправки в слогое, это вздор.

3-е. Необходимо одно дополнение, хоть одну страничку о впечатлении первого представления, что давали и пр.

Напишите пожалуй(й)ста мне обо всем этом. Я вам буду по гробу благодарен.

Сверх того, надобно предоставить Белинскому право выбросить кой-какие подробности.

Да только я на это даю сроку т р и д н я — не более ¹.

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, д. 98, л. 41—41 об.). Без подписи и даты. В описях ошибочно значится как письмо Н. Г. Фролова.

¹ Авторство Герцена неоспоримо устанавливается почерком и самым содержанием письма. Содержание определяет и точную датировку.

Приняв окончательное решение об уходе из «Отеч. записок», Белинский в письме к Герцену от 14 января 1846 г. «кликнул клич» московским друзьям о доставлении ему материалов для задуманного им общественно-литературного альманаха «Левиафан».

В числе откликнувшихся на этот призыв был и М. С. Щепкин, предложивший для альманаха отрывки из своих воспоминаний. Белинский был чрезвычайно обрадован обещанием Щепкина, о чем 26 января писал Герцену: «Вещь драгоценная; я вспрыгнул, как прочел, что он хочет дать. Это будет один из перлов альманаха» («Письма», III, 97; см. также III, 100). 20 марта 1846 г. Белинский уже благодарил Герцена за полученные материалы: «Отрывок Михаила Семеновича — прелесть. Читая его, я будто слушал автора...» («Письма», III, 104). Дата цитируемого письма Белинского позволяет довольно точно установить и время написания печатаемого выше письма Герцена к Н. М. Щепкину.

Переход «Современника» в руки Некрасова и Панаева заставил Белинского передать весь полученный им для «Левиафана» материал в редакцию нового журнала. Воспоминания Щепкина были опубликованы в первом номере «Современника» 1847 г.

121. Д. П. ГОЛОХВАСТОВ — С. Г. СТРОГАНОВУ

⟨Москва.⟩ 16 апреля 1846 г.

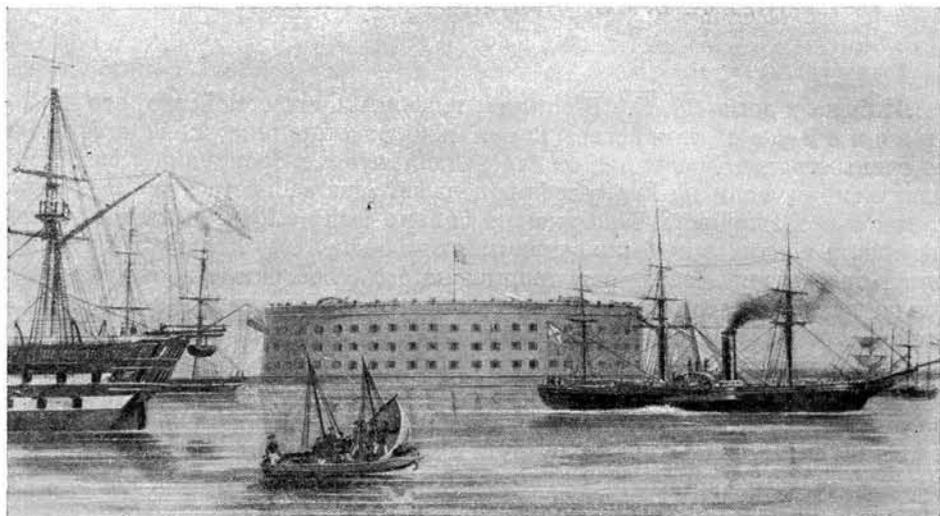
...Я был крайне изумлен прочтя полностью в № 4 «Отечественных записок» за подписью Л. статью г. Мельгунова, которую Вы запретили печатать в «Москвитянине». Что же станут говорить после этого о нашей цензуре, если то, что запрещается ею к печатанию в Москве, в журнале, не имеющем и 600 подписчиков, оказывается тотчас напечатанным в Петербурге в количестве 4000 экземпляров?¹

Равным образом любопытна в Библиографической хронике того же номера публикация об альманахе «Первое апреля», вышедшем в свет в Петербурге 1 апреля и объявление о котором помещено в номере 4-м «Отечественных записок», появившемся в тот же день с цензурным разрешением от 31 марта. Журнал постарался напечатать в 4000 своих экземплярах выдержки из этого альманаха и среди прочих пасквиль на Шевырева («Пушкин и ящерицы»), пасквиль на Погодина под именем Ведрина; будто бы он заплатил 5000 руб. управляющему какого-то русского князя (Тюфякина), живущего в Париже, чтобы приобрести за 35 000 руб. дом, стоящий 150 000 руб., и оскорбительного содержания стихи на Булгарина. Возможно, что все они и очень плохие люди, но хороша же и петербургская цензура, разрешающая пасквили и порочащие человека анекдоты, без обидных рассказывающие о его личной жизни? Хорош же и журнал, который, разоблачая эту цензуру, сам пользуется ею для того, чтобы в тот же день поместить в 4000 своих экземплярах перепечатку этих пасквилей?² <...>

Автограф (отпуск). Подлинник на французском языке. ГИМ. Фонд Голохвастовых (№ 404, ед. хр. 2, л. 24).

¹ Д. П. Голохвастов имеет в виду небольшую статью Н. А. Мельгунова: «Об искусстве жить (посвящается Юноше)», помещенную в отделе «Смесь» апрельского номера «Отеч. записок» и сопровождавшуюся следующим примечанием от редакции: «Поводом к этой статье, сколько нам кажется, послужила статья г. Погодина, помещенная во 2-м номере „Москвитянина“ нынешнего года и называющаяся „К Юноше“. По крайней мере эти слова утешения и надежды, доставленные нам неизвестным автором (которому приносим за них искреннюю благодарность), могут служить прекрасным ответом на мрачный, проникнутый горьким разочарованием дифирамб г. Погодина».

Повидимому, «криминальными» Голохвастову показались следующие высказывания Мельгунова в этой статье: «Жизнь в полноте своей, в высшем своем развитии, должна быть торжеством, обладанием, разумной и любовной свободой <...> Что значит быть властителем? Не тот властитель, который вокруг себя все подавляет, который для того, чтоб жить самому, не дозволяет жить другим. Нет, истинный властитель тот, кто, стоя выше всего, вступил со всем ему низшим в прямой, законный, естественный союз, кто не похитил насильем свою высшую ступень, занял ее по праву природы своей, по

КРОНШТАДТ. ФОРТ АЛЕКСАНДРА I СО СТОРОНЫ РЕЙДА.

Акварель неизвестного художника, 1850 г.

Военно-морской музей, Ленинград

непреклонному закону первенства <...> К чему <...> стремятся люди? К торжеству свободы над произволом...» и т. д.

¹ О Д. П. Голохвастове см. ниже письмо № 132.

² Речь идет о небольшом отзыве Белинского на изданный Некрасовым сборник «Первое апреля». Белинский писал в этом отзыве: «Вся эта книжка не больше как болтовня, но болтовня живая и веселая, местами даже лукавая и злая. Вот для образчика прозы два анекдота из „Первого апреля“». Далее Белинский привел полностью анекдоты Некрасова: «Пушкин и ящерицы» (направленный против С. П. Шевырева); «Как один господин приобрел себе за бесценок дом в полтораста тысяч» (о М. П. Погодине); «Славянофил» (о К. С. Аксакове) и стихотворный портрет Булгарина («Он у нас восьмое чудо») (X, 305—309).

Д. П. Голохвастов своим опытным глазом сразу же разгадал остроумный маневр Белинского, воспользовавшегося трибуной «Отеч. записок» для широкого распространения памфлетов, дискредитировавших его политических врагов (см. XIII, 337).

122. К. С. АКСАКОВ — И. С. АКСАКОВУ

«Москва, 16—18 мая 1846 г.»¹

...Бел<инский> и др. оставили Москву: я не встречался с ними и, чтобы избежать встречи, я не ездил ни к Коршу, ни к Чаадаеву². Бел<инский> был у Ефр<емова>, успел наговорить гнусностей и выругать меня, чем последним я очень доволен³ <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Аксаковых (ГАИС, III/III, 54-ж).

¹ Письмо датируется на основании сообщения об отъезде Белинского из Москвы, где он останавливался проездом, отправляясь с М. С. Щепкиным в путешествие на юг России.

Белинский выехал из Москвы 16 мая 1846 г.

² О посещении Белинским Чаадаева в 1846 г., во время пребывания критика в Москве, до сих пор известно не было.

³ Борьба Белинского против реакционного славянофильства, возглавлявшегося К. С. Аксаковым, в это время приняла особенно острые формы. В письмах этого периода Белинский называл К. С. Аксакова «жалко ограниченным человеком» и «шутом» («Письма», II, 88, 98).

123. А. В. СТАНКЕВИЧ — М. В. СТАНКЕВИЧ

19 мая <1846 г.>¹

...Я была в доме <М. С.> Щепкина, видела все его семейство, это пр е к р а с н е й ш е е семейство, какая добрая старушка жена его! Дочь его очень страдает, бедная ², она так слаба, что я в сравнении с нею могу назваться, ну если не Геркулесом (ведь вы еще засмеетесь из всех сил), ну так очень здорово. Мне ужасно больно было смотреть на нее, и как она проста и умна, мне было очень приятно с нею <...> Кстати, мы уже видели Константина Беера, расспрашивала его о сестрах его, они здоровы, больше почти ничего не узнала о них нового; сам он довольно худ, хоть и здоров, прекрасный молодой человек ³ <...> Алексей же Рж<евский>, кажется, совершенно возлюбил покой, был у нас только раз, перед выездом нашим в театр, на четверть часа и не показался более. Хорошо встретил его у нас Белинский, долго не выдавший его, первый его вопрос был: «а что, вы женились — и тысячу душ приданого взяли?» В самом деле, он еще располнел, вероятно, от того, что, как сказал мне Грановский, в Москве любят покушать, как в деревнях <...>

Автограф. ГИМ. Фонд Станкевичей (№ 351, д. 90, лл. 62 об.—63 об.).

Александра Владимировна Станкевич — сестра А. В. Станкевича, впоследствии жена Н. М. Щепкина. Встречи в Москве с Белинским в 1846 г. описаны в ее воспоминаниях («Воспоминания А. В. Щепкиной», Сергиев-Посад, 1915, стр. 127—130).

¹ Дата определяется содержанием письма.

² Фекла Михайловна Щ е п к и н а (1816—1852) — старшая дочь актера.

³ Константин Андреевич Б е е р (ум. в 1847) — член кружка Станкевича, младший брат А. А. и Н. А. Беер. Белинский упоминает о нем неоднократно как о «добром малом, чуждом всяких претензий» («Письма», II, 9).

124. И. В. СТАНКЕВИЧ — Н. М. ЩЕПКИНУ

Острогужск. 23 мая <1846 г.>

...Брат писал, что Белинский и Михаил Семенович едут в Крым чрез Воронеж и, может быть, пробудут в нем несколько дней — жаль, что не знаю, когда они приедут, — я постарался бы приехать ¹ <...>

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 32, л. 140 об.).

¹ Белинский приехал с М. С. Щепкиным в Воронеж 1 июня, а выехал 4 июня 1846 г. Николай Михайлович Щ е п к и н — второй сын артиста, служил в это время в Воронеже в кавалерийском полку. См. ниже адресованные ему письма матери и брата.

Как можно предположить на основании неопубликованного письма К. П. Барсова к Н. М. Щепкину, Белинский на обратном пути с юга снова посетил Н. М. Щепкина в Воронеже («Вы хандрите в Воронеже, как сказывал нам Белинский». — ГИМ, ф. 276, ед. хр. 31).

125. А. В. СТАНКЕВИЧ — Н. М. ЩЕПКИНУ

1 июня 1846 г

...Если Михаил Семенович <Щепкин> еще не проехал Воронеж, крепко обнимите его за меня да кланяйтесь Белинскому ¹. О его проходах из Москвы я читал в письме Панаева к Маслову, с которым и вижуся здесь ² <...>

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 98, лл. 164 об.—165).

¹ Белинский пробыл в Воронеже с 1 по 4 июня 1846 г.

² Письмо Панаева к И. И. Маслову о проводах Белинского из Москвы до нас не дошло. Герцен в письме к Краевскому от 20 мая 1846 г. отметил исключительное внимание, оказанное Белинскому в Москве: «Огромный обед у Шевалье и дюжина обедов дружеских, потом провода за 18 верст» (Полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, т. IV, стр. 413. Ср. «Письма», III, 119).

126. П. А. ПЛЕТНЕВ — И. С. АКСАКОВУ

15 июля 1846 г. — Санкт-Петербург

...Само собой разумеется, что рукопись Ваша, когда я получу ее, не пойдет к Никитенко, так как он открыто вовлечен в интересы Краевского, Белинского и Некрасова ¹. По Вашему указанию, я передам рукопись Очкину ². Хотя и он, будучи соучастником интересов Сенковского, у которого Никитенко нанят для критики, не чужд преследования противников вышеупомянутой тройки литературных кляч, но по меньшей мере скрывать еще не обнаруживал этого перед публикой <...>

Автограф. ЦИАЛ. Фонд Аксаковых (№ 884, оп. 6, ед. хр. 136, л. 3).

¹ Письмо Плетнева является ответом на просьбу И. С. Аксакова о содействии при рассмотрении в Петербургском цензурном комитете проектировавшегося им сборника стихотворений. Наружно сохраняя корректные отношения с А. В. Никитенко, Плетнев дискредитировал его за связи с «Отеч. записками» и за поддержку «натуральной школы». В письме от 20 июля 1846 г. Плетнев уверял Грота, что «у Никитенки тон, выражения и содержание — все как будто целиком схвачено из „Отеч. записок“ или „Библиотеки для чтения“» («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, стр. 809). Эти обвинения основывались на положительных высказываниях А. В. Никитенко о «Петербургском сборнике» Некрасова («Библиотека для чтения», 1846, III и IV). Именно эти статьи обеспечили впоследствии согласие Белинского и Некрасова на приглашение А. В. Никитенко в качестве официального ответственного редактора в «Современник».

² Амплий Николаевич Очкин (1791—1865) — цензор, журналист, впоследствии редактор «С.-Петербургских ведомостей».

127. Е. Д. ЩЕПКИНА — Н. М. ЩЕПКИНУ

<Москва.> 14 августа 1846

...Отец теперь в Севастополе. Он договорился за 40 спектаклей 8 тысяч рублей. И слава богу здоров. И Белинский тоже поправился, пишет отец, только жары им доедают ¹ <...>

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 96, л. 71 об.).

Елена Дмитриевна Щепкина (1789—1859) — жена М. С. Щепкина. См. о ней в «Воспоминаниях А. В. Щепкиной», М., 1915, стр. 238—239, а также ниже ее письма №№ 129 и 140.

¹ 14 августа 1846 г. Белинский и Щепкин были не в Севастополе, а в Херсоне. О поездке их в Севастополь см. следующие письма.

128. П. М. ЩЕПКИН — Н. М. ЩЕПКИНУ

<Москва.> 18 сент.<ября 1846>

От отца недавно получил письмо — он едет в Симферополь, а оттуда 10-го или 15-го сентября отправляется в Севастополь — где пробудет такое количество времени, которое не помешает ему вернуться в Москву к 15-му октября. Жалуется сильно на тоску и скуку, о Белинском пишет, что поправляется.

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 97, л. 60—60 об.).

Петр Михайлович Щепкин (1824—1877) — младший сын артиста, в это время студент Московского университета. См. ниже его письмо № 137.

129. Е. Д. ЩЕПКИНА — Н. М. ЩЕПКИНУ

<Москва.> 1846. Сентябрь 27

...Ты удивляешься, что отец не получил твоего письма. Кажется, и моих он не все получил. Ибо я писала все в Севастополь, а он очутился в Симферополе, и много моих писем не получит. Я недавно получила письмо, пишет, что он отправляется в Севастополь, а первого октября выедет домой. А вчерась нам сказывали, что Герцен получил письмо от Белинского. Пишет Белинский, что они после письма сами скоро будут ¹. И не знаю, что это значит. Стало быть отец виноград не будет есть <...>

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 96, лл. 77—78).

¹ «Когда ты будешь читать это письмо, я уже, вероятно, буду на пути в Москву», — писал 6 сентября 1846 г. Белинский Герцену из Симферополя («Письма», III, 159). Белинский и Щепкин прибыли в Москву около 13 октября 1846 г.

130. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

<Париж.> 1 октября <н. ст.?) <1846 г.>¹

Известие о твоей истории, Ванюша, приятно чрезвычайно, но печатать ее я решительно не знаю для кого ты будешь и как ты будешь ². Белинский сам не печатал, а всегда продавал книгопродавцам для печатаний ³, да его же и нет в Петербурге, кажется.

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

¹ Дата письма определяется его содержанием.

² П. В. Анненков имеет в виду «Историю лейб-гвардии Конного полка от 1731 до 1848 г.», над которой работал его брат, полковник И. В. Анненков (1812—1887). Труд этот выпущен был в свет в 1849 г.

³ Белинский выпустил в 1846 г. в свет книжку «Стихотворения А. В. Кольцова» со своей вступительной статьей и брошюру «Николай Алексеевич Полевой».

131. А. В. СТАНКЕВИЧ — Н. М. ЩЕПКИНУ

Удеревка, 14 окт<ября> 1846

...Очень интересно мне знать, что сказал Белинский о Беккере ¹. Знаю их обоих, и не думаю, чтобы они могли понравиться друг другу. От Беккера я на-днях получил письмо, которое меня рассердило. Есть в нем иногда дикости, но когда подумаю, сколько есть благородного и прекрасного в существе этого человека, прощаю их и люблю опять его <...>

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 98, л. 105).

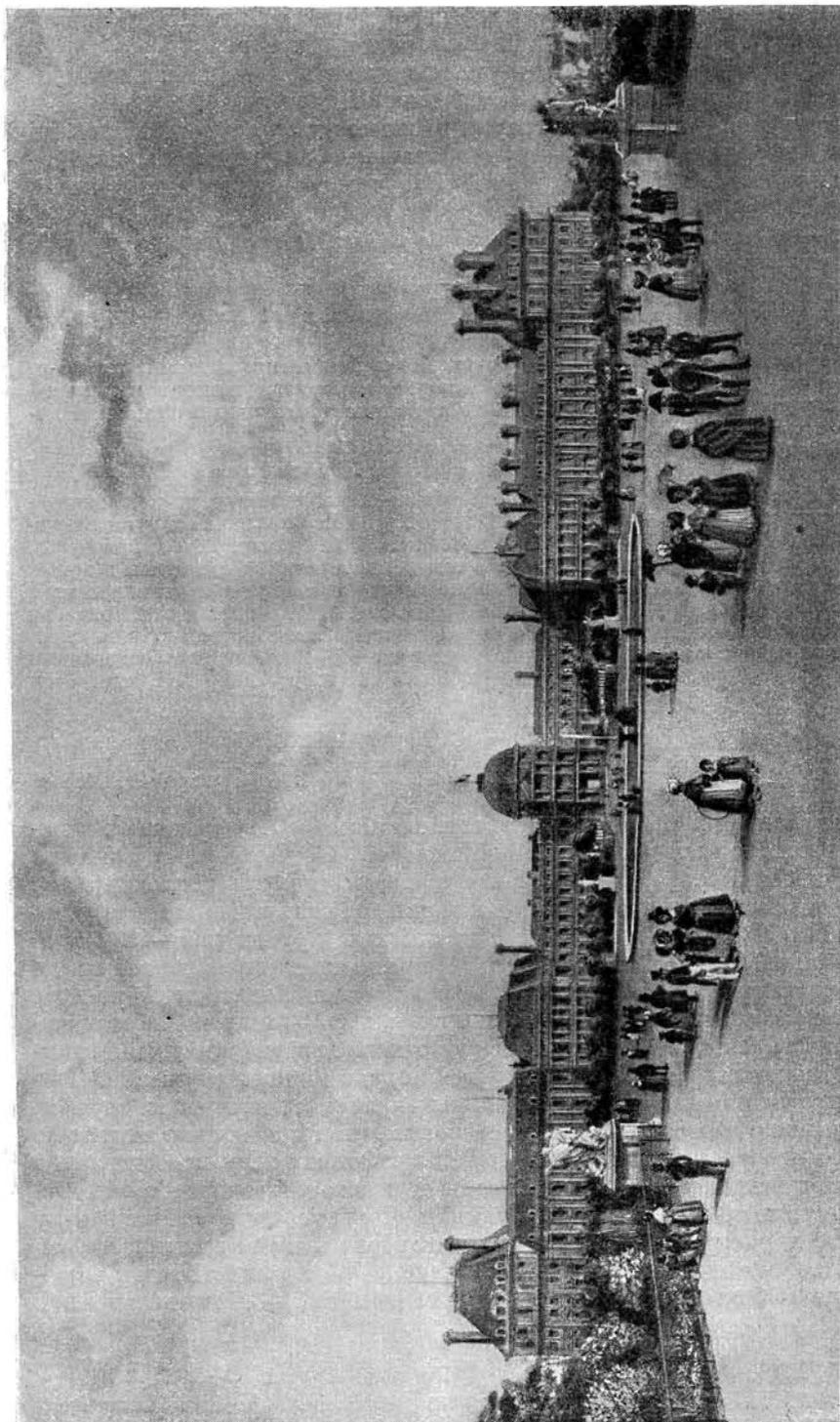
¹ Б е к к е р — товарищ А. В. Станкевича по Харьковскому университету, готовившийся к магистерскому экзамену. В переписке Белинского и в мемуарной литературе имя Беккера не встречается. См. о нем в кн. «Историко-филологический факультет Харьковского университета», Харьков, 1908, стр. 67 и 95.

132. НЕИЗВЕСТНЫЙ — Д. П. ГОЛОХВASTОВУ

<Около 1 ноября 1846 г.>¹

Я совсем было завернул ассигнации для подписки на «Современника». Но вдруг, как бомба, упала в меня прилагаемая афиша. Вот в чьи руки переходит благонамереннейший из журналов! Вот кто будет направлятелями наших мнений! (Я приложил афишу с подлинновками, чтобы не распространяться об этом в письме). Больно, грустно, гадко! И вот он новый comes!² Не проник ли я его уже давно? Не прав ли я?

Издание этого (возобновленного) журнала будет последним coup de grâce нашей нравственности и нашему монархизму. Увидят это: иные к

ПАРИЖ. ТЮИЛЬРИЙСКИЙ ДВОРЕЦ

Автолитография Ф. Бенуа, 1840-е гг.

«Тюльерийский дворец, с его площадью, обсаженной каштанами, с его террасою, с которой смотришь на рiасе de la Concorde (что прежде была площадь Революции), с ее обелиском, величественными фонтанами — это просто... Шехеразада» (из письма Белинского к жене от 22 июля/3 августа 1847 г.)

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

своей адской радости, другие к скорби неутешной. Я не теряю из памяти 1788, 1789 и 1790 годов фр<анцузского> переворота. Не так ли фр<анцузская> литература переходила в руки Бомарше и Мирабо?

У добрых людей останется одна надежда, хотя и макиавелистская: видеть столкновение Белинского и Некрасова с Краевским.

Греч и Булгарин устарели; но неужели не могут они восставить своих прозелитов, молодежь благоправную, благонамеренную, чтобы изобличить новых издателей «Современника»? Все это есть у них под руками, но... comes!!.

О, Русь! —остается плакать с тебе и над тобою! Бог, однакоже, хранивший тебя, сохранит тебя еще надолго³.

Автограф. ГИМ. Фонд Д. П. Голохвастова (№ 404, ед. хр. 28, л. 141—141 об.).

¹ Дата письма определяется его содержанием.

² Со ш е з (лат.) имеет несколько значений: спутник, провожатый, товарищ, единомышленник, наставник и пр. Автор письма намекает, повидимому, на закулисное влияние, оказывавшееся каким-то высокопоставленным лицом на политику правительства в области печати.

³ Письмо неизвестного реакционера к Д. П. Голохвастову (1796—1849), председателю Московского цензурного комитета и помощнику попечителя Московского учебного округа, ярко характеризует возмущение реакционных помещичьих и бюрократических кругов после появления информации о переходе «Современника» в руки Белинского и Некрасова. Прежний издатель «Современника» П. А. Плетнев 26 октября 1846 г. писал об этом Я. К. Гроту: «Объявление о новом „Современнике“, где буквы в аршин на зеленом огромном листе, уже разослано по городу и в города провинциальные» («Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», т. II, стр. 845). В письме от 27 октября 1846 г. Н. М. Языков сообщал Гоголю: «„Современник“ купили Никитенко, Белинский, И. Тургенев и прочие такие же, следственно с будущего 1847 г. сей журнал, основанный Пушкиным, будет орудием шелкоперов» («Русская старина», 1896, XII, стр. 645).

133. А. Д. ГАЛАХОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

1847, января 10. Москва

...Не прислав мне д а р о в о г о экзем<пляра> «Отечественных записок», вы сделали меня на нынешний год без «Отечественных записок» <...> Мне, как мнительнейшему на свете человеку, пришла в голову мысль: не показалось ли вам странным видеть мое имя два раза напечатанное у Современникостов: однажды в московских газетах, другой раз — в 1-м № «Современника»? Когда я это подумал, то, приписав вам некоторое на меня неудовольствие, я заключил, что вы не только меня обидите этим, но даже покажете свою ко мне н е б л а г о д а р н о с т ь — именно неблагодарность. Ибо есть большое различие между отношениями только что дружескими и отношениями, которые к дружбе присоединяют служение. Я не только друг вам, но в некотором роде и слуга — разумеется, слуга из дружбы. Малейшая тень с вашей стороны будет знаком, что вы не только нарушаете дружбу, но что вы и неблагодарны. Я дал Б<елинско>му повесть, давно обещанную и вам известную: вот та статья, о которой говорит «Современник», и вот почему вписан я в сотрудники «Современника»¹. Мне самому смешно, что я распространяюсь там, где говорит за меня десятилетнее сотрудничество, которое не только не ослабевало, но с каждым годом возрастало более и более. Но — как я уже сказал вам — я мнительнейший москвич <...>

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: Г), лл. 53—54).

¹ Повесть А. Д. Галахова «Превращение», представленная автором Белинскому для альманаха «Левифан», была напечатана в «Современнике», 1847, IV. Характеризуя Галахова как «половинчатого человека», Белинский писал о нем 14 января 1846 г. Герцену: «В нем много хорошего, но это хорошее на откузу у Давыдова и Кузьмы Рощина» («Кузьма Рощина» — прозвище Краевского). О позиции Галахова в «Отеч. записках» см. в прим. к письму № 70.

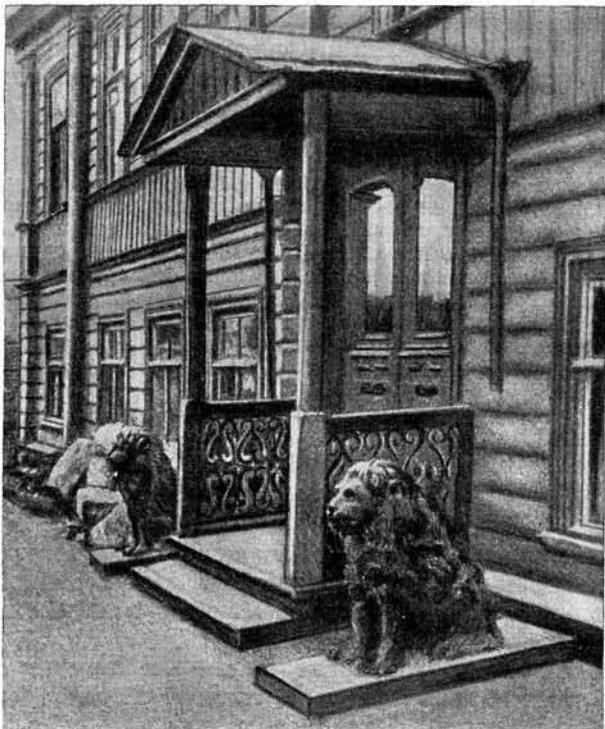
134. И. И. ПАНАЕВ — Н. Х. КЕТЧЕРУ, Т. Н. ГРАНОВСКОМУ,
А. И. ГЕРЦЕНУ и др.

⟨Петербург.⟩ 11 января 1847

...Белинский вам всем кланяется. Его здоровье получше — и вообще он сильно одушевлен ко 2 №. — Следствие этого одушевления вы прочтете ¹ <...>.

Автограф. ЛБ. Бумаги И. И. Панаева (М. 5185/27, л. 3).

¹ Информация Панаева должна была парализовать слухи о разладе в редакции «Современника» (см. об этом далее письма №№ 136 и 137). В № 2 «Современника», материалом которого Белинский был, действительно, доволен, ему принадлежали

ПОСЛЕДНЯЯ КВАРТИРА БЕЛИНСКОГО

Флигель дома И. Ф. Галченкова на Лиговском канале в Петербурге. Здесь жил (с октября 1847 г.) и умер великий критик

«Солнце России», 1910, № 28

общественно-политический фельетон «Современные заметки» и четыре критических разбора («Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя, «Повести, сказки и рассказы казака Луганского» Даля, «Воспоминания Фаддея Булгарина», ч. III, «Очерки Рима», А. Майкова).

135. К. Д. КАВЕЛИН — А. А. КРАЕВСКОМУ

Москва, 12 января 1847 г.

...А. Д. Галахов передал мне и записку о деньгах к Базунову и ваши лестные для меня отзывы о моих статьях. Это удовольствие было, однако, несколько нарушено небольшим недоразумением, которое вкралось в нашу переписку с вами через г. Галахова, по всем вероятностям — по моей же ошибке. Из ваших слов я заключаю, что вы думаете, будто я совершенно отказался от всякого участия в «Отечественных записках» и что статьи о

Несторе будут последние. Позвольте мне уверить вас, что этого я не говорил и не думал. Вы поймете меня, если я вам скажу, со всей откровенностью, необходимою в таких случаях, что мои симпатии и приязни весьма естественно влекут меня к «Современнику»; что мои труды будут преимущественно посвящены этому журналу — выходит уже само собою. Но так как я не думаю, чтоб в этот журнал могли поместить и так скоро все те статьи, которые я задумываю и пишу, — как бы мне хотелось, то я с величайшим удовольствием готов пересылать их вам. Конечно, мое участие в вашем журнале не может быть так деятельно, как до сих пор, но я не считаю себя в праве от него отказываться. Смею поручиться вам за то, что различия между статьями, помещенными у вас и в «Современнике», я не буду делать; и те и другие будут писаны равно добросовестно и по крайнему моему разумению. Наконец, я считаю себя обязанным засвидетельствовать вам, что, при всей моей симпатии к «Современнику», я очень высоко ценю журнал, издаваемый вами, ценил его так и прежде и до сих пор не имею никаких причин изменить моего мнения ¹ <...>

Автограф. ГПБ. Фонд А. А. Краевского («Письма»: «Д — К», л. 407).

¹ Письмо отражает двойственную позицию К. Д. Кавелина в момент реорганизации «Современника». Всячески подчеркивая свои симпатии к «Современнику» и веряя Белинского в активной поддержке нового журнала, Кавелин за спиной великого критика уже спешит наладить контакт с Краевским. Свою беспринципную сделку с «Отеч. записками» Кавелин пытался впоследствии мотивировать тем, что для него, равно как и для всей группы буржуазных либералов, в том числе Грановского, Боткина и Корша, не было *никакой* разницы между Некрасовым и Краевским как литературными «промышленниками». Эта «мотивировка» была, как известно, сразу и очень резко опровергнута Белинским («Письма», III, 178), но позиция Кавелина и после этого не изменилась.

136. И. И. ПАНАЕВ — Н. Х. КЕТЧЕРУ

7 февр<аля> 1847. СПб¹

...Я понимаю важность журнала. Я знаю, что в делах журнальных нельзя полагаться на один собственный ум и вкус. Некрасов понимает это также очень хорошо, и потому мы все делаем с общего согласия, и состав каждой книжки апробируется Белинским <...>

Что за пошлый и глупый вопрос: не б а т р а к ли у нас Белинский? — За кого же ты считаешь, наконец, меня, Кетчер? И после всего, что я писал вам!.. Это горько и больно!.. Мне, кстати, хотелось бы о многом поговорить с тобою по поводу кое-каких странностей в твоём письмеце, да в письме как-то неловко да... и скучно...² И без того неприятностей много! <...>

По делам журнальным Белинский писал с этою почтою к Кавелину³ <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Н. Х. Кетчера (М. 5185/27, л. 4).

¹ Письмо является ответом на не дошедшее до нас «ругательное письмо» Кетчера, о котором упоминал Белинский в письме к Тургеневу от 19 февраля 1847 г. («Письма», III, 179).

² Вопрос о включении Белинского в число пайщиков «Современника» оставался открытым до начала февраля 1847 г., когда критик окончательно принял условия Некрасова, определявшие его вознаграждение за работу в журнале в размере 8000 р. асс. в 1847 г. и 12 000 в 1848 г. Белинский сам отверг другие формы оплаты его труда (процентное отчисление с подписных сумм, специальное соглашение об обеспечении на случай болезни или смерти и т. п.), предпочитая «брать плату, как обыкновенный сотрудник и работник» («Письма», III, 178). Материально этот договор достаточно обеспечивал Белинского, но морально критик считал себя не совсем удовлетворенным, так как не подозревал, что уклонение Некрасова и Панаева от включения его в число пайщиков «Современника» объяснялось не какими-либо корыстными соображениями, а лишь боязнью его друзей, в случае его «неминуемого близкой смерти», связать себя и судьбу журнала с претензиями наследников Белинского (см. об этом в «Автобиографиях» Некрасова — «Лит. наследство», т. 49—50, стр. 154—158).

³ Это письмо Белинского к Кавелину до нас не дошло.

137. П. М. ЩЕПКИН — Н. М. ЩЕПКИНУ

⟨Москва. Около 15 февраля 1847 г.⟩¹

Кстати, или, лучше, некстати — ты прав относительно того, что писал о Белинском, — с ним поступили отвратительно — подло — гнусно². Здесьние же наши все, как мне кажется, гораздо более любят и в состоянии говорить, нежели делать. Конечно, это люди хорошие, имеют прекрасные убеждения, красноречиво высказывают их, — да не всегда поступают согласно этим убеждениям. Впрочем, сию минуту во время моего писания Бабст³ сообщил совершенно обратное известие, заимствованное из письма Белинского к Боткину, приехавшему недавно из-за границы, в котором Белинский просит никому не говорить о том, как с ним было поступили⁴, и потому ты сам знаешь, говорить ли кому об этом или нет ⟨...⟩

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 97, л. 63—63 об.).

¹ Дата письма определяется его содержанием.

² П. М. Щепкин (см. о нем выше письмо № 128) имеет в виду положение Белинского в редакции «Современника», о чем см. выше письмо № 136. Несправедливые обвинения против Некрасова, исходившие от московских друзей Белинского, были в значительной степени инспирированы В. П. Боткиным, ведущим в это время двойную игру и пытавшимся совместить личную близость с Белинским с ориентацией на «Отеч. записки» — оплот буржуазного либерализма.

³ Иван Кондратьевич Бабст (1824—1881) — см. о нем в настоящем томе, стр. 270. О его участии в «Современнике» 1847 г. см. «Лит. наследство», т. 51—52, стр. 166—167.

⁴ Письмо Белинского к В. П. Боткину, в котором якобы заключалась его просьба «не говорить о том, как с ним было поступили», нам не известно, но в письме к И. С. Тургеневу от 19 февраля 1847 г. Белинский отмечал, что на эту же тему у него было письменное объяснение с Кавелиным, которого он умолял не подрывать успеха «Современника» и не ссорить его, Белинского, с Некрасовым и Панаевым. Об этом же критик просил Тургенева: «если вы не хотите поступить со мною, как враг, ни слова об этом никому ⟨...⟩. Подобное дело и лично распутать нельзя ⟨...⟩, а переписка только еще более запутает его, и всех больше потерплю тут я, разумеется» («Письма», III, 179—180).

138. К. П. БАРСОВ — Н. М. ЩЕПКИНУ

⟨Москва.⟩ 17 февраля ⟨1847 г.⟩

...По субботам наши знакомые собираются у кого-нибудь одного, прошлую субботу были все у Боткина, где прямо мне бросилась в глаза на столе кружка жестяная с прорезом. К концу вечера Боткин прочел по его обыкновению за тайну при всех письмо от Белинского, в котором он пишет о своем страшном положении, о своей болезни и о том, что ему надо ехать за границу, а денег ни гроша, что он задолжал уже «Современнику», стало быть, с этой стороны вспоможения нет¹. Герцен, уезжая за границу, хотел излить свою щедрость над Белинским, а вышло, что он только хотел; у него взял на заведение лавки г-н Некрасов 5 тысяч (как вам, я думаю, известно) и потом писал, что он истратил эти деньги на издание того-то и того-то. Александр Иванович распорядился так, как бы не распорядились мы с вами, если бы у нас было столько, сколько у него. Он предоставил Белинскому получить с Некрасова 1000, т. е. предоставил больному человеку хлопотать о невозможном, да если бы даже и мог он получить с Некрасова, то все-таки получил бы только 1000 асс., что же это для больного Белинского за границей?

Он прибегнул к Боткину с просьбой, вследствие чего и явилась, вероятно, эта кружка с прорезом и вследствие чего и явилась подписка к концу вечера, самый большой куш пал на отсутствующего Огарева, куш этот в 600 р. Некто Мельгунов с 25-ю тысячами дохода не мог больше дать как 500 асс., а Корш с отрицательным доходом дал 30 серебром².

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 37, л. 96).

Константин Петрович Барсов (1821—1888) — воспитанник, а впоследствии зять М. С. Щепкина, почитатель Белинского; в дальнейшем — московский нотариус и общественный деятель либерального лагеря. См. о нем упоминания Белинского в «Письмах», I, 332; III, 170.

¹ Вечер, на котором Боткин организовал сбор денег для отправки больного Белинского за границу, приходился на 15 февраля 1847 г. В письме Белинского, прочитанном Боткиным на вечере, отмечалось: «Поездка моя на воды — миф. Некрасов не в состоянии дать мне 300 руб. серебром, которые он должен Герцену <...> Скажу тебе откровенно: эта жизнь на подаяниях становится мне невыносимой <...> Да что говорить об этом! Конечно, на этот раз дело идет о спасении жизни. На всякий случай напиши мне, в чем должен состоять мой шахим, чтобы съездить на 3 месяца то ль ко на воды в Силезию, и больше никуда. А поездка эта не только облегчила бы — излечила бы меня» («Письма», III, 162).

² 2 апреля 1847 г. В. П. Боткин писал из Москвы Краевскому: «Белинский едет на воды. Я рад, что мне удалось собрать ему тысячи две на эту поездку <...> Доктор его Тильман сказал, что если можно еще ждать ему какого-нибудь облегчения, так это от поездки на воды в Силезию. Но как ехать и с чем? Даже говорить было смешно. Но, приехав в Москву, я предложил приятелям сделать подписку; таким образом мы здесь собрали две тысячи асс., да и Анненков прислал 400 фр. Таким образом, с 2700 р. авось можно будет прожить 6 месяцев» («Отчет Публичной библиотеки за 1889 г.», прилож., стр. 78—79). Подробности подписки, отмечаемые в письме К. П. Барсова, до сих пор известны не были.

139. А. А. БАКУНИН — П. А. БАКУНИНУ

<Петербург.> 3 марта <1847 г.>¹

...Все общество пропитано каким-то ребячески циническим взглядом на семью и на отношения к женщине — которым хвастают, в главе стоит Белинский, но в нем цинизм уж не ребячество и имеет глубокий смысл. Это общество издает «Современник»² <...>

Автограф. ИРЛИ. Фонд Бакуниных (№ 16, оп. 4, ед. хр. 110, л. 49—49 об.).

Александр Александрович Бакунин (см. о нем выше прим. к письму № 5) — в это время преподаватель Ришельевского лицея в Одессе, приехал в Петербург в конце февраля 1847 г. Он хлопотал о получении заграничного паспорта для свидания с братом-эмигрантом, но безрезультатно (см. А. Корнилов. Молодые годы М. Бакунина, М., 1915, стр. 333).

¹ Дата определяется содержанием письма.

² Позиции Белинского как воинствующего материалиста и революционного демократа были совершенно неприемлемы для А. А. Бакунина и для его брата, П. А. Бакунина, эпигонов субъективного идеализма и мистиков: «Для нас не существует ничего, кроме любви и веры, — писал П. А. Бакунин 3 марта 1845 г. — Все, что не освящено ими, каким бы благом оно ни казалось, — есть зло, абсолютное зло. К чорту действительность! Только в одном идеале наше спасение, и не только наших, но и всего мира» (А. Корнилов. Годы странствий Михаила Бакунина, цит. изд., стр. 308—309). Эта идеологическая установка братьев Бакуниных исключала возможность какого-либо контакта между Белинским и ими в 1847 г.

140. Е. Д. ЩЕПКИНА — Н. М. ЩЕПКИНУ

<Москва.> 1847, 10 марта

...Милый мой Коля <...> Очень рада, что мы скоро увидим тебя. Каков добрый Белинской, все тебе сделал, давно бы его попросил¹ <...>

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, д. 96, л. 5).

¹ 4 марта 1847 г. Белинский писал Боткину: «Я получил письмо из Воронежа от Н. М. Щепкина: просит справиться в инспекторском департаменте военного министерства, почему нет резолюции на его прошение об отставке. Справщики нашлись, и дело будет сделано...» («Письма», III, 195). В письме от 5 марта 1847 г. Белинский упрекал Н. М. Щепкина за то, что тот медлил обратиться к нему с этим поручением: «Я действительно за подобное дело не взялся бы сам собою по решительной неспособности к делам такого рода; но у меня есть знакомые, а у моих знакомых тоже есть знакомые — люди разных сортов и служб <...> Приказ о вашей отставке подписан Е. И. В(еличеством) 28 февраля, и я его прилагаю при письме» («Три письма Белинского к Н. М. Щепкину», М., 1915, стр. 7—8).

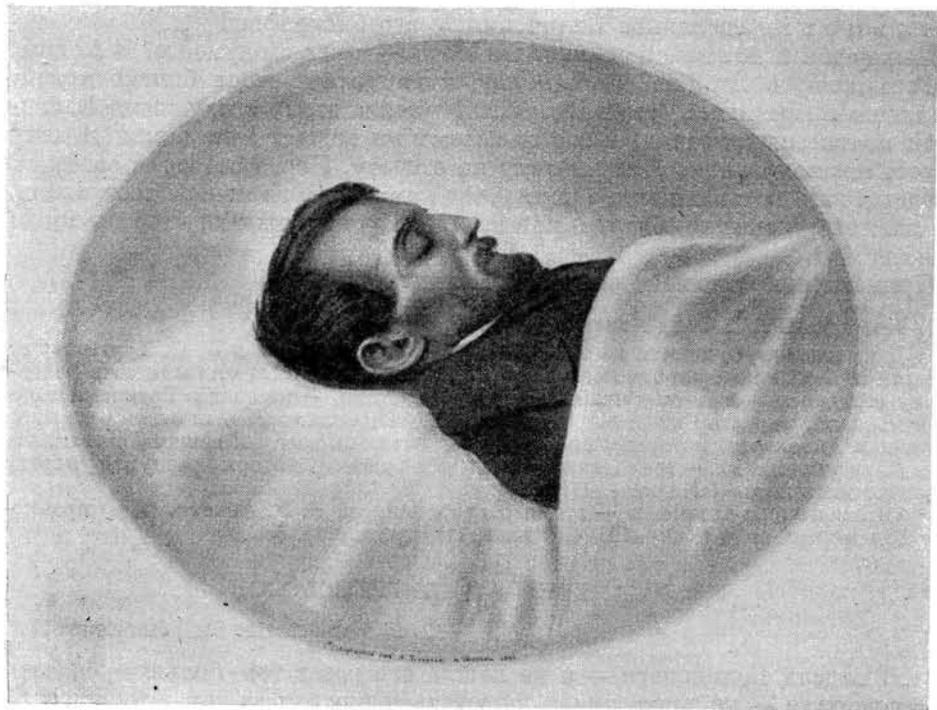
141. Н. П. ОГАРЕВ — А. И. ГЕРЦЕНУ

13 марта <1847 г.>

...В «Современнике», наконец, поместили «Отъезд», чего мне столько не хотелось, и по этому случаю я заслужил олимпийский гнев Виссариона¹ <...>

Говорят, Виссарион собирается попутешествовать, потому что болезнь его усиливается². Журнал нуждается в критике. Жаль, если он как-нибудь ослабнет, а я не знаю, кто без Виссариона его поддержит <...>

Статья Белинского о Гоголе состоит из выписок, за себя говорящих; но — или он много вышустил — чувствуется надобность в голосе критика³ <...>

БЕЛИНСКИЙ НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Раскрашенная фотография 1856 г. с картины маслом, писанной К. А. Горбуновым
27 мая 1848 г.

Местонахождение картины и фотографии неизвестно

Автограф. ЦГАОР. Коллекция Герцена — Огарева (№ 5770/95).

¹ Стихотворение Н. П. Огарева «Отъезд» опубликовано было в февральской книжке «Современника» 1847 г. О серьезных разногласиях в редакции нового журнала из-за стихов Огарева («Монологи» и др.) свидетельствует письмо Белинского к Боткину от 29 января 1847 г.:

«На счет стихов Огарева ты меня не совсем понял: кроме гамлетовского направления, давно сделавшегося пошлым, оно бесцветно и вяло в эстетическом отношении. Это набор общих мест и избитых слов, а главное — тут нет стиха, без которого поэзия есть навоз, а не искусство. Ты говоришь, что стихи не обязаны выражать дух журнала, а я говорю: в таком случае и журнал не обязан печатать стихов» («Письма», III, 161—162). Огарев и сам был недоволен этим стихотворением и называл его в письме к Грановскому от 25 апреля 1847 г. «тем несчастным „Отъездом“, который Панаеву с Некрасовым черт знает зачем хотелось напечатать» («Звенья», т. I, 1932, стр. 125).

² См. выше письмо № 138.

³ Статья Белинского о «Выбранных местах из переписки с друзьями» («Современник», 1847, II) показалась его друзьям и единомышленникам недостаточно резкой. Отвечая на их замечания, Белинский 28 февраля 1847 г. писал Боткину: «Статья о гнусной книге Гоголя могла бы выйти замечательно хорошою, если бы я в ней мог, зажав глаза, отжаться моему негодованию и бешенству <...> Вы живете в деревне и ничего не знаете. Эффект этой книги был таков, что Никитенко, ее пропустивший, вычеркнул у меня часть выписок из книги, да еще дрожал и за то, что оставил в моей статье. Моего он и цензора вычеркнули целую третью» («Письма», III, 185).

142. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

⟨Париж.⟩ ⟨15/⟩27 марта ⟨1847 г.⟩¹

Вот что: если вы будете посылать 3-й № «Современника», или 4-й, или оба вместе, как я писал, прикиньте к нему новое издание стихотворений К о л ь ц о в а, сделанное Белинским, с его биографией <...>

Между тем в мае месяце я решился ехать — куда вы думаете? В Афины, в Германию, в Италию? Совсем нет, а напротив, очень близко к вам, а именно в Бреславль, что в Силезии. Причина этому следующая. Белинский почти совсем зачах, и его посылают на воды в Бреславль. Я хочу видеть его непременно и еду к нему на встречу. Перед отъездом своим он зайдет к вам, возьмет какие будут у вас комиссии до меня и доставит их ко мне: это, вероятно, будет в мае месяце. Предупреждаю, чтоб вы знали это <...>

Приложенное письмоцо сообщите Белинскому ².

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

¹ Дата письма уточняется на основании письма Белинского к И. С. Тургеневу от 1 марта 1847 г., в котором отмечалось, что Анненков, для того, чтобы помочь Белинскому за границей, изменил «план своего путешествия, — не едет в Грецию и Константинополь, а едет в Силезию» («Письма», III, 91). Белинский был очень растроган решением Анненкова, которому писал: «Перед отъездом заеду к вашим братьям, заранее предупредив их — все сделаю, как следует человеку, который раздумал умирать и разохотился жить» («Письма», III, 188).

² «Приложенное письмоцо» — это, вероятно, записка П. В. Анненкова, датированная 25 марта (н. ст.?) 1847 г. См. «Письма», III, прим., стр. 368.

143. Н. А. БЕЕР — Е. Б. ГРАНОВСКОЙ

Ce 16 Mars, matin. St. Pétersbourg 1847

...Я видела Белинского — и не нашла его вовсе так больным, как вы мне говорили — не знаю, право, радоваться или нет за тех, кто остается еще здесь! Мне кажется теперь, что одно единственное благо этой жизни — это смерть — и самому умереть, без сомнения, всегда высшее благо перед ужасным испытанием видеть смерть любимого человека <...>

Автограф. ЛБ. Фонд Грановских (М. 8421/2, л. 2 об.).

Наталья Андреевна Б е е р — старая приятельница Белинского. См. выше ее письмо (№ 7). 28 ноября 1842 г. Белинский писал о ней Н. А. Бакунину: «Память обо мне б а р о н е с с ы Н. А. Бейер-фон-Вейсенфельд так дорога, и я за нее так благодарен, что да же прощаю Наталии Андреевне ее б а р о н с т в о и ее ф о н — непростительнейшие в глазах моих преступления» («Письма», II, 324). О встречах Белинского с Н. А. Беер весной 1847 г. в Петербурге, куда она привезла своего умирающего брата, свидетельствует письмо Белинского к жене из Зальдбрунна от 16 июня 1847 г. («Письма», III, 224).

144. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

⟨Париж.⟩ ⟨10/⟩22 апреля ⟨1847 г.⟩

...Летом я очень близко буду к вам, может быть, именно в Пруссии — там заведена теперь также система парламентской болтовни, то мне любопытно будет послушать, как немцы разглагольствуют ¹. Туда же придет и Белинский, как я вам писал <...>

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

¹ Вопрос о путях и формах борьбы с абсолютизмом накануне революции 1848 г. принадлежал к числу наиболее актуальных. Иронизируя по поводу новой «системы парламентской болтовни в Пруссии», Анненков считал, однако, что прусский опыт может быть с пользой учтен и русской либерально-дворянской оппозицией. Гораздо трезвее расценивал политическую ситуацию в юнкерской Пруссии Белинский, рассказывая 17 ноября 1847 г. Анненкову о своих берлинских впечатлениях: «Сначала штанды <собрание сословных представителей> повели себя хорошо, так что король почувствовал себя в неловком положении; но началось гладью, а кончилось гадью. Началось тем, что Финке предлагал собранию объявить себя палатой и захватить диктаторскую конституцию, а кончилось тем, что король распустил их с полным к ним презрением, и теперь держит себя восторжествовавшим деспотом.— Да отчего же это? — Оттого, что в народе есть потребность на картофель, но на конституцию ни малейшей; ее желают образованные городские сословия, которые ничего не могут сделать» («Письма», III, 264—265).

145. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

Зальцбрун <9/>21 июня <1847 г.>¹

Я получил ваше письмо, любезные братья, от 30-го мая уже здесь в Зальцбруне, на водах, где живем вместе с Белинским, который вам, Фединька, кланяется². Он вас очень жалует. С нами живет также молодой Тургенев, которого рассказы напечатаны в последней книжке «Современника» <...>

Ванюша теперь в хлопотах, но я рад, что пушкинские рукописи им не пренебрежены. Белинский мне говорил, что вы за них взяли весьма дельно, и я думаю, что к его возвращению в Россию, что случится в ноябре месяце, уже у вас будет готово что-нибудь весьма интересное показать ему³. Между прочим сказать, воды ему помогают видимо <...>

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

¹ Дата письма уточняется его содержанием.

² П. В. Анненков приехал в Зальцбрун 29 мая 1847 г. Белинский и Тургенев жили там уже с 22 мая.

³ И. В. Анненков, приятель и однополчанин командира лейб-гвардии конного полка генерал-майора П. П. Ланского, женатого на вдове Пушкина, подписал с ним в апреле 1852 г. контракт на новое издание сочинений Пушкина. В это же время И. В. Анненков привлек к работе над новым изданием своего брата — П. В. Анненкова (Б. Л. Модзалевский. Пушкин, Л., 1929, стр. 381—396). Печатаемое нами письмо П. В. Анненкова от 9 июня 1847 г. позволяет установить, во-первых, факт начала работы над подготовкой нового издания Пушкина не в 1852, а еще в 1847 г., во-вторых, ближайшее участие Белинского в обсуждении планов разработки литературного архива Пушкина.

146. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

Зальцбрун. 28 июня <ст. ст.> <1847 г.>¹

На счет твоих рисовальных изданий² мы поговорим, когда я буду в Париже, а буду я там, вероятно, в августе месяце. А здесь жду, во-первых, от вас письма, а во-вторых, книжки «Современника», по получении коих и отъеду отсюда в Дрезден; вам же приказывается, вероятно, к великому вашему удовольствию, ко мне более не писать и книг не высылать — впрямь до разрешения. Причина сему та, что я намерен с Белинским целый месяц шляться по Европе, останавливаясь в городах только, чтоб переночевать³ <...> Свое рождение я отпраздную единолик: ни Белинский, ни Тургенев не пьют вина, зато уж накачусь же я. — Adieu!

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

¹ Дата письма уточняется содержанием письма Белинского к жене от 25 июня 1847 г. Именно в эти дни определялся маршрут путешествия Белинского и Анненкова по Западной Европе.

² «Рисовальные издания» — вероятно, альбом рисунков и чертежей, которые И. В. Анненков хотел приложить к своей «Истории л.-гв. конного полка». См. выше письмо № 130.

³ Намерение Анненкова «целый месяц шляться по Европе» не осуществилось: Белинский спешил в Париж.

147. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

Франкфурт, 12/24 июля <1847 г.>¹

...Пишу к вам из Франкфурта-на-Майне, куда прибыл с большим Белинским <...> Из Дрездена выехали мы в Лейпциг, оттуда в Веймар <?>, где железная дорога кончается, и клочок до Франкфурта оттуда проехали мы в дилижансе. И теперь вспомнить ужасно. Нас поместилось в карете 6 человек, из которых все 6 закурили сигары по одному четвертаку сотня да потом заперли окна. Я стал кричать что есть мочи: выпустите и готов был тут же на дороге лечь. К счастью, место с кучером было, да я уж предлагал, чтоб запрягли меня вместо пристяжки — только чтобы не сажали в карету².

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

¹ Дата письма уточняется его содержанием.

² Поездка Белинского с Анненковым из Эйзенаха до Франкфурта описана самим Белинским 22 июля 1847 г.: «Ехать в дилижансе после железной дороги — пытка: тесно, душно, да еще проклятые немцы курят сигары — тоска, смерть, да и только» («Письма», III, 247).

148. Н. Г. ФРОЛОВ — Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

СПб. 21 июля 1847

...От Некр<асова> узнал твой адрес. Что делается с Вас<илием> Петр<овичем> Боткиным? Ог<аревым>? С Сат<инным>? Больного Белинского видел в Зальцбрунне¹.

Копия рукой Е. К. Станкевич. ГИМ. Фонд Грановского (№ 276, д. 108, лл. 58—59).

¹ Встреча Н. Г. Фролова с Белинским в Зальцбрунне до сих пор известна не была. О их заочном знакомстве см. выше письмо № 109. Возвратившись в Россию, Н. Г. Фролов поселился в Москве, где женился на сестре Н. В. Станкевича и примкнул к кружку Грановского; перевел «Космос» Гумбольдта, а впоследствии издавал «Магазин земледелия и путешествий». В. Н. Щепкин характеризовал Фролова, по семейным преданиям, как «холодного, настойчивого, скрытно-корыстного и рассудочного человека» (ГИМ. Фонд Щепкиных, № 276, ед. хр. 98, л. 41). Pamфлетная характеристика Фролова дана была Тургеневым в «Гамлете Щигровского уезда», в портрете некоего «отставного поручика, удрученного жаждой знания, весьма, впрочем, тупого на понимание и не одаренного даром слова». См. «Воспоминания» Е. М. Феофтистова, Л., 1929, стр. 3 и 37. Об участии Фролова в «Современнике» см. ниже письма №№ 151 и 154.

149. А. В. СТАНКЕВИЧ — Н. М. ЩЕПКИНУ

7 августа 1847 г. с. Удеревка

...Ты порадовал меня вестию, что Белинскому лучше, а также и тем, что он ругает Германию¹ <...>

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (ф. 276, ед. хр. 98, л. 144).

¹ Н. М. Щепкин, по всей вероятности, сообщил Станкевичу содержание письма Белинского к В. П. Боткину от 7 июля 1847 г. В этом письме Белинский, делаясь своими личными впечатлениями от политической жизни Германии, где буржуазия («штанды») пыталась в это время вести, весьма нерешительно и робко, борьбу за либеральные реформы, с гневным раздражением писал о немецких либералах: «У них в жилах течет не кровь, а густой осадок скверного напитка, известного под именем пива, которое они лупят и наяривают без меры. Однажды за столом был у них разговор о штандах. Один и говорит: „я люблю прогресс, но прогресс умеренный, да и в нем больше люблю умеренность, чем прогресс“... Этот же юный немец, желая похвалить одного оратора, сказал о нем: „он умеренно парит“» («Письма», III, 243—244). В этом же письме Белинский сообщал, что «кончил курс вод и немного поправился».

150. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

Париж <16/>28 августа <1847 г.>

...Около конца сентября приедет к вам Белинский, который теперь со мной и несколько поправился. От него вы узнаете, как я живу¹ <...>

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

¹ Белинский, выехав из Парижа 11 сентября (ст. ст.), высадился в Кронштадте 24 сентября 1847 г. О визите к Анненковым см. далее прим. к письму № 153.

151. Н. Г. ФРОЛОВ — Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

1847. Царское Село. (София)
10 сен<тября>

...И Пана<ев> и Некр<асов> любезны со мной: вести журнал — дело не легкое — требует умения, ловкости, деятельности, точности — нужно желать успеха нашим патронам; они прибегают к новым, свежим силам <...> Бел<инский> к концу этого месяца верно будет уже в Спб — рвется домой, едва только оправившись... чтобы истребить здесь остаток собравшихся сил... не может уже иначе¹ <...>

Копия рукой Е. К. Станкевич. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 108, лл. 61—62). Ответ Грановского на это письмо см. в издании: «Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, стр. 423.

¹ Вернувшись из-за границы, Белинский был возмущен печатанием в «Современнике» серии статей Н. Г. Фролова под названием «Александр фон-Гумбольдт и его „Космос“». Замечая, что Некрасов и Панаев привяли этот материал только потому, что Фролов «явился в редакцию с толками о Грановском, как о своем друге», Белинский писал Боткину: «Фролов бесспорно человек хороший, но литератор он плохой. Он холоден, сух, пишет сонно, нескладно и варварским языком. Будь его статья для одного номера — еще куда ни шло, а то ведь, кажется, номеров на десять пойдет пугать читателей и подписчиков „Современника“. Ужас!» («Письма», III, 285). См. резко отрицательную характеристику Фролова в «Литературных воспоминаниях» И. И. Панаева, «Academia», Л., 1928, стр. 349—362, а также в примечании к письму № 148.

152. И. И. ПАНАЕВ — В. П. БОТКИНУ

Петербург<ург.> 1847. Сентябрь¹

От Искандера получены письма из Avenue Marigny и будут напечатаны в X книжке; — Белинс<кого> ждем в Пет<ербурге> в исходе этого месяца...² Ему лучше³.

Автограф. ЛБ. Фонд М. П. Погодина (П. 20/86, л. 195).

¹ Публикуемые строки являются припиской на полях разорванного пополам письма Панаева. Имя адресата определяется на основании глухого упоминания в этом же письме о «Письмах из Испании» В. П. Боткина.

² Белинский возвратился из-за границы в Петербург 24 сентября 1847 г.

³ В неизданном письме к К. А. Горбунову от 15 ноября 1847 г. Боткин писал: «Белинский воротился из-за границы в Петербург гораздо здоровее, нежели прежде был» (ИРЛИ. 9191 Пб 62, л. 27).

153. П. В. АННЕНКОВ — И. В. и Ф. В. АННЕНКОВЫМ

<Париж.> <17/> 29 декабря <1847 г.>¹

Мне и Белинский написал, что у вас отличная квартира и что вы хорошие люди² <...>

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

¹ Дата письма определяется его содержанием.

² 20 ноября 1847 г. Белинский писал Анненкову: «Через неделю по приезде был я у ваших братьев. Что это за добрые души! Они обрадовались мне, словно родному, как говорится. Что у них теперь за квартира!» («Письма», III, 292). Через Белинского Анненков послал братьям какие-то «посылочки», о которых упоминается в одном из его неизданных писем.

154. Н. Г. ФРОЛОВ — Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

Царское Село, 29 января 1848 ¹

...Гг. Современники весьма внимательны к тебе и дорого ценят твое сотрудничество — если тебе нужно, то к твоему отъезду готовы вручить тебе деньги за целый год вперед — словом, черпай, сколько хочешь, но, разумеется, не ленись. Здесь совершается (если не на глазах моих, то слышу об этом) печальная драма с большим Белинским ² — человек обессилен, изнурен, бьется еще; хочет еще делать что-нибудь, а сил физических более нет, и начинает уже жить иллюзиями, самообольщением, откладываниями... все это страшно печально. Вдобавок, тут много вещей спутанных и неразрешимых... Но все это верно тебе хорошо известно. Вас(илий) Петр(ович) (дипломат) зовет меня знакомиться с Краевским!!

Впрочем, ты делано сказал: «Гг. Современ(енники), монополия у нас не должна быть»³ <...>

Копия рукой Е. К. Станкевич. ГИМ. Фонд Грановского (№ 276, ед. хр. 108, лл. 36—38).

¹ В копии явная ошибка: «1842» вместо правильного: «1848».

² Письмо характеризует положение Белинского в момент обострения его болезни в январе 1848 г., когда выяснилось, что он не сможет сдать во второй номер «Современника» окончание своей программной статьи «Взгляд на русскую литературу 1847 г.». В письме от 6 февраля 1848 г. Панаев сообщил Огареву, что «Белинский плоховат и писать совсем почти не может» («Новые Прописки», I, стр. 19).

³ Группа либералов, во главе с В. П. Боткиным, стремилась противопоставить революционно-демократической платформе «Современника», идейно возглавлявшегося Белинским, свою собственную журнальную трибуну — «Отечественные записки» Краевского, которые Боткин предполагал «усилить» сотрудничеством человека своего лагеря — Н. Г. Фролова. Идеино-политический смысл замышлявшегося предательского удара по умиравшему критику уясняется из письма В. П. Боткина к А. А. Краевскому от 3 апреля 1847 г. Боткин писал в нем: «Скажу вам по секрету: я считаю литературное поприще Бел(инского) поконченным. Он сделал свое дело. Теперь нужно и больше такта, и больше знания. Еще о рус(ской) литературе он может говорить (да и она у него, увы, сделалась рутиною), а чуть немного выходит из нее, из рук вон плохо» (И. А. Бычков. Бумаги А. А. Краевского, СПб., 1893, стр. 139).

155. А. В. СТАНКЕВИЧ — Н. М. ЩЕПКИНУ

<С. Удеревка, около 8 февраля 1848 г.>¹

...Второй номер «Современника» получен. В нем много русских повествований. Туда же попали и мои «Барышни»² <...>

Известие о Белинском навело на меня грусть³. Очень, можно сказать, грустно, когда подумаешь об этом человеке. Я просил Некрасова уведомить меня о его здоровье <...>

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 98, лл. 179—180).

¹ Дата письма определяется его содержанием.

² Повесть А. В. Станкевича «Из записок двух барышень».

³ О резком ухудшении здоровья Белинского см. пред. письмо.

157. М. С. ЩЕПКИН — Н. М. ЩЕПКИНУ

<Москва.> 15 июня 1848

...Белинской умер, жена и дочь без куска хлеба, и им собрали кое-что на первое время, а что будет дальше, бог знает. Это известие одно тоже из радостей нашей жизни, нет, прощай, гадко писать об этом, невыносимо обидно ¹<...>

Автограф. ГИМ. Фонд Щепкиных (№ 276, ед. хр. 96, л. 16—16 об.).

¹ Белинский умер 26 мая 1848 г., в пять часов утра. Подробности о его смерти Щепкин узнал, вероятно, от жены Т. Н. Грановского (Елизаветы Богдановны), который писал ей 27 мая 1848 г. из Петербурга: «Белинский умер вчера, сейчас отправляюсь к Тютчеву, где сговоримся, как похоронить его и что на первый случай сделать для его семейства. Он не оставил по себе ни гроша буквально. Горько и страшно подумать об этой участи. Мы дали свои деньги на погребение. Скажи московским друзьям, чтоб и они готовили деньги. Вдове и детям Белинского нельзя же просить подаяния» («Т. Н. Грановский и его переписка», М., 1897, т. II, стр. 274. В печатном тексте этого письма отметка о времени его получения Е. Б. Грановской в Москве («29 мая») ошибочно принята была за дату его написания. Ср. «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 318—321. См. также след. письмо).

158. А. П. ТЮТЧЕВА — И. С. ТУРГЕНЕВУ

<Петербург.> 23 июня <1848 г.>

Третьего дня Николай Николаевич привез мне из конторы вашу записочку, Тургенев, которая в первую минуту, признаюсь, несколько меня удивила;— я не могла придумать, как вздумалось вам, довольно-таки ленивому человеку на переписку, написать мне так много строк. Вы хотите знать что-нибудь о Белинском и вероятно ждете от меня, как от человека, ничем не занятого, много подробностей, а мне, право, так жалко, que vous avez si mal placé ваше ожидание и что я так мало в состоянии удовлетворить ваше любопытство ¹,— не умею порядочно рассказывать, да и нечего почти говорить об человеке, который все последнее время весь поглощен был ² физическими страданиями. Не могу выразить вам, как тяжело, как больно было смотреть на медленное разрушение этого бедного страдальца.— Воротился он из Парижа в таком хорошем состоянии духа и здоровья, что все мы, не исключая даже доктора, получили надежду на его выздоровление; тут провел он у нас несколько утров и вечеров в непрерывном, живом, энергичном разговоре, и все с радостью узнавали в нем прежнего, довольно еще здорового Белинского; но странно, что с самого его возвращения из чужих краев нрав его чрезвычайно изменился: он стал мягче, кротче, и в нем стало гораздо более терпимости, нежели прежде; даже в семейной жизни его нельзя было узнать, так он спокойно и, повидимому, без борьбы, мирился со всем тем, что прежде его так сильно возмущало ³.— Здоровое состояние его продолжалось недолго— он в Петербурге скоро простудился, и тут с каждым днем положение его становилось безнадежнее, при каждом свидании с ним мы находили его страшно изменившимся, и казалось, что более похудеть ему уж нельзя, но, увидав его опять, находили еще страшнее. В последний раз я была у него за неделю до его смерти; застали мы его полулежащим в кресле, лицо у него было совершенно мертво, но глаза огромные и блестящие; всякое дыхание его было стон, и встретил он нас словами: «умираю, совсем умираю», но это слово было выговорено не с убеждением, не с уверенностью, а скорее с желанием, чтоб его опровергли*.

* *Переписка Н. Н. Тютчева*: До сознательного убеждения не и в б е ж н о й близости смерти он не дошел, а умер почти как Кульчицкий, только что страдание его было продолжительнее и живее. Впрочем, он умер во-время⁴.

Нечего вам говорить, какие тяжелые два часа провели мы тогда у него; говорить он, разумеется, не мог, но его даже уж и не занимали и не могли расшевелить рассказы о тех предметах, которыми он прежде жил. Слег он в постель дня за три до смерти и, кажется, надеялся до тех пор, пока жива была в нем память; накануне он стал заговариваться, однако узнал Грановского, приехавшего в тот день из Москвы. Перед самой смертью он говорил два часа, не переставая, как будто к русскому народу, и, часто обращаясь к жене, просил ее все хорошенько запомнить и верно передать эти слова кому следует; но из этой длинной речи ничего уже нельзя было разобрать; потом он вдруг замолк и через полчаса мучительной агонии умер⁵. Бедная жена его, оставшаяся, как вы, верно, знаете, беременною, не отходила от него ни на минуту и совершенно одна прислуживала ему, поворачивала и подымала его с постели. Эта женщина, так всеми нетерпимая, право заслуживает всеобщее уважение, так усердно, с таким

СР-			
ВФ-			ВФ
БЛБ	23-го Мая, въ 5-ть часовъ утра, скон-		ДО
аз-	чался въ С. Петербургъ извѣстный лите-		ВЪ
рФ-	раторъ и критикъ Виссаріонъ Григорье-		ДР
ъз-	вичъ <i>Бѣлинскій</i> . (П. В.)		НУ

ИЗВЕЩЕНИЕ О СМЕРТИ БЕЛИНСКОГО, ПОМЕЩЕННОЕ
В «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЯХ» № 119 ОТ 29 МАЯ 1848 г.

Дата смерти критика указана неверно

терпением, так безропотно ухаживала она за больным мужем всю зиму⁶ и сама она, бедная, вся насквозь больна⁷. Участь семьи была устроена в день похорон Белинского, на которые были собраны все близкие ему люди, тут сделали подписку на единовременную помощь и на пожизненный пенсион⁸. — Вот все, что я могу вам передать, от души желаю вас удовлетворить, но не знаю, удастся ли <...>

Рукою Н. Н. Тютчева:

У В. П. <Боткина> в Москве, а у меня в Петербурге принимаются деньги для семейства покойного В<иссариона> Г<ригорьевича>. — Жму вам крепко руку <...>

Рукописная копия. ИРЛИ, фонд А. Н. Пыпина.

Александра Петровна Тютчева — жена Николая Николаевича Тютчева, близкого приятеля Белинского. В своих позднейших воспоминаниях «Мое знакомство с Белинским» Н. Н. Тютчев писал: «В конце 1844 г. я женился <...>, а в конце 1845 г. переехало к нам и семейство моей жены, состоявшее из ее матери и сестры <...> Белинский очень полюбил мою жену и родных ее и часто проводил у нас свободные часы» («Письма», III, 444—451).

Публикуемое письмо является ответом на не дошедшую до нас записку И. С. Тургенева к А. П. Тютчевой (из Парижа), в которой он просил сообщить ему подробности о кончине Белинского. С некоторыми купюрами и изменениями Тургенев впоследствии воспроизвел это письмо в заключительной части своих «Воспоминаний о Белинском». Имя А. П. Тютчевой Тургенев не назвал. Он опубликовал документ в качестве письма «одной близкой Белинскому дамы».

¹ За исключением слов: «вы хотите знать что-нибудь о Белинском» все начало письма в публикации Тургенева опущено.

² У Тургенева: «был истощен».

³ В тексте Тургенева: «волновало». В неизданном письме от 31 августа (12 сентября) 1848 г. В. П. Боткин писал Герцену (из Москвы): «Странно, брат, весть о смерти Виссариона сначала нисколько не поразила меня: я ждал ее; видел, как этот в высшей степени страстный человек стал ко всему равнодушен, его ничто не занимало, он примирлся вполне с своим женатым положением, жаловался только на свое здоровье и

видимо гас. Последние месяцы тяжело было быть с ним. А теперь мысль, что уже <его> нет, вдруг обдает душу таким жгучим чувством, что задыхаешься <...>» (ЦГАОР. Коллекция Герцена — Огарева, № 73).

⁴ Эта приписка Тургеневым не воспроизведена. В воспоминаниях о Белинском Тургенев писал: «Не раз приходится слышать слова: такой-то во-время, кстати умер... Но ни к кому они так несомненно не применяются, как к Белинскому. Да! он умер кстати и во-время. Перед смертью (Белинский скончался в мае месяце 1848 года) он еще успел быть свидетелем торжества своих любимых, душевных надежд и не видел их окончательного крушения... А какие беды ожидали его, если б он остался жив! Известно, что полиция ежедневно справлялась о состоянии его здоровья, о ходе его агонии. От тяжелых испытаний избавила его смерть...» («В. Г. Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948, стр. 371).

⁵ Сестра жены Белинского А. В. Орлова в своих воспоминаниях также сообщает о предсмертном обращении Белинского к народу. См. цит. изд., стр. 404—405. См. об этом и в воспоминаниях К. Д. Кавелина и И. И. Панаева. См. также сообщение Т. У х м ы л о в о й: «Материалы к биографии Белинского из архива А. Н. Пыпина». — «Лит. наследство», т. 57.

⁶ На этом месте прерывается публикация Тургенева, опустившего весь конец письма, а также сообщение о беременности Белинской и о том, что она была «всеми нетерпима».

⁷ О М. В. Белинской см. сообщение Р. За бор о в о й: «Новые материалы о М. В. Белинской». — «Лит. наследство», т. 57.

⁸ См. прим. к предыдущему письму. 31 мая 1848 г. Т. Н. Грановский писал из Петербурга жене: «Несчастливая его <Белинского> жена достойна сожаления. У нас уже есть 500 р. серебром для передачи ей» («Т. Н. Грановский и его переписка», цит. изд., т. II, стр. 274).

В некрологах, напечатанных в «Отеч. записках» и «Современнике», указывалось, что Белинский скончался 26-го и был погребен 28 мая 1848 г. Этим датам противоречил печатный текст письма Грановского, на основании которого в «Летописи жизни Белинского» (М., 1924, стр. 244) отмечалось, что критик скончался 28-го и похоронен 30 мая 1848 г. («Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, стр. 274). Отсюда пошла путаница в указании дат смерти и погребения Белинского.

В поисках точных дат этих событий нам удалось, лет десять назад, найти в архиве церкви на Волковом кладбище приходо-расходную книгу, в которой под 28 мая 1848 г. имеется такая запись:

«Виссарион Григорьев Белинский
За копку могилы 1 руб.
За катафал 2 руб.
На храм 50 коп.
За место по 5 разряду 5 руб.»

Из этой записи ясно, что похороны Белинского были 28 мая 1848 г., так как расходы по похоронам уплачивались и вносились в приходо-расходную книгу церкви в день захоронения покойника.

Невозможно предположить, что друзья Белинского — Грановский, Некрасов, Панаев, Тютчев — сочли возможным по своей воле похоронить великого критика по 5-му разряду, в части кладбища, предназначенной для бедняков. Таково было, несомненно, желание М. В. Белинской, возможно имевшее основанием когда-либо выраженную волю самого Белинского. Во всяком случае, когда в 1883 г., в связи со смертью Тургенева, возник проект перенесения праха великого критика на «парадную», привилегированную часть Волкова кладбища, М. В. Белинская в резкой и категорической форме отклонила этот проект.

См. об этом в сообщении Р. За бор о в о й: «Новые материалы о М. В. Белинской» — «Лит. наследство», т. 57.

159. П. В. АННЕНКОВ — И. В. АННЕНКОВУ

Париж, 4 июля 1848 г.

Я уже знал, что Белинский умер, совершенно замученный жизнью. Он много унес у меня¹ <...>

Автограф. ИРЛИ. Фонд Анненковых (№ 7, ед. хр. 4).

¹ См. выше письмо № 156.

160. М. Л. МИХАЙЛОВ—В. Р. ЗОТОВУ

Нижний-Новгород. 11 июля 1848

Мне горько и больно было прочесть о смерти бедного Белинского. Мир ему в стране мертвых! И что за равнодушие, за холодность наших журналов? Ни один (кроме С П б В е д о м о с т е й) не поместил никакого биографического известия об этом в высшей степени замечательном человеке. Хорошо теперь, после Белинского, являться критическим талантам, но каково было ему бороться с старыми понятиями, а он вышел победителем. В «От⟨еч.⟩ зап⟨исках⟩» и «Совр⟨ременнике⟩» тоже в двух-трех словах говорится о его смерти. Или не очень приятно разоблачить читающей России, что человек, который 7 лет держал своею головою первый из этих журналов, который неутомимо работал и для второго, не мог даже ⟨до⟩ последнего времени быть обеспечен, а должен был опять-таки работать, работать и умереть над работою¹. Господи боже мой! Неужто все так рано гибнут у нас талантливые люди...²

Автограф. ИРЛИ. Собрание В. И. Яковлева (№ 357, оп. 3, ед. хр. 51).

Михаил Ларионович М и х а й л о в (1829—1865) — поэт, беллетрист, публицист и переводчик, товарищ Чернышевского по Петербургскому университету, впоследствии соратник его по революционной работе, вместе с Н. В. Шелгуновым составивший знаменитую прокламацию 1861 г. — «К молодому поколению». В начале 1848 г. Михайлов оставил университет и уехал на службу в Нижний-Новгород. Письмо его к редактору «Лит. газеты» В. Р. Зотову писано под впечатлением двух кратких информационных заметок о смерти Белинского в «Современнике» (1848, VI, «Смесь», стр. 173) и «Отеч. записках» (1848, VI, «Внутренние известия», стр. 157—158) и материала некролога «Виссарион Григорьевич Белинский», опубликованного К. А. Полевым в газете «Санктпетербургские ведомости» от 5 июня 1848 г., № 124. Сурово осуждая авторов первых двух некрологов за их «холодность и равнодушие», Михайлов не учитывал того, что в условиях цензурно-полицейского террора 1848 г. не могло быть и речи о развернутой характеристике Белинского в легальной печати. Ср. перечень печатных откликов на смерть Белинского в справке Ю. Г. Оксмана «Дата смерти Белинского» («Ученые записки Саратовск. гос. ун-та», т. XX, 1948, стр. 318—321).

¹ М. Л. Михайлов, вероятно, заимствовал эти сведения из некролога Белинского в «Современнике»: «Литература составляла исключительное его занятие и была для него единственным средством к существованию. Плоды его непрерывной осмнадцатилетней деятельности весьма многочисленны. Без сомнения, невозможность прекратить занятия, при упадке сил, была одною из главных причин пагубного действия чахотки, которая при условиях более благоприятных, может быть, и не обнаружила бы столь решительного и быстрого влияния, если взять в соображение лета покойного» («Современник», 1848, VI, «Смесь», стр. 173).

² 5 июля 1848 г. В. Р. Зотов писал Михайлову из Петербурга: «Умирают люди бедные, которые никому не мешают, которые не могут никому делать зла, а подлецы здравствуют себе на-славу. Само собою разумеется, что и литературные геростраты живы да здоровы, а бедный Белинский отъиде ad patres» (ЦГИА. Фонд М. Л. Михайлова).